

АЛЕКСАНДР БАШИБУЗУК

СТРАНА АРМАНЬЯК

БАСТАРД

РУТЬЕР

ДРАКОН ЗОЛОТОГО РУНА

БФ-коллекция

Александр Башибузук

**Страна Арманьяк:
Бастард. Рутьер. Дракон
Золотого Руна (сборник)**

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Башибузук А.

Страна Арманьяк: Бастард. Рутьер. Дракон Золотого Руна
(сборник) / А. Башибузук — «Издательство АСТ», 2015 — (БФ-
коллекция)

ISBN 978-5-17-115991-7

Что делать если тебя неожиданно забросило в пятнадцатый век? Наш современник, тренер по фехтованию, Александр Лемешев, волей случая оказывается в теле бастарда Жана д'Арманьяка, виконта де Лавардан и Рокебрен, внебрачного сына графа Жана V д'Арманьяка, одного из последних феодальных властителей божьей милостью. Вокруг дремучее Средневековье, бушуют междоусобные войны, инквизиция и эпидемии, отец убит, родовые земли захвачены, а по пятам идут ищейки короля Франции Луи XI по прозвищу Всемирный Паук. Лемешев понимает: для того чтобы выжить, надо принять то время, в котором ты оказался, таким какое оно есть. А значит, придется встретить опасности лицом к лицу и добыть себе славу единственно возможным способом: твердой рукой и клинком.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-115991-7

© Башибузук А., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Бастард	6
От автора	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	47
Глава 6	61
Глава 7	70
Глава 8	86
Глава 9	98
Глава 10	109
Глава 11	128
Глава 12	139
Глава 13	145
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Александр Башибузук
Страна Арманьяк: Бастард.
Рутьер. Дракон Золотого Руна

© Александр Башибузук, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Бастард

От автора

Я писал эту книгу с удовольствием, почти с таким же, с каким в юности сам зачитывался рыцарскими романами. XV век. Время, когда государство еще не представляло собой безликую машину, а персонифицировалось выдающимися людьми, титанами Ренессанса. Эпоха, в которой еще не умерли такие понятия, как рыцарство, честь, долг и любовь, – не может не восхищать, несмотря на то что порой она была жестокой и в ней случались предательство и подлость. Но... она не более жестокая, не более подлая, чем наше время. Всегда и во все времена тяжело было жить человеку, попавшему в жернова истории.

Толчком для моего обращения к этой теме и этой эпохе стал роман Дмитрия Старицкого «Фебус. Принц Вианы», открывший для меня волшебную страну Гасконь. И мне захотелось поделиться с вами, мои читатели, своим восхищением людьми, ее населявшими. Зуд в пальцах отличает писателя от всех остальных людей. Я сел за клавиатуру и... сам не заметил, как написал весь роман.

По традиции я хочу выразить свою признательность писателям Игорю Негатину и Дмитрию Старицкому за то, что они открыли для меня свои творческие лаборатории, откуда я щедро черпал опыт старших товарищей по цеху.

Глубокую благодарность я приношу кандидату исторических наук Юрию Дмитриевичу Борисову за его неоценимые исторические консультации.

А также редакторам этой книги за то, что они так старательно возились с моим несовершенным текстом. В книге, которую вы только что сняли с магазинной полки, есть и их труд.

Пролог

– Что хотела? – Звонок жены, как всегда, оказался не вовремя.

– Нам надо поговорить.

Женушка в своем амплуа. Невообразимо печальный голос, сдобренный почти наполовину страданием. Денег просить будет как пить дать...

Ах да... она уже пять лет как бывшая женушка, но каким-то удивительным образом я не могу думать о ней как о бывшей, она всегда настоящая; так сказать, крест, который я несу и буду нести. Я удивительно легко схожусь и расхожусь с женщинами, но Людка осталась у меня в сердце вечной занозой. Без каких-либо шансов от нее избавиться.

– Я за рулем... – Зараза!.. Крутанул руль и едва ушел от «крузака», вздумавшего устроить обгон через две сплошных. – Давай завтра... или послезавтра.

– Тебе все равно... Ты наплевательски относишься ко мне, тебе наплевать на дочь, тебе наплевать на всех, кроме тебя... – У жены прорезались визгливые нотки в голосе...

М-да, так и не поменяла она свой репертуар, а пора бы, сейчас эти истерики ничего, кроме дикой злости, не вызывают.

– Я-за-рулем... твою мать!.. – прорычал я и бросил телефон на сиденье.

Да что за день сегодня такой... Сначала в федерации все мозги высушили, теперь Людка... Да задрали, уроды!

Принял вправо и остановился на обочине. Нашарил в бардачке пачку «Житана», щелкнул зажигалкой...

Опять заверещал телефон. Мельком глянул... Ага, опять Плеханов...

– Да, Михаил Иванович...

– Сань, ты подумал?

– Да, Иваныч.

– Так что, едешь?

– Нет.

– Вот объясни мне на русском языке, почему? У тебя что, бабло мешками валяется?! – Мой собеседник – председатель федерации спортивного фехтования – последние слова проорал в нешуточной ярости.

– Нет, не валяется... – Я постарался голос не повышать, все равно бесполезно: Иваныч всегда слышит только себя и возражений не принимает никогда. – Я тебе сегодня все уже сказал, – произнес спокойно и раздельно.

– А ты повтори... Потому что я отказываюсь понимать этот бред.

– Я доведу Жихарева до чемпионата и возьму с ним золото; если я сейчас уйду, парень не подготовится и медаль уйдет венграм.

– Да начхать мне на медаль, мне сейчас из министерства звонили, а им начхать на меня, а мне начхать на твой идиотизм. Арабы сидят у меня в приемной. Ты сейчас приедешь и подпишешь контракт; если ты его не подпишешь, я снимаю тебя со сборной... Ты меня понял? Ты будешь тренировать этих гребаных арабов и если надо, то и по деснам станешь лупиться со всеми их шейхами...

– А не пойдешь ли ты, Иваныч... к шейхам. – Отрубил телефон и опять закинул его на сиденье. – Гребаные уроды! – со злостью выкрикнул в лобовуху и двинул по рулю.

Зачем мне такое счастье... Манал я этих арабов вместе с их Катарам¹. Бабки, конечно, совершенно неприличные получают: вот втемяшилось в голову сыну короля сделать свою

¹ Катары – квазихристианское манихейское религиозное движение, распространенное в XI–XIV вв. в ряде стран и областей Южной Европы. Для борьбы с этой ересью римские папы в XIII в. организовали крестовый поход под предводительством

команду чемпионами мира – и хоть кол на голове теши. Ладно... Кажется, все верно делаю: еще побыкую чуток и, глядишь, в контракте лишний нолик прибавится.

Опять запиликал телефон. Да что же это такое...

– Я уже все сказал! – заорал в трубку.

– Александр Вячеславович, вам необходимо срочно прибыть в министерство, на пятнадцать ноль-ноль у вас встреча с министром; вы меня слышите? – сообщил мне совершенно спокойный женский голос.

А вот это уже серьезно. Если Иваныча я могу послать, то министра... м-да... кажется, с лишним ноликом не сложится...

– Я буду.

– Пожалуйста, не опаздывайте...

– Не буду... – Рванул с места – и одновременно с истошным воем гудков увидел несущуюся на меня морду громадного грузовика...

Глава 1

...Темнота, расцвеченная сверкающими звездочками, вдруг резко исчезла, сменившись режущим светом, тупой болью, пронизывающей голову, и чьими-то мягкими, нежными и сухими губами у меня на щеке...

– Да что за... – Открыл глаза и увидел пофыркивающую лошадиную морду.

Лошадь?

Конь?

Кобыла?

Нет... Жеребец.

Что за нафиг?

Где это я?

Коняка, увидев, что я пришел в себя, радостно фыркнула и опять полезла слюнявить лицо.

– Фу... тьфу ты... отстань, – попытался отодвинуть ее морду – и уставился на свою руку в...

Мама дорогая... на ладони была надета самая настоящая латная перчатка².

– Что за... – Глаза поневоле опустились ниже и разглядели всю руку, обтянутую кольчугой с наручами...

И белый балахон с вышитым на нем каким-то гербом. А под ним...

Черную, с золотой насечкой, составную кирасу...

И широкий кожаный пояс, украшенный узорными бляхами...

И торчащий эфес с круглой причудливой чашкой...

И высокие ботфорты из рыжей замши...

Господи... на них золотые шпоры!

Шпоры?

Когда?... Когда я успел заявиться в клуб к реконструкторам и нажраться там вусмерть с Денисом?

Стоп... Какой клуб? Какой Денис? Я же...

Где моя машина?

Где урод – водила грузовика? Задницу наизнанку выверну...

Пошарил глазами вокруг...

Дубовая поросль, ручеек журчит между покрытыми зеленым мхом камнями, и здоровенная оседланная вороня коняка с притороченными к седлу сумками и выюками. Моей «Витары» и тем более грузовика с уродским водилой не наблюдалось.

Что за черт?

Голова не просто болит, а раскалывается. Нашупал ссадину на лбу, всю в засохшей крови и... И слипшиеся от крови волосы...

Волосы?

Уставился, скосив глаз, на черную, без седой волосинки, длинную волнистую прядь...

Да что за черт, у меня уже лет пять как волос на голове не наблюдается! Все, что еще растет, безжалостно стригу под ноль...

Попытался вскочить и запнулся о длинную шпагу в кожаных, окованных железом ножнах. С лязгом многочисленных железяк шлепнулся на колени и в лужице воды увидел молодую физиономию в обрамлении шикарной шевелюры...

² Латные перчатки – элемент доспеха, защита кисти. Кожаная перчатка, обшитая комбинацией стальных полос. Элемент готического доспеха.

– Мама... – в ужасе жалобно прошептал и еще раз притронулся ко лбу, сразу заорав от боли. – Твою же душу в капель... не сплю же...

Надо позвонить!

Полез в карман... и не нашел кармана... Вместо него – какие-то хреновины на обтягивающих штанах в виде... в виде... память услужливо высветила актера Домогарова из сериала «Графиня де Монсоро»... там на нем примерно такие же колготки были надеты.

Потянул из ножен тесак с закрывающей руку причудливой чашкой. Сантиметров сорок будет, обоюдоострое узкое граненое лезвие, память опять услужливо подсуетилась – «дага»³, и сразу вспомнилось второе слово: «эспада»⁴. Тренер по фехтованию я или кто? У меня дома на стене такие висят: дага – моя гордость, старинная, а эспада – новодел, но качественный. Подарили в Кастилии, когда был там на соревнованиях...

Подтянул к себе эспаду... она и есть. Тяжелая, длиной сантиметров восемьдесят пять, можно рубить и колоть, на чашке причудливо изогнутый захват... золотая чеканка... россыпь мелких камней, и главное... полный аутентик, хрен спутаешь... мечта Портоса.

– Тьфу, бред какой-то...

Еще раз посмотрелся на себя в лужу...

Парень лет двадцати пяти, с длинной брюнетистой шевелюрой и ободранным лбом. Не то чтобы красавец, но и явно не урод, морда волевая, нос зачетный, горбатый и длинный, можно даже сказать – тоже волевой. В воде отражался белый балахон, стянутый в поясе ремнем. На балахоне вышитый герб в виде геральдического щита со вздыбленными львами по всем его четвертям. А под балахоном еще кираса... Или панцирь? Никогда в доспехах особо не соображал, вот в оружии – совсем наоборот...

«Составная кираса», – опять подсуетилась память. Да откуда я это знаю?

Под кирасой – кожаный камзол... Да не камзол, а колет⁵, под колетом белая рубаша из довольно грубого по современным меркам полотна, тоже полный натурэль... На шее тяжелая золотая цепь с массивным крестом и вторая цепь, тоньше и изящнее, с какой-то ладанкой.

Штаны... вернее, колготки... шоссы и пуфы... Да, это пуфы, и ботфорты чуть ли не до паха, да еще под коленом ремешком стянуты...

Да что за карнавал, едрена вошь, и почему у меня морда юнца, а не сорокалетнего нормального мужика? Тут поневоле в чертовщину всякую поверишь...

Присел на валун и задумался...

Я тренер сборной страны по сабле... Должен был подписать контракт с федерацией Катара... Выкореживался, набивая цену, и не подписал, за что был серьезно вздрючен председателем нашей федерации и вызван на ковер к министру для вздрючки на более высоком уровне...

А потом?

В памяти ясно отпечаталась мощная решетка радиатора грузовика, летящая мне навстречу...

Ну... получается, потом я умер...

Вздохнул свежего, такого вкусного пряного воздуха...

Да нет, не умер.

Встал и несколько раз присел... бодренько так присел; отлично... только лоб болит, да долбаные колготки в зад врезаются...

³ Дага – кинжал для левой руки длиной до 60 см с усиленной гардой. Гарды были в форме чаши, широкой пластины или дужек.

⁴ Эспада (*исп. espada*) – испанский одноручный меч с прямым узким обоюдоострым клинком. Мог оснащаться сложной корзинчатой гардой.

⁵ Колет – мужская короткая приталенная куртка с привязными рукавами (без рукавов – жилет), обычно из светлой кожи, надевавшаяся поверх дублета в XV–XVII вв. В варианте поддоспешника – то же, что и гамбизон.

Зачерпнул из ручья воды и промыл лицо.

Ерунда, кожа расцарапана да шишка порядочная, сотрясения вроде нет... подобрал с травы малиновый берет с пучком павлиньих перьев. Надо же, как авантажно... берет с перьями; насколько помню, пейзажи в Средние века головные уборы другие носили... Значит, не пейзаж, слава богу.

Ну ладно, там я погиб, а здесь что со мной случилось, да и кто я?

– Слышь, коняка, а я кто? – поинтересовался у коня, норовившего поймать губами мое ухо.

Жеребец всхрапнул и закивал головой.

– А мог бы и подсказать, Роден. – Бесстрашно протянул руку и потрепал коня по морде.

Роден! Роден... похоже, из моей памяти отрывками все-таки прорываются какие-то воспоминания...

– Так ты – Роден?

Жеребец согласно кивнул, всхрапнул и полез губами в лицо...

– Но, не балуй...

Получается... получается, меня каким-то загадочным образом занесло не пойми куда, да еще и вселило в чье-то тело... И как это? Там помер, а здесь ожил. С одной стороны, прикольно, а с другой... да что за черт, чешется же все.

Содрал перчатку и потер шею... м-да... да ты, братан, минимум месяц не мылся. Вот это не очень... мыться срочно... да и переодеться не мешает...

– Давай, Роденушка, посмотрим, что у тебя в сумках. – Взвесил в руке тяжеленный шлем, притороченный к седлу, похожий на спартанский, только без гребня и творчески переработанный.

М-да... барбют называется, всплыло название... не мои это знания, я сроду в доспехах и всяких там латах особо не разбирался. Это память старого хозяина тела, скорее всего, подсказывает.

– Слушай, братан, подсказывай давай все и сразу, а не порциями... – обратился внутрь себя.

Оттянул тугую бронзовую пряжку на чересседельной сумке и разложил все содержимое на травке, затем проделал ту же процедуру со второй. Отвязал вьюк позади седла.

Ну, что у нас есть...

Развязал шнурок на тяжелом мешке... вот это я понимаю. Повертел в руках маленький золотой кружок с выбитым на нем мужиком на коне и с мечом. Золото. В мешке килограмм, не меньше, это сколько же в долях будет?

– Окстись, придурок, – рявкнул на себя в голос, – какие доли?! Нет, надо срочно определяться, куда меня занесло и, главное, в кого...

Память услужливо подкинула название монеты – конский франк...

И тут я внезапно понял...

Это не сон...

Это не шутка...

И я не брежу и определенно не свихнулся...

Внезапно накрыло ощущение полной беспомощности и дикого ужаса; так накрыло, что я сел на камень и впал в мрачное уныние, отказываясь понимать все, что случилось со мной. Это в книгах про попаданцев бравые парни моментом вписываются в жизнь и, вооруженные массой знаний, переводят все в истории с ног на голову.

А я?

Судя по надетым на меня доспехам – Средние века. Главный источник знаний про Средние века у меня – книги Александра Дюма... И все. Разве что еще Вальтер Скотт.

Больше же ничего не знаю. Совсем ничего...

Не врач я...

Не ученый...

Не гениальный полководец...

Не инженер...

Не химик... твою же мать, я даже не имею ни малейшего представления о составе пороха, который, судя по книгам, на зубок знает любой приличный попаданец!

Я не знаю истории! Совсем!

Я умею только фехтовать.

Да, черт возьми, я это только и умею, но... умею фехтовать современной спортивной полукилограммовой саблей, которой даже при всем желании барана не зарубишь, а здесь мечи должны быть тяжеленными: вон только моя эспада больше кило весит...

Куда ни ткнись, везде...

Состояние рассудка с каждой секундой становилось все плачевнее, я моментами впадал в дикую ярость, злой на весь мир, проклиная судьбу и неизвестные силы, сыгравшие со мной такую пакостную шутку. Ярость сменялась диким унынием, когда рука сама тянулась к кинжалу – прекратить всю нелепость моего положения. Я действительно не знал, что делать. Несмотря на мою обертку из этого мира, я остался тем, кем был, и не видел никаких перспектив для выживания. Не радовало даже молодое и сильное тело... твою же мать, здесь же, судя по крошкам моих знаний, тут даже зубы рвут кузнецы, а люди не моются никогда! Добавим чуму, тиф и всякие дизентерии...

Я не знаю, сколько просидел, занимаясь самобичеванием, но, как ни странно, привел меня в чувство голод; банальный голод и зуд давно не мытого тела.

Солнце, весело пускавшее зайчики через прорехи в листве, ушло к горизонту. Стало немного прохладнее.

– Сдохнуть? – спросил я сам себя и повертел страхолюдную дагу. – Вот взять и заколоться этой железякой...

Но, несмотря на полное уныние и упадочническое настроение, этот вариант не привлекал. Жить хотелось. Жить и пользоваться всеми благами жизни и молодого, полного сил тела... Да и чума с тифами не так страшны...

Заурчало в животе. Вспомнил, что сегодня вечером собирался в испанский ресторанчик с Юлькой Сенчиной, тренером молодежи...

Не-э-эт... сдохнуть я всегда успею. В данном периоде истории это как раз совершенно не трудно. По крайней мере, сначала надо набить чем-то пузо.

Вытащил и расстелил на траве темно-зеленый плащ из плотного сукна и на него вытряхнул все содержимое сумок.

Сразу отсеял все несъедобное в сторону, развернул несколько свертков из грубой, но сравнительно чистой холстины и подвинул к себе полный кожаный бурдюк.

Выдрал пробку, нюхнул, затем влил в себя несколько полновесных глотков...

Вино! И неплохое вино. Терпкое, с приятной кислинкой, с миндальным послевкусием. Поискал современные аналоги и не нашел... Но хорошее вино, черт побери!

Да, именно, черт побери.

Судя по фильмам, у дворян... а я надеюсь, судя по золотым шпорам, что я дворянин, – это самое распространенное ругательство. Значит, не будем выпячиваться из эпохи.

В свертках оказалось несколько приличных ломтей копченого мяса и сыра. По паре головок лука и чеснока, пучок незнакомой мне зелени с пряным запахом и в завершение – большая булка слегка черствого, но чертовски вкусного сероватого хлеба.

Ну-ка... мясо пахнет какими-то специями и копченостями, вроде свежее... червей, по крайней мере, не наблюдается.

Набил полный рот и даже замычал от наслаждения. Сыр вообще оказался похож на божественный нектар. Не остановился, пока не умял треть припасов. Уже лучше... И всякая ерунда в голову перестала лезть. Воистину желудок у мужиков прямо связан с мозгами.

С насыщением пришло почти благостное настроение. Порылся в вещах и выудил мешок с запасным бельем и одеждой. Сразу зазудело немытое тело, и я обнаружил, что содрать с себя винтажные, приличествующие эпохе одежды – не самое простое дело.

Снял пояс с оружием, стянул котту через голову; как подсказала память, балахон этот назывался коттой. Панцирь-то и остальное железо снять оказалось просто: лишь расстегнул замки и пряжки и отложил в сторону.

А вот дальше... Дальше дубы слышали много нелестного про средневековых модельеров... Зараза, ну как можно изобрести штаны из трех... вру, гульфик забыл, – четырех частей... Сука, где вы, Сен-Лораны и Гуччи?..

Не знаю, что мне больше помогло: мат или дикое желание помыться, но, повозившись, я разделся и полез в ручей, с ужасом понимая, что рано или поздно мне придется одеваться.

Ни мыла, ни мочалок и тем более шампуней в припасах я не обнаружил и, просто набрав глины пополам с песком, выдраил это тело до скрипа, периодически оглашая лес дикими воплями... Вода холодная, сцуко! Самая что ни на есть ледяная.

Жеребец пощипывал травку; всхрапывая, удивленно косился на внезапно сдвинувшегося хозяина. Судя по его ироничным глазам, прежний обитатель моего тела подобными вещами особо не заморачивался.

Ледяная вода и чистота полностью привели меня в сознание. Как мог, осмотрел свое новое тело... Весьма, весьма... Ноги, конечно, слегка... Вернее – благородно, так правильной будет, – кривоваты. А вот плечевой пояс и руки прямо бугрятся сухими мускулами, хоть на подиум иди красуйся. Ростом я, получается, сейчас поменьше буду, чем раньше. Где-то сантиметров под сто шестьдесят пять, против моих ста девяти в прошлом... да и хрен с ним, не важно, главное – естество есть в наличии, и не маленькое.

Оп-па... А пацанчик и повоевать успел. На плече грубо зарубцевавшийся шрам, на предплечье целых два... И на ноге заросшая дырка, как будто грубо выдирали... Ну да, явно не пулевое, стрелу, скорее всего, и выдирали.

Размялся, согреваясь, и остался полностью доволен своей новой оболочкой. Взял эспаду и проделал несколько мулине⁶ в три темпа... А вот это никуда не годится. Даже совсем печально. Скорости никакой, тело приказов мозга слушается с опозданием... Нет, все мои знания и умения остались при мне, вот тело... тело не мое. Да и эспада... Ну как можно фехтовать такой тяжелой железякой?

Я как-то был приглашен в клуб исторического фехтования, где парни на энтузиазме разучивали приемы по копиям трудов древних мастеров. Пригласил меня Степка, сын моего давнего приятеля Дениса; у молодежи, несмотря на желание и литературу, мало что получалось. Провозился я с ними и с самим собой пару месяцев, да и потом периодически заглядывал... затянуло это дело.

Так вот. Современная школа отличается от средневековой, как небо и земля. Нет, основа та же, но одно дело махать тяжелой эспадой, больше похожей на меч, а совсем другое – легкой как пушинка современной саблей. Да и, скорее всего, местные бретеры такого понятия, как «правила спортивного фехтования», просто не знают, и не надо им придерживаться дорожки и отступать после каждого удара.

Но! Парень, похоже, этой самой железякой махал с детства, так что все не так критично. При необходимости, а то, что она будет, я убежден наверняка, наверстаю.

⁶ Мулине – в фехтовании: связки из различных приемов.

Обсох, и лес перепугала очередная порция мата. Пока завязал все эти шнурки и застегнул все гребанные пряжки, нервы опять оказались на пределе.

Не факт, что все сделал в правильной последовательности, но вроде получилось, да и память тела помогла. Хозяин умел, мне его умения и достались. Вот только память прорывалась кусками и не по порядку. По ругательствам, извергаемым из моей глотки вперемежку с родными, русскими, я понял, что хозяин был французом... или испанцем... бог его знает, но скорее всего, французом. Как звучит слово «дерьмо» на языке лягушатников, я знаю.

Значит, я во Франции... и это хорошо. Испания у меня ассоциируется со страшным словом «инквизиция» и кострами. Книга про Тиля Уленшпигеля, наряду с «Тремя мушкетерами», в детстве настольной была... Собственно говоря, тогда я и увлекся фехтованием благодаря именно им.

Пора посмотреть, что у меня, кроме денег и жратвы, еще есть. В лесу пока достаточно светло, и я начал наводить ревизию...

В отдельном мешке оказались некоторые дополняющие приблуды к доспехам. Облегченная кольчуга, латная юбка⁷, набедренники⁸, поножи⁹, наколенники¹⁰ и сабоны, сиречь латные башмаки. А это что... Ага, горжет¹¹. Таким образом, получается, у меня в наличии полный комплект готического доспеха. Не турнирного, боевого. Такой значительно легче и подвижность в нем, не в пример турнирному, лучше. По легендам, рыцарей в турнирных латах рычагом-краном на коня сажали.

Так, а щит? Есть, приторочен к седлу. Небольшой, с тем же гербом, что и на балахоне, то есть котте, кажется, такие щиты тарч¹² называют.

Доспехи – очень тонкой искусной работы, с золотой и серебряной насечкой и из одного комплекта. С виду невероятно дорогие. Значит, получается, я рыцарь. Другим в Средневековье такие латы носить было не по чину. А если я рыцарь, то где, в конце концов, мое рыцарское копье и мой оруженосец?

Где они все?

Так... стоп... а какого рожна это тело валялось здесь без сознания и с ободраным лбом?

Огляделся, и все стало на свои места. В зарослях проломана целая просека...

Ну да, получается – на полном ходу вылетел из седла и двинулся башкой о массивный узловатый корень... вон рядом с ним и берет валялся. А вот куда и, главное, от кого я так спешил?

Негодующее ржание отвлекло меня от раздумий... Вот я лох... Это тебе не свою «Витару» в гараж поставить.

– Сейчас, Роденушка, сейчас... – потрепал жеребца по холке и, немного поматерившись, расседлал. С этим делом я знаком, все-таки казацкого рода: все каникулы в детстве на Кубани в станице проводил и с дедом в ночное ездил. Принцип тот же, только все маленько архаично и с лишними наворотами. Обтер жеребца пучком травы и накрыл легкой попоной, которая нашлась среди вещей.

А коник знатный: рослый, очень массивный, не першерон, но около того, с крутой шеей, длинной гривой и сильными длинными ногами... вроде такие и должны быть у рыцарей, а порода называется андалузской...

⁷ Латная юбка – элемент доспеха. Являлась продолжением кирасы и как бы частью ее. Могла по длине доходить до колен.

⁸ Набедренник – элемент доспеха, предназначенный для защиты бедра.

⁹ Поножи – часть доспехов, которая защищает переднюю часть ноги от колена до щиколотки.

¹⁰ Наколенник – элемент доспеха, предназначенный для защиты колена.

¹¹ Горжет – стальной воротник доспеха для защиты шеи и горла.

¹² Тарч – название щитов, применяемых европейскими рыцарями в XIII–XVI вв. Выгнутые щиты различной формы, обычно имевшие локтевое крепление, один ремень надевался на предплечье, а второй зажимался в ладони. На правой стороне иногда делался вырез, предназначенный для фиксации копья.

Ну, андалузец так андалузец...

– Красавец ты мой... – Поискал, но не нашел ни овса, ни ячменя... а должны они вообще быть? Вроде должны.

Ладно, утро вечера мудренее. Отрезал краюху хлеба, чуть присыпал крупной серой солью и скормил коню. Завтра будем отсюда куда-нибудь выбираться, а пока только вот так и травка с листиками. Затем стреножил жеребца и полез дальше разбираться с имуществом.

С оружием оказалось лучше, вернее – обильнее...

В кобуре при седле нашелся арбалет¹³. Самый настоящий арбалет, не большой и не маленький. Средний. С петлей, куда ногой упираются, когда руками взводят, и реечным воротом к нему, – это значит механизированный взвод. Солидная изящная работа. По дереву костяные резные накладки, все металлические части – с гравировкой. Тул¹⁴ с тремя десятками коротких толстых болтов тоже нашелся. Конечно, пулемету я бы больше обрадовался, но с поправкой на эпоху это равноценное оружие. Так что радуемся тому, что есть.

Попробовал взвести руками, без ворота... и взвел. И второй раз подряд взведу, а вот третий уже не получится, тугой до невозможности, да и ладно: как говорил тот же Иваныч, чем туже, тем приятней.

Вложил болт, прицелился в дерево и нажал на спуск. Тренькнул механизм, и стрела с гулким стуком вонзилась в ствол. Подошел посмотреть... Ого, сантиметров на шесть-семь влезла – хрен вытащишь. Правду писали, что на близком расстоянии большинство доспехов пробивает... да что же такое... ладно, пускай торчит.

Вытянул из ножен, прикрепленных к седлу, тяжеленный и длинный обоюдоострый меч. Жуткое оружие. Таким можно на скаку вражину пополам развалить, и меч называется бастард¹⁵, это я и сам знаю, потому что крепится он не к хозяину, а к коню.

А это что за мессер? Стиллет... нет, мизерикорд – длинный, сантиметров тридцать пять, четырехгранный клинок с крестообразной гардой и ручкой, обтянутой потертой кожей. Сразу видно, что боевое оружие. Победенных добивать.

Ну что же: что старому хозяину этого тела было необходимо, и мне пригодится. Хотя совершенно не понимаю, как я это буду делать. Вот ни разу я еще никого не зарезал.

Что у нас тут еще... Обоюдоострый кинжал, похожий на меч в миниатюре. Этот уже украшен побогаче, ручка из желтой кости, золотая насечка, навершие рукоятки – золотое, усыпанное мелкими сколами рубинов, гарда тоже вся в чеканных узорах и камнях. А вот это уже парадная штука, вон ножны какие авантажные, но клинок у кинжала заточен на славу, если пырнешь – мало никому не покажется.

Стоп, это что за ерунда?

В сумке торчал арбалетный болт¹⁶. Не мой, у моего наконечник не такой, и оперение черное, а тут зеленое.

А вот и второй в подбивке седла застрял.

Вот оно что... а за парнем-то гнались и палили из арбалетов. По наитию осмотрел заднюю пластину кирасы. Ага, неглубокая четырехгранная вмятина в районе поясницы. Как раз по форме наконечника арбалетного болта. Вот почему он несея куда глаза глядят... ой... не вляпался ли я в какую-то межродовую вражду или еще чего похуже?

¹³ Арбалет – ручной механический лук.

¹⁴ Тул – футляр для стрел, колчан.

¹⁵ Бастард (оружие) – «полоторный меч», «длинный меч». Из некоторых источников следует, что названием своим он обязан тем, что крепился не к поясу владельца, а к седлу лошади.

¹⁶ Арбалетный болт – стрела для арбалета. Тяжелее, толще и короче обычной стрелы. Встречались болты, полностью изготовленные из металла. Болт имел большую пробивную силу, чем обычная стрела.

Черт, я же не знаю ни года, ни даже века! Может, тут война вовсю идет... какая там?.. Во... Столетняя или Алой и Белой Розы... может, тут неподалеку Жанка, которая д'Арк, с войском лихачит... Ой, мама... канать надо, канать...

– Тьфу, придурок, – в сердцах обругал сам себя. – Куда? Сиди ровно на попе и не рыпайся. Вон стемнело уже, спать ложись...

Для ободрения и улучшения настроения выхлебал половину наличного вина, положил рядом с собой заряженный арбалет и остальные «колющие и режущие», под голову примостил седло, закутался в плащ и улегся, засыпая на ходу. Винцо и нервное напряжение свою роль сыграли...

– Ну а чё...

Может, я принц какой наследный?

Или царевич какой?

Ага, спи, царственный придурок: по принцам из арбалетов не пуляют...

Или пуляют?

Все, хватит, засыпаю... завтра, все завтра...

Мысли путались, чувствовал я себя дико уставшим и разбитым. Что и не удивительно: не каждый день в средневековую неизвестность закидывает.

А что удивительно – ни в коем разе удрученным этим обстоятельством себя я не чувствовал.

Мама дорогая... Кажется, мне вся эта история начинает нравиться...

Глава 2

Ночь прошла беспокойно. Ближе к утру стало сыро и холодно, вся трава покрылась росой. Всю ночь в лесу что-то ухало, скрипело и подвывало, пугая Родена, да и меня тоже, заставляя при каждом шорохе просыпаться и хвататься за арбалет.

Окончательно я проснулся, едва рассвело, и, к своему удивлению, обнаружил, что хорошо отдохнул и выспался. Давно забытые ощущения! Последний пяток лет я по утрам, кроме головной боли, ничего не чувствовал...

М-да... трудно привыкнуть, что ты разом помолодел лет этак на двадцать пять.

И помолодел-таки...

Естество дыбилось с дикой интенсивностью, грозя порвать эти чертовы суконные колготки.

Ничё... придет время, попробуем и местный слабый пол. Конечно, если... если они не воняют аки звери лесные... Знаете, историки на этот момент намекают вполне определенно.

Оправился, умылся и полез в сумки за припасами, есть хотелось просто зверски. Еще одно качество молодого тела. Умял половину оставшейся еды, но вина не тронул, просто попил восхитительной родниковой воды.

Сразу захотелось поваляться на травке и послушать птичек, но пересилил себя и занялся делом.

Окончательно разобрал оставшиеся вещи, нашел четыре подковы с ухналями, набор оселков для заточки оружия, бутылочку льняного масла – тоже за оружием ухаживать, и походный мужской туалетный несессер в коробке из тисненной кожи.

М-да... Бритва с костяной ручкой странной формы, флакон зеленого стекла с какой-то пахнущей ромашкой эмульсией и дико архаичной конструкции ножницы, больше похожие на прибор для стрижки овец. U-образная пластина, концы которой в свою очередь еще развернули остриями друг к другу и заточили. Да и позолотили еще для авантюжности... техника на грани фантастики... Но с грехом пополам режут. Завершало комплектацию набора полированное небольшое серебряное зеркало.

Всласть насмотрелся на свое новое лицо, затем, шипя и чертыхаясь, побрился и подровнял небольшую бородку... Вот никогда в жизни не носил – и на тебе, в наследство досталось. Ладно... сбривать пока не буду, может пригодиться. Может, без нее здесь мужику западло ходить.

Нашлась даже аптечка, в средневековом варианте, конечно: завернутый в холстину спутанный пучок ниток... ага, корпия¹⁷ называется. Несколько рулонов льняной ткани... Бинты! Ёптыть, все в мусоре... Как они здесь выживали? Пара небольших глиняных горшочков с горлышками, затянутыми воценой бумагой. В одном густая, почти черная, остро пахнущая мазь, во втором мазь желтая, пахнет вроде аммиаком. Знать бы еще, когда, какую и где применять. Вспомнился целебный бальзам матушки д'Артаньяна... ага, это тоже что-то похожее... Стоп, стоп... Вот что-то и проясняется...

Д'Артаньян-то в Менг приехал в берете, за что и был освистан и оплеван. Все уже носили шляпы...

Значит, я не во времена Ришелье попал, а значительно раньше, к тому же огнестрельным оружием и не пахнет... М-да, глубокомысленный вывод. Историк, ёптыть! Время действия ближе к событиям, описываемым в «Графине де Монсоро»? Хотя там уже аркебузы изобрели...

¹⁷ Корпия – растеребленная ветошь, нащипанные из старой льняной ткани нитки, употреблявшиеся как перевязочный материал.

Вот черт его знает, не получается из меня аналитика, нечего и пытаться.

А вокруг природа поражала благолепием, громадные дубы перемежались молодой порослью, воздух казался нектаром, серебряным звоном журчал ручей, прыгали по веткам и чирикали разноцветные птички. Парадиз, одним словом.

Парадиз парадизом, а определяться надо...

Открыл небольшую кожаную сумку – и даже присвистнул. В ней оказался письменный набор: бронзовая чернильница, пучок перьев, нож для их очинки и завернутая в ткань небольшая книга в кожаном переплете с бронзовыми застежками.

Вот даже как, а у нас в книгах средневековых дворян сплошь неграмотными обзывают. Открыл и осознал, что понимаю эти затейливые завитушки.

Оперся спиной на седло, нашел последнюю запись и начал читать...

«...отец, милостью Божьей конте Жан V д'Арманьяк¹⁸ повелевает мне ехать в Арагон к рею Хуану просить милости и заступничества от хулителя и угнетателя свобод дворянства богомерзкого руа франков Луи XI. Волею Божьей мы остались без союзников и осаждены в славном городе Лектуре, последнем оплоте прав и истинных поборников свобод. Войско одного Луи, управляемое кардиналом Жилем Жоффруа, устраивает приступы и всячески наносит урон защитникам и нашим приверженцам.

Видит Бог, что я с большей охотой с мечом в руке отражал бы приступы, однако повинуюсь воле отца. Сегодня вечером в сопровождении оруженосца своего и двух копий кабальеро я попытаюсь выскользнуть из осажденного Лектура...

– Твою же кобылу в трещину... – только и смог выразиться, прочитав эти строки.

Потянулся к бурдюку с вином, сделал глоток и опять углубился в чтение. Оторвался от книги, только когда разобрал последнее слово... Это был дневник виконта Жана де Лавардан и Рокебрэн, сына Жана V, конта д'Арманьяк?

Черт! Это что? Я теперь Жан? Веселенькое имя, ядрена вошь! Хотя в принципе ничего. По-нашему Ванькой буду.

Но все равно! С досады метнул кинжал в дерево, а потом еще полчаса бегал по поляне, оглашая лес матом и рубя кусты эспадой. Сука, это западло, это голимая подстава. Зачем же так глумиться над заслуженным тренером страны, дважды чемпионом мира, чемпионом Олимпийских игр и просто хорошим человеком? То есть надо мной. За что? Мало загнать в Средние века, так еще и в тело этого... как его? Бастарда! Незаконнорожденного ублюдка. Это по нынешним временам вроде как дело естественное и понятное. А в Средние века бастардов дворянского положения даже метили красной полосой поверх герба. Вон и у меня на щите такая же. Только что обратил внимание.

Наконец выдохся, уgomонился и постарался проанализировать информацию. Все равно все уже случилось и надо поблагодарить неизвестных шутников хотя бы за то, что я оказался в теле этого бастарда д'Арманьяка, а не, к примеру, в теле неандертальца. Да и вообще за то, что дышу...

Жан V, конте д'Арманьяк, папаша мой, судя по дневнику его сына, личностью был, гм... несколько специфической, до такой степени эпатажной, что его умудрились при жизни дважды отлучить от церкви, и сейчас сидит он в городе Лектуре, осажденном войсками руа франков, которому он намеренно ставил палки в колеса не один десяток лет, а я собственно из города свалил, направляясь с поручением отца в Арагон, за помощью.

¹⁸ Жак д'Арманьяк, герцог де Немюр – двоюродный брат Жана V графа д'Арманьяка. Преследовался Людовиком XI, как и остальные члены семьи Арманьяк. В 1476 г. он был осажден в своем замке, сдался на милость победителя, год провел в Бастилии и после длительного процесса осужден и казнен в Париже.

А сегодня... Получается, 4 мая 1473 года. Господи... это же почти семьсот лет, назад... тьфу ты, вперед. Твою же душу наперекосяк, никак не могу воспринять время, в котором я очутился...

Но все это семечки. Самая прелесть оказалась в том, что я мало того что незаконнорожденный, так еще незаконнорожденный в особо извращенной форме. Папаша-то – Жан V. А мамаша моя... Мамаша моя – Изабелла, есть родная сестра этого самого Жана. То есть я граф, виконт и много чего еще там... и одновременно – никто. Бастард в кубе, одним словом. По нынешним временам это жуткий коктейль!

Учитывая, что я автоматом стал врагом этого самого царственного Луи, ни дна ему, ни покрывки, коктейль получается смертельно ядовитый. В дневнике не указывалось конкретно, что папаша и руа... непонятно, какой руа... если Луи, то, значит, король... Но король – это Людовик, а если Луи – то руа...

Ладно, пока не важно.

Так вот: то, что эти товарищи меж собой конкретно не поделили, описано крайне замысловато. Сплошной бред насчет ущемленных прав, но, очевидно, все здесь серьезно. А как с врагами в подобные времена расправлялись, всем известно...

– Не хочу в Бастилию... Не хочу на плаху... Не хочу к палачу в гости... – невольно в голос заорал я.

Действительно не хочу...

Нет, это я точно брежу; вот сейчас полезу в сумку, найду мобилу, позвоню Иванычу, и он меня отсюда увезет к таким милым, симпатичным и щедрым шейхам. В отчаянии полез в сумку, но мобилу не нашел...

В сумке лежали в кожаных тубусах несколько грамот, которыми папаша подтверждал право наследования мною поместий, титулов и разных земель.

Да... как бы того ни хотелось, а с головой у меня все в порядке. Даже осознаю, что, если папашку грохнут, грош цена этим всем бумагам. В дневнике о том неоднократно намекалось.

Как же все-таки я хочу свихнуться...

Господи, помоги!!! Обязуюсь стать образцовым семьянином, перестать бухать и тягаться по девкам... Даже назад с Людкой сойду, только помоги, верни меня обратно! Сделаю я из арабов чемпионов мира...

Не помог.

Не захотел.

Так и остался я сидеть в этих дурацких суконных двухцветных колготках посередине дикого леса. Одна штанина одного цвета, вторая – другого.

Маразм!

Рука сама потянулась к бурдюку, и несколько добрых глотков вина постепенно привели хаотичный поток мыслей к некой логической направленности.

Выход есть. Выход всегда есть. И я его найду.

Если старый греховодник, то есть папенька мой, считает, что рей Арагона может помочь, то, значит, так и есть. Недвусмысленно намекается, что сей Хуан и еще несколько царственных товарищей из Бургундии и Гиени – никак не друзья этому Луи-Людовику. То есть получается: враг моего врага – мой друг. К тому же дворяне Гаскони – а я, черт возьми, получаюсь гасконец – поддерживают папашу. Не все, но многие. Король, попросту говоря, собирается урезать дворянские вольности и сделать из нашего края свою вотчину... Сами понимаете, гордые гасконцы, мягко говоря, не совсем согласны с этими инициативами.

Напрашиваются следующие выводы: срочно мчать в Арагон с письмом... Ага... Вот оно и письмо, запечатанный восковыми печатями тубус... И вести домой подмогу. Бить Людовика в хвост и гриву, отстаивая гасконские вольности.

А что нам, гасконцам? Принадлежность к столь прославленной национальности льстит нешуточно, даже некая лихость в мыслях появилась.

И почему я не выбрал на жизненном поприще стезю историка? Вот сейчас бы знал заранее, чем эта катавасия закончится. Ан нет, я не историк, поэтому гадание на кофейной гуще получается, то есть авантюризм чистой воды. Но как ни суди, без авантюризма из этой истории не выпутаться.

Значит, что... Сбежал я из Лектура вчера. Город, судя по записи Жана... тьфу ты... моей же записи, хорошо укреплен, силы в нем значительные, и может продержаться еще долго. Собственно, и держится он уже три месяца...

А сколько мне переть до Арагона?

И вообще, где я сейчас нахожусь... преемник-то мой никакой картой не озаботился.

Ладно, пора собираться и куда-нибудь направляться: деньги есть, язык понимаю, внешность благородная, натура гасконско-русская; значица, все шансы на успех имеются. Безопаснее, конечно, со свитой, но... нету. Вчера, очевидно, все пали, прикрывая мой отход. Вечная вам память...

Уложил все вещи обратно, из доспехов надел только кольчугу и поверх нее – кирасу, хватит пока, потом оседлал Родена.

– Ну что, Жан Жанович д'Арманьяк, голова боится, а руки делают, пора и делом заняться... Дранг нах Арагон, едрит ее в качель... – Запрыгнул в седло, повертел булками, умащивая седалище, лихо заломил берет и слегка тронул шпорами жеребца. – Поехали, родной...

Роден сам выбрал направление и неспешно потрусил в просвет между зарослями. Скотина умная... куда-то да вывезет, а я пока покручу головой по сторонам, рассматривая средневековый лес.

Лепота... воздух чистейший, даже голова кружится, живности море. Куропатки, фазаны, даже небольшое стадо косуль мелькнуло. Представляю, какая здесь рыбалка. Природу активно загаживать начнут только через несколько столетий. Ну, ничё... Это даже просто отлично. Еще один положительный момент в моем перевоплощении. Всякими ГМО и прочими гадостями травиться не буду.

Вот даже не знаю, как считать... Повезло мне или нет? Это с какой стороны посмотреть.

С одной стороны, полная задница: ни медицины, ни цивилизации, воюют все против всех. Того и гляди на ровном месте борзый дворянчик протазаном¹⁹ по башке пригладит, или церковники во благо Господа спалят за неосторожное слово. Хотя мне кто-то говорил, что просто так они никогда не сжигали, и даже когда палили салемиких ведьм, основания на то имели железобетонные. А еще чума, холера и всякие там проказы... это тоже не шутка. Добавим личную вражду с королем... или руа... один черт, неприятно.

Так вот... плохо это или нет? Не знаю... Скорее, не просто плохо, а архихреново.

А с другой стороны, вселился я в тело молодого парня...

Стоп. Не с той стороны начал. По-другому начну...

В двадцать первом веке я концы отбросил однозначно. А здесь ожил, значит, получил шанс прожить еще одну жизнь... и мне кажется, что один этот момент перевешивает все выше-приведенные аргументы. Вспомни, Саня... тьфу ты... Жан, как ты зачитывался по малолетству дядюшкой Дюма и Вальтером Скоттом. О подвигах мечтал, приключениях. Сражаться за свою даму сердца хотел, сублимируя детские эротические фантазии. Вот те, пожалуйста... Наслаждайся. Чувствую, приключений на мою пятую точку приготовлено – вагон и малая тележка.

¹⁹ Протазан – колющее древковое холодное оружие, разновидность копья. Имеет длинный, широкий и плоский металлический наконечник, насаженный на длинное – до 2,5 м древко.

Как я и говорил, все просто архихреново, но как это ни странно звучит, наряду с диким страхом прослеживается мой интерес ко всему этому. То есть своими уже ничему не удивляющимися циничными сорокапятiletними мозгами осознаю, что хочу этой жизни попробовать. Очень боюсь, но хочу... Да, тысяча чертей, хочу!

Хочу увидеть Париж, прогуляться по монастырю кармелиток, где д'Артаньян пырлся с гвардейцами. Станцевать на приеме в Лувре, если, конечно, его уже построили. Хочу завалить какую-нибудь герцогиню де Шеврез и отодрать ее со всей юношеской пылкостью, предварительно проткнув пару кавалеров на дуэли...

Стоп, стоп, Жан Жанович, это тебя уже не туда понесло... Кавалеры сами тебя могут проткнуть, а герцогиня, согласно бытующему у моих прежних современников мнению, должна вонять аки зверь лесной. А в Лувре дамы и кавалеры гадят за портьерами. Читал, что во избежание загаживания дворцовых площадей всё разрисовывали крестами, надеясь, что дворянчики не будут гадить на символ христианской веры.

– Да, я такой... все могу опопшлить... – сообщил я любопытной сойке, уставившейся на меня с дерева. – И опопшлю. И нечего бояться. В своем мире я уже помер, то есть здесь живу авансом, так что давай, друг родной, учитывай свои жизненные ошибки и начинай жизнь с чистого листа. И плевать мне с высокой горы, что я необразованный неуч и не знаю рецептов пороха. Обойдусь. Органичнее вольюсь в местное общество, за своего то есть проканаю.

Не скажу, что настроение было особо боевое, скорее всего – совсем наоборот, но как-то всегда по жизни у меня получалось находить хорошие моменты даже в самых пакостных случаях. Надеюсь, и сейчас получится.

Роден неспешно трусил среди деревьев, умудряясь на ходу обрывать молодые листочки с веток. А я, наслаждаясь природой, тоже неспешно, уже без паники обдумывал свои дальнейшие действия.

Насколько я понимаю, надеяться на чудо, которое меня вернет назад в Москву, не стоит. Все окончательно и обжалованию не подлежит... Да и не у кого обжаловать, честно говоря. Остается только как можно быстрее вливаться в местную жизнь и постараться выжить. Что является очень и очень трудной задачей.

По скудным сведениям из дневника моего предшественника, все в реальности совсем не так, как я думал. В моем понятии в Средневековье была такая большая страна, как Франция... а, оказывается, все совсем не так. Есть куча самостоятельных территорий, которые соединяться в одну страну не спешат, и даже открыто того не желают. Нормандия, Бургундия, Аквитания, Анжу, Гиень да Гасконь... и живут там совсем не французы. И есть руа, то есть король франков Людовик XI, который все эти территории хочет заграбастать под свою власть и объединить в одну страну. Что, на мой взгляд, задача исторически необходимая, если опускать истинные причины, движущие этим самым руа. И недаром его здесь недруги называют Луи Всемирный Паук.

Определенных успехов на этом поприще данный товарищ добился. К примеру, моего папеньку загнал за облака...

Стоп, стоп... какая историческая необходимость? Плевал я на нее с высокой колокольни. Совсем забываю, кто я теперь. В задницу этого мироеда. Враг он мне сейчас, и точка. Значит, надо уцелеть и при этом нанести ему как можно больше урона и неприятностей, в идеальном варианте – совсем со свету сжить. Угнетатель дворянских свобод... на шпагу волка...

Стоп... это кто сейчас во мне говорит?

Жан Жанович бастард д'Арманьяк, виконт де Лавардан и Рокебрэн, или Александр Вячеславович Лемешев, тренер сборной России по сабле?

Да вот не знаю... Александру Вячеславовичу наплевать с высокой башни на Луи Паука, ему бы выжить, и все.

А вот Жану Жановичу совсем наоборот... у него со смертью папеньки начнется самое настоящее скатывание в низы, если не что похуже. И ненавидит он одного Луи всеми фибрами своей души...

Вот и получается, что во мне как-то начинают уживаться два очень разных человека... Конечно, хочется верить, что Александра Лемешева во мне больше... конечно, больше. Во всяком случае, пока я себя ощущаю именно им.

Задачки у меня, однако... На ходу вынул из сумки бурдюк и сделал еще пару глотков. Для пушшего успокоения и плавности мыслей.

Огляделся по сторонам.

Лес вокруг... Признаков людей и всяких построек пока не наблюдается. Вот и ладно... не готов я пока общаться. Еды еще на день хватит, если что – дичину какую-нибудь завалю...

А это что?

Коняка вывезла меня к развалинам совсем древней часовенки. Настолько древней, что она полностью заросла кустарником и совсем развалилась. Да и не часовенка это, скорее всего, а храм языческий, ёптыть...

Неожиданно из кустов вынесся с громадной дубиной наперевес заросший до бровей здоровяк в грязной хламиде и босиком. Я в ошеломлении смотрел, как он с ревом заносит дубину...

Успел только схватиться за шпагу, как вдруг Роден, став на дыбы, заехал этому хулигану копытами в грудь.

Мужик, выронив палку, сложился и улетел в кусты.

– Да что за... – Я наконец-то выдрал клятый клинок из ножен, вот никак не хотел он вылезать.

Спрыгнув с коня, направился к кустам, куда так бесславно закинуло непонятного мужика.

– Ты живой, дурачок?

В ответ донеслись тихие хрипы, бормотание и шуршание.

– Ты смотри... живой, – удивился я и швырнул в направлении звуков кусок камня. – Вылазь, придурок, а то уши обрежу.

– Милости прошу, господин... – донеслось из кустов, но никто так и не появился.

– Явись пред моими глазами, смерд, не заставляй предать тебя смерти ужасной, но справедливой... – неожиданно выпалил я и оторопел.

Это не я сказал... вернее, я... да не тот...

Не знаю, что подействовало, но мужик выполз на карачках и вдруг с низкого старта бросился на меня...

Ха, опять безрезультатно. На полпути зацепился об корень и грохнулся головой об валун. На этот раз он приложился качественно, даже гул по лесу пошел, и замер без движения. Во дает...

Взял под уздцы Родена, собиравшегося совсем затоптать неприятеля – воистину боевой коняка, – и, чуток погладив его по морде, привязал к дереву. Иначе он совсем моего «языка» изведет и лишит возможности хотя бы определиться, где я нахожусь.

Подожел поближе и ткнул бесчувственное тело носком ботфорта.

Живой, собака, что и странно... По идее, его еще Роден должен был прибить. Конь-то под тонну весом, никому мало не покажется.

Мужик непереносимо вонял смесью костровой гари и пота, хламиды на нем практически сгнила и пестрела прорехами. Косматые волосы и борода полностью закрывали лицо, но тело, хотя и истощенное, поражало своими размерами, вернее – габаритами. Мужик был невероятно широк в кости и могуч. Ростом чуть выше меня, но шире почти вдвое.

– Вот и «язык» нарисовался... – Отворачивая лицо от смрада, я спеленал разбойника путами для коня.

Вот так... Кажется, надежно.

Оглянулся на жеребца. Роден по-своему возмущался, фыркал, недовольный тем, что я использовал его имущество на столь непотребные цели. Или хотел добить бедолагу... Этого я уже не узнаю. Одно ясно: если бы не конь, получил бы я дубиной однозначно. Надо срочно тренироваться вытаскивать эспаду из ножен...

– У-у-у-у... – замычал мужик и открыл глаза.

– Ты что это, собака, разбойничать вздумал? А? На виселицу захотел? – поинтересовался я у разбойника, подавляя желание просто взять и перерезать ему глотку.

Опять Жан Жанович во мне прорывается.

– Милости прошу, благородный господин... – опять забасил мужик, стараясь незаметно для меня попробовать веревки на прочность.

Не... ну смотри, какой хам...

Я приставил к его горлу клинок даги и как можно спокойнее поинтересовался:

– Назови мне хоть одну причину, по которой я не должен тебя прирезать, собака?

Мужик не произнес ни слова, только угрюмо зыркал глазами по сторонам.

– Как тебя зовут? Кто твой хозяин?

– Я свободный! – с вызовом буркнул разбойник. – Я Уильям Логан, из Ланарка.

– Это где?

– В Скоттии...

– Где?

– По-вашему – Шотландия.

– А что здесь делаешь? Воевал бы на родине с англами. Или проще на путников нападать?

Шотландец от возмущения даже рыкнул и отвернул бородатую морду.

М-да... кажется, больное место задел... по фильмам знаю, что не дружат они с англичанами. И, кажется, совсем недавно, а может, и прямо сейчас рубятся с ними не на шутку.

– Что рычишь, борода? Вот что мне с тобой делать?

– Убей... Мне все равно...

– Так не бывает... – Пощекотал кончиком клинка его подбородок. – Почему скрываешься в лесу? В розыске? Вина на тебе есть?

– Вины нет. Розыск есть... – буркнул мужик.

– Розыск без вины не бывает. Ладно... рассказывай. Обещаю, если есть на тебе преступление какое, сам решу судьбу твою. Выдавать не буду. Говори, а то я найду способ развязать тебе язык.

– Зачем оно тебе, кабальеро? Я в твоей власти, делай, что должно, и покончим с лишними разговорами.

– Вот даже как... – Пристально посмотрел шотландцу в глаза.

Как на моем месте поступил бы Жан Жанович, у меня сомнений нет. Глотку от уха до уха, и все дела. Он же дворянин... кабальеро... странно, при чем здесь кабальеро... вроде во Франции нахожусь, рыцарь по, крайней мере, привычнее звучит. Ладно, со временем разберусь, дело совсем не в этом. Дело в том, что я дворянчик средневековый только с виду, ну и чуть-чуть натуры проскакивает, а в остальном вполне цивилизованный человек двадцать первого века, и просто так резать глотки мне претит. Конечно, можно съехать на обстоятельства, внедрение в образ и запросто прикончить этого бедолагу, и даже очень подмывает это сделать, опять же свидетелей нет... но не буду...

– Сколько дней не ел?

Мужик изумленно уставился на меня и промолчал. Ага... видно, здорово я из образа благородного кабальеро выбиваюсь...

– Понятно... долго. Клянись Пресвятой Девой Марией, что не будешь пытаться убежать, когда я тебе развяжу руки.

– Клянусь Девой Богородицей, что не буду чинить вреда тебе, кабальеро, и не буду убе-
гать, – недоверчиво глядя мне в глаза, пообещал шотландец и протянул руки.

– Смотри... – Я развязал путы. – Сиди здесь без движения, я сейчас.

Вытащил из сумки еду и на большой ломоть хлеба положил кусок мяса. Прихватил бур-
дюк с вином и вернулся к пленнику.

– Ешь... – Сунул хлеб в руки шотландцу и присел в стороне на валун, который он мину-
тами ранее безуспешно пытался расколоть своей башкой.

Бурдюк с вином оставил себе: губами к горлышку он прикоснется только через мой труп.
Смердит же, как падаль.

Уильям с едва сдерживаемым рычанием набросился на еду, уничтожив хлеб с мясом
мгновенно.

– Руки ладошками сложи... – налил ему в них вина. – Перекусил? Больше тебе пока
нельзя. Рассказывай давай... Ты не понял? Живее, а то скоро мое терпение закончится.

– Спрашивай, благородный кабальеро, все тебе расскажу. – Уильям выковырял из бороды
последние крошки и отправил их в рот. – Только я тебя, бастард д'Арманьяк, не понимаю.
Зачем оно тебе?

– Откуда ты меня знаешь? – попытался я скрыть изумление.

Получается, что Жан Жаныч был известный персонаж или... или я ни хрена не разбира-
юсь в Средневековье, что скорее всего.

– Твой щит, кабальеро. – Пленник показал рукой. – Герб д'Арманьяк, полоса бастарда.
Тебя же я не знаю.

– Ты обладаешь познаниями, неизвестными для смерда. Берегись, если ты врешь... – поз-
волил я выпятиться в себе Жан Жановичу.

– Я же тебе говорил... не смерд я. – Шотландец поморщился. – Положение мое, воля
злого рока и проклятие моего рода, преследующее нас со времен Брюса...

– Говори, – приказал я.

Как все интересно... сейчас он окажется принцем в изгнании. Средневековье, ёптыть.

– Я из великого клана Логанов... – прокашлявшись, начал повествовать Уильям. – Воины
нашего клана – сподвижники Роберта Брюса²⁰, законного кинга Скоттии. Двое из нас сопро-
вождали Черного Дугласа²¹, когда он вез сердце короля в Святую Землю, и погибли, покрыв
клан славой. Мой предок был шерифом Ланарка, получил эти земли от самого Брюса и был
повешен тираном Эдуардом Карнарвонским²², мужеложцем и содомитом, пусть горит его душа
в аду...

– Это, конечно, все впечатляюще... – прервал я Логана. Плеснул ему еще вина в ладони
и приказал: – Давай эти истории оставим на потом. Ближе к делу.

– Это же история нашего рода... – попытался возмутиться шотландец, но, увидев мое
недовольное лицо, поспешил продолжить: – Моя семья – лэрды²³, входящие в клан Логанов...

– Что такое лэрд?

– Мы землевладельцы... ну... нетитулованные дворяне. – Уильям немного смутился. –
Но лэрды также заседают в палате лордов в одном помещении...

– Короче!

²⁰ Роберт I Брюс (1274–1329) – король Шотландии, организатор обороны страны в начальный период войны за независи-
мость против Англии, основатель королевской династии Брюсов.

²¹ Черный Дуглас – Джеймс Дуглас, шотландский полководец в период войны за независимость Шотландии. Сподвижник
Роберта Брюса, который в 1329 г. завещал своему другу и сподвижнику сэру Джеймсу свое сердце.

²² Эдуард III – он же Эдуард Карнарвонский (1284–1327) – английский король (1307–1327) из династии Плантагенетов,
сын Эдуарда I.

²³ Лэрд – представитель нетитулованного дворянства в Шотландии.

– Нас проклинали, и дела семьи покатались под гору. Жены перестали родить мальчиков, посева не всходили, на скот напал падеж. Мужей наших поражало безумие, они стали предаваться непотребному...

– Ты меня уже достал...

– В общем, меня во искупление грехов рода отправили в монастырь...

– Так ты монах? – Я расхохотался.

Вот ну никак не похож этот громила на монашка. Все что угодно, только не это.

– Был... – мрачно насупился Уильям. – Доминиканцем.

– И сбежал?

– Сбежал.

– От чего? Не по нраву епитимьи²⁴ и палка настоятеля? Девкам непотребных захотелось? – ехидно поинтересовался у шотландца.

Ну от чего еще можно сбежать из монастыря; по мне, так только по этим причинам.

– Поспорил...

– Я тебя сейчас кинжалом ткну, *rojai bistree*... – Последние слова у меня вырвались по-русски, и я невольно осекся... так и спалиться можно.

– Меня перевели в аббатство Сен-Север во Францию переписчиком летописей, так как я грамоте и искусству писания образов обучен. А там я поссорился с настоятелем по поводу некоторых теологических определений Фомы Аквинского.

– Убил? – догадался я.

– Нет... – тяжело вздохнул Уильям. – Связал и порол вервием... А что? Он поносил меня и сквернословил, не признавая очевидные догматы.

– Ой, не могу... – чуть не задохнулся от хохота.

Это же надо... теологический диспут с насилием... ну, красавчик.

Отхохотав, налил ему еще вина и дал хлеба.

– Продолжай, парень, ты мне уже нравишься.

– Закрыли меня в монастырскую темницу на месяц, наложили епитимью. Обязали носить вериги семифунтовые и уязвлять плоть голодом и плетью... Ну, и сбежал я... Пробирался ночами до Арагона, хотел наняться воевать с маврами. По пути подрядился расписать базилику в соборе Святой Марии, что в городе Оше...

– Кого на этот раз?

– Местного каноника... – признался Уильям. – Повадились, собака, ходить к девице Мари, дочери местного булочника... Там и поссорились...

– Опять Фома Аквинский²⁵?

– Не-э... – заржал шотландец. – О достоинствах оной девицы. По итогу схватила меня городская стража, заключили в темницу, всплыл побег из монастыря, появились обвинения в ереси и колдовстве. В лучшем исходе – виселица. В общем, выломал решетку и бежал. Вот... теперь в этом лесу обретаюсь. Прости меня, кабальеро. Не корысти ради напал на тебя, а от отчаяния и голода великого.

– Так откуда ты о моем гербе знаешь?

– Я все в геральдике знаю. Многие свитки и книги переписывал, в том числе и с перечислением именитых родов и их гербов.

Вот так... даже не знаю, как назвать эту встречу. Чем-то этот громила мне симпатичен и даже может быть полезен...

– Так, грешник... развязывай-ка себе ноги, и пошли к воде.

²⁴ Епитимья – добровольное исполнение христианином определенных «дел благочестия», предписанных ему духовником за грехи в результате предшествовавшей исповеди.

²⁵ Фома Аквинский – средневековый философ и теолог, систематизатор ортодоксальной схоластики, основатель томизма, монах-доминиканец.

– Зачем? – недоуменно уставился на меня шотландец.

– Зачем? Ты же смердишь аки зверь лесной; пошли, человека из тебя будем делать. Да не бойся... топить не буду. И не вздумай брыкаться, проткну...

Почему я так поступил? Все просто: помимо уверенности в том, что от этого громилы вреда для меня не последует, скорее всего, мне к тому же нужен человек, который разбирается в нюансах этого времени... спалюсь же... да и какой благородный рыцарь без оруженосца? Правильно, получается ущербный рыцарь, или, как тут говорят, кабальеро. А оно мне надо? Я как все.

Глава 3

Посекундно оглядываясь, Уильям привел меня к ручью и застыл, ожидая всяких пакостей. Очень уж я не вписывался в его видение кабальеро.

– Что застыл? Скидывай с себя тряпье и мойся, – приказал я, вволю насладившись его растерянным видом. – Да не бойся, я не содомит. Снимай, сказал, песья башка, не бойся – удачу не смоешь. Ее у тебя и так давно нет.

Шотландец сбросил хламиду и, почесывая худое, но мощное тело, полез в воду. Удовольствия при этом он явно не испытывал. Я, покрикивая при явном саботаже помывочных процедур, вытащил свои туалетные принадлежности. Критически посмотрел на средневековые ножницы и стал подтачивать кинжал. Ножницы в данном случае были бесполезны.

Уильям в это время громко бормотал какие-то молитвы... очевидно, водяных бесов прогонял, натирая себя песком и глиной. Это по моему повелению, а то он собирался плеснуть водичкой на себя и на этом закончить.

– Тебе самому-то приятно ходить вонючим, как осел? – поинтересовался я у испытывающего адские для него муки Логана.

– Настоящий скотт должен быть вонюч и волосат... – буркнул монах.

– Ага... тогда это ты точно. Скажи лучше, где это мы находимся? Я тут немного заблудился.

– Десять лиг²⁶ до города Оша и вдвое больше до Лектура.

– Ближе что-нибудь есть? – Бог его знает, сколько составляет эта лига...

И Жаныч не подкидывает воспоминаний... будем считать лигу за милю. Не будешь же у расстриги спрашивать очевидное.

– Есть... Флеранс... – буркнул шотландец, натирая шею песком, и в очередной раз поинтересовался: – Скажи, кабальеро, зачем тебе я? Зачем ты заставляешь меня мыться?

Достал уже...

– Жизнь тебе дарю и хочу взять тебя в слуги. Считаю это моей прихотью. А вонючий слуга мне не нужен... если хочешь, можешь прямо сейчас уходить... – Я махнул в сторону леса.

– В слуги? – озадачился шотландец. – Я же преступник.

– Мне наплевать, здесь моя земля, и один я решаю, кто преступник, а кто нет. Я так хочу, а будешь спорить, получишь по башке... Ну? Решай! – позволил я себе разозлиться.

– А где ваш оруженосец? – Уильям немного успокоился: видимо, на этот раз я в образ попал.

– Погиб. Свита тоже. Все умерли. Один я остался... и довольно об этом. Здесь вопросы задаю я. Я тебе уже сказал... не хочешь – свободен.

– Я согласен... но я же...

– Ты сейчас преступник, которого ждет не дождется ошский палач, больше никто... а лэрд ты или кто, еще большой вопрос. Дворяне по лесам не прячутся в рубище и с дубинами не нападают. Ты понял? Служи верно, и мои милости придут к тебе, – сообщил я шотландцу гневным и надменным тоном.

Вона как... быстро я в роль вошел. Даже нравиться стало. И правильно. Надо сразу ставить на место, слугам только волю дай. Хотел сначала произвести его в оруженосцы, но потом решил подождать и узнать своего новоявленного спутника получше. Пусть сначала послужит. Да и хрен его знает, что он за человек. Великим знатоком душ я себя никогда не считал. Видя, что Логан еще колеблется, поспешил закрепить успех.

²⁶ Лига – мера длины. 1 французская лига (почтовое лье) = 2 милям = 2000 туазов = 3,3898 км.

– Рано или поздно ты сдохнешь в этом лесу или все-таки попадешь на виселицу. Я же тебе предлагаю жизнь. И возможность возвыситься.

– Я согласен, господин... – Уильям вылез из ручья и стал на колени. – Я буду служить вам не щадя живота своего, и отныне моя жизнь – ваша.

– Так-то лучше. Возьми. – Я бросил ему свою старую котту и запасные... короче, трусы. Другого названия этих коротких штанов из полотна с завязками под коленями я не знал, а Жан Жанович подсказывать не спешил.

– Да не надевай... подожди. Сначала садись на камень. Бери кинжал и скобли себе голову. Наголо... затем бороду. Сколько получится, потом уже бритвой.

Через час предо мной предстал молодой парень. От того, насколько разнился прежний образ с нынешним, я даже присвистнул.

– Сколько же тебе лет?

– На Благовещение двадцать будет... – пояснил Уильям и отчего-то покраснел, сам с удивлением рассматривая свою физиономию в луже.

– Понятно; теперь надевай что есть. Не замерзнешь... Доберемся до города, приобретем тебе нормальную одежду.

– Спасибо, господин... – поблагодарил шотландец. – Вы очень добры ко мне. Я отплачу как смогу.

– Куда ты денешься... Отныне и навечно нарекаю тебя Туком, слугой своим, – торжественно продекламировал я. Ну а как его назвать?

Монах!

Из Англии!

Здоровый как кабан!

Только Тук, по аналогии.

– Тук францисканцем был, – буркнул по своему обыкновению Уильям.

– Так ты знаешь...

– Кто в Британии не знает про Робя Локсли, графа Хаттингтонского и его товарища братца Тука! – сообщил шотландец, повергнув меня в полное удивление.

И пропел баском:

Дрожат богачи,
Веселится народ:
Славный парень Робин Гуд
На ярмарку идет...

Я тихо выпал в осадок. Вона как... не выдумали легенду. Правда, значит. Твою же кобылу в дышло... к живой истории приобщаюсь. Так еще д'Артаньяна встречу... стоп, разве что его прапрадеда, кажется. А что, он же тоже гасконец и где-то в этих местах обретается. В Беарне... во.

Поудивлялся про себя, но виду не подал и рыкнул на своего нового слугу:

– Мне плевать, кто он был. На тебе еще кусочек сыра, и пошли. Жрешь сыр, идешь впереди лошади по направлению к городу и рассказываешь все, что знаешь про обстановку. Пошел.

– Вам, господин, не стоит показываться в этой местности, – неожиданно сообщил мне свежеиспеченный Тук.

– Почему это?

– Вы должны сами знать...

– Говори... меня по голове в битве двинули, сутки без памяти лежал... почти все забыл, – постарался выкрутиться я.

Эта версия совсем недалеко от правды лежит.

– Ага, так бывает, – подтвердил Тук. – Моего дядюшку секирой по голове двинули, так он не только память потерял, но и речь. Мычал как корова до самой смерти.

– К делу. Меня твой дядюшка мало интересует. Почему не стоит показываться?

– Вы же из Лектура с боем уходили? – спросил Тук и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Когда началась осада Лектура, я как раз последние дни в Оше был. Он уже давно под управлением сенешалей руа франков находился. Все знали, что прежний господин, ваш отец Жан Пятый д'Арманьяк в опале и осаждаем в Лектуре. Ну и вы, я так понял, с ним были, а сейчас вырвались из города. Как только городская стража или кто из гарнизона увидят ваш герб, тотчас схватят. Да и на дорогах войск достаточно. Подкрепления и обозы... так что, господин, если хотите услышать мое мнение...

– Давай без вилияния. Говори. – Я тихо порадовался тому, что нашел этого громилу.

Сам бы, ничтоже сумняшеся, вперся в город и, конечно, попался бы. Не иначе ангел-хранитель меня в новой личине опекает.

– Только не гневайтесь, господин... – Тук скорчил скорбную рожу. – Из-за заботы о вас предлагаю и ни в коем случае не хочу оскорбить вашу честь кабальеро...

– Братец Тук, если хочешь наладить со мной отношения, научись говорить прямо, а не вилиять задом... – Меня уже порядочно стала доставать манера Логана выдавать информацию крайне витиевато и в час по чайной ложке.

– Надо сменить герб ваш и цвета...

Мгновенно во мне взбунтовался прежний обитатель тела, и я заорал, выдергивая эспаду из ножен:

– Да я тебя на куски порублю, собака!..

Тук проворно отскочил в сторону и запричитал:

– Я же говорил... зачем сразу «на куски»... умный на стену не полезет, умный в ворота войдет... сами сгинете, а мне что делать?

Я постарался сразу взять себя в руки. Не знаю, что Жан Жанович нашел крамольного в словах Тука, мне это предложение показалось толковым и дельным.

– Тихо; не причитай, подойди... – поманил я рукой Тука. – Как ты себе это представляешь?

– Я мог бы нарисовать вам новый герб под стать новому званию и имени, но у меня красок нет. Но я могу сходить в Флеранс и купить их у маляра. Но в таком виде меня сразу задержат. Вот так...

– Дальше...

– Если вы мне одолжите ваш меч, я посижу у дороги и оденусь, а потом и в город сбегу...

– Разбойничать собрался? – констатировал я.

– Ну, а как... одежды ваши мне не по размеру и не по чину. Опять же... цвета... – немного смутился Тук. – Вы не сомневайтесь, благодетель вы мне есть, не сбегу и не выдам вас, господин. Ну, есть еще один способ... Вы подождете какого-нибудь кабальеро и вызовете его на поединок. Ну, а дальше – как Господь решит.

– Вот так просто вызвать на поединок?

– Ну а что такого? За даму сердца или еще по какой причине... И все. А затем имущество его переходит к вам. – Тук недоуменно развел руками, дивясь моей непонятливости.

Ну да... времена такие, все никак не впишусь. Все очень просто. Но вызывать никого на поединок мне не улыбается. Палка о двух концах, знаете ли. Могут эти самые рыцари меня и того...

– Не спеши... – решил я как можно дальше оттянуть решение этого вопроса. – Давай потихоньку двигать к дороге, а там ясно будет. И ты это... слишком много воли взял, пришибу за дерзкие речи твои... понял?

- Ага... – довольно кивнул Тук. – А можно, ваша милость, сыра еще кусочек?..
– Возьми... и это... песню, какую там знаешь, запевай, про баб... скучно мне.

Тук радостно напихал полный рот сыра, бодренько двинулся по тропинке и, прожевав, баском загорланил:

Я в детстве парень был недюжий,
Я хреном гвозди забивал...

Да... со слугой мне повезло. Ну, по крайней мере, пока так. Что дальше будет – не знаю, но очень хочется верить, что не хуже.

Роден неспешно трусил за Туком, а я, покручивая головой по сторонам, обдумывал, как проскочить мимо всех неприятельских пикетов. Тук прав, гербы и цвета здесь вроде паспорта, причем надежного паспорта. Получается, ни один дворянчик по собственной воле не перекрасится: честь рода, фамилии и все такое. И не совет, когда его спросят, кто он такой, по тем же причинам. Так это родные для этого времени дворяне, не я.

Во наивные...

Мозги современного человека, искушенного в разной казуистике, совершенно не протестовали против изменения личины. Вон сколько у меня титулов; разобраться бы еще, что они означают. Но насколько я понимаю громкие титулы и фамилии, как мои, например, у всех на виду, а про мелкопоместного дворянчика с окраин могут и не знать. Ну, едет себе кабальеро, да и пусть едет. Мало ли куда, может, нехристей воевать или паломничество совершать. Если судить по Вальтеру Скотту, можно себе еще обет какой-нибудь выдумать. И прокатит, надо только с Туком проконсультироваться, а то можно навывдумывать...

Глянул по сторонам. Лес заканчиваться не собирался, наоборот, стал чаще, появились завалы из павших деревьев, но тропинка, по которой вел меня шотландец, виднелась ясно...

– Ваша милость, а можно мне арбалет ваш? – попросил Тук, выведя меня из раздумий. – Может, дичину какую подобью. Так вечером свежим мясом побалуемся.

– Сколько еще до дороги? – поинтересовался я.

И не думая передал арбалет со стрелами шотландцу... Потом спохватился и понял, что сделал явную глупость. Потянулся к эспаде, но Тук, как бы поняв мои опасения, состроил серьезное лицо, стал на одно колено и заявил:

– Ваша милость, не думайте про меня плохого. Клянусь: никогда и ни при каких обстоятельствах не причиню вам вреда. Мужчины из рода Логанов ни разу не нарушали свои клятвы. До последнего дыхания я буду хранить вам верность и защищать ваше тело.

– Да ладно... ничего такого я не думал, – невозмутимо заявил я, качественно покрывив душой. – Ты вопрос слышал? Сколько еще до дороги?

– К ночи доберемся, ваша милость. Я как можно дальше забрался, да и вы тоже, – виновато пояснил Тук, осматривая арбалет.

– Хорошо. Тогда начинай искать место для ночевки.

– А чего его искать – скоро будет старая разваленная римская башня, я в ней ночевал раньше, пока не заметил неподалеку людей. Там и остановимся. От нее как раз пару часов до дороги.

– Веди и болтай меньше... Да, и озаботься мясом, – продолжил я разыгрывать из себя подлинного бастарда Жана д'Арманьяка виконта де Лавардан и Рокебрен. Хотя насколько я догадываюсь, лицедейство мне не очень-то удастся. Настоящим кабальеро надо родиться и быть дитем своей эпохи. А у меня с этим не сложилось. Да и ладно: думаю, пообтешусь до известных пределов, да и частичка настоящего д'Арманьяка, оставшаяся во мне, подскажет.

Продолжили путь, перебрались через мелкую речушку и болотце на ее берегу. Там я приказал Туку нарвать кизилу, и он, пыхтя от усердия, нарвал целый подшлемник.

Еще через пару сотен метров шотландец ловко подстрелил маленькую косулю, выскочившую прямо на нас. Закинул ее на плечи и двинулся вперед, опять горланя скабрзные баллады.

М-да... народец-то хоть и средневековый, но в этом плане не очень от современного отличается... ха... даже поизобретательнее будет, хотя грубее и пошлее.

Когда солнце окрасило кончики деревьев багрянцем, показалась полностью заросшая плющом полуразвалившаяся башня. Когда-то она гордо взмывала вверх, наводя страх на галлов и кельтов, и даже сейчас, почти развалившись, вызывала почтение.

Прикоснулся ладонью к шершавой, поросшей мхом поверхности, внезапно увидел на долю секунды суровых воинов в римских доспехах и шлемах с плюмажами. Видение было мгновенным, но поражало своей реалистичностью... да... за каждым камнем здесь – история. Кровь, сражения... не сразу давались римлянам гордые галлы, или кто тут еще водился.

– Обиходи коня, потом костер разожжешь, – приказал Туку. – Кресало в сумке, а косулю давай сюда.

Попробовал кончик кинжала ногтем и быстро освежевал дичину. Наука нехитрая. Охотой с детства балуюсь. На шкуре быстро порубил мясо на куски, промыл слегка водой, потом притрусил солью из бронзовой солонки и в завершение выдавил на него спелый кизил.

Не терплю плохо приготовленное мясо. Мясо, как и женщина, требует к себе достаточно внимательного отношения, но и в свою очередь легкой небрежности, хорошенько разбавленной грубостью. Никакого сюсюканья. И тогда оно получается достойным настоящего мужчины. Обязательно большими кусками, чуть подгорелыми сверху и недожаренными внутри, с крупинками пепла на румяных бочках, с запахом дыма... мм... Боже, как же я проголодался!..

Быстро ошкурил несколько ореховых прутьев, насадил мясо и уселся ждать, пока прогорит большой костер, запаленный Туком.

– Что сидишь, бурдюк с вином давай.

Перед водружением мяса на костер надо выпить. Святая традиция. Покачал бурдюк в руке... Пара литров осталось. Нормально... Но во что же Туку налить?

Вдруг заметил легкий блеск в кустах возле самой стены башни.

– Посмотри-ка, братец, что там блестит?

Шотландец покопался и вытащил старинный кубок, покрытый грязью и мхом.

– А ну давай его сюда... – Повертел в руках и поскреб кинжалом... Вот это да! Серебро, не иначе, да еще и с камнями красненькими. М-да... в наше время враз бы разбогател с такой находкой. А здесь? А здесь вот так будет...

Окликнул шотландца.

– Очисти его, да получше. Песочком потри. Будет тебе из чего винище хлебать. Да живет.

Пока Тук трудился, я отгреб прогоревшие угли в сторону и приладил на рогульках импровизированные шампуры. Моментально потянуло заворачивающим запахом, затрещали на углях капельки жира.

Мм, вместе с окружающей натуральностью – полный рай...

Налил шотландцу в кубок вина и сделал сам добрый глоток.

– Ну как, орасина? Благодарь?

– Ага, ваша милость. Девочек бы еще...

– Это точно... – поддерживаю.

Молодой организм уже прямо кричит и требует. Но решил подразнить бывшего монашка:

– Какие тебе девочки? Ты же вроде монах?

– Не лежала, ваша милость, у меня к этому делу душа, прости, Господи, за дерзкие слова... – Тук перекрестился. – Насильно отдал. Ну какой из меня монах? Смех и грех...

– Ну да... ладно, считай, я тебя сана лишил, расстрига... Переверни мясо... Да вот так, и вином сбрызни из кубка. Молодец... чего пилишься – удивляешься, как благородный сьер с готовкой управляется?

– Нет, – помотал головой Тук.
– Не ври, собака... так уж и быть, поясню. Вот кто я?
– Ваша милость...
– Это понятно, – перебил я шотландца. – Еще кто?
– Ну... – растерялся Тук. – Кабальеро.
– Это тоже понятно. Кто еще? Стоп... не отвечай; сначала мясо давай. – Взял шампур, подул и вгрызся в обжигающее, шипящее мясо...

М-да... Ради этого стоит жить. Запил вином и продолжил:

– Ну, говори.
– Мужчина? – наконец сообразил шотландец.
– Во-от... дошло наконец. А каждый мужчина должен уметь обиходить себя сам. Даже кабальеро. Жизнь наша полна опасностей, в одночасье можно лишиться и оруженосцев, и свиты – вот как я сейчас. Занятие охотой входит в семь благородных страстей кабальеро и включает в себя не только умение охотиться, но и умение дичь приготовить. Вот скажи, что бы ты сожрал с большим удовольствием: кусок сырого мяса или отлично приготовленного жареного?

– Ну, дык, вештимо, шареный... – прошамкал бывший монах набитым ртом.

– И я тоже. А что же делать, если жрать хочется, а никого рядом нет? Во-от... Мясо жарить, а его жарить – уметь надо. Понял, орысина?

– Да, ваша милость, все понял, – энергично закивал Тук. – Преклоняюсь пред вашим умом, ваша светлость.

– То-то же. Подай еще мяса... Молодец... Но запомни, это касается только походной еды. Остальные разносолы пускай готовят люди, для этого предназначенные. Понял?

– Понял, ваша милость.

– Молодец, давай рассказывай, что ты там насчет герба толковал.

– Ну, так... вот только не бросайтесь на меня с мечом... – Тук опасливо покосился на меня.

– Не буду. Рассказывай... я сегодня добрый. – Тут я не соврал.

Сытная еда, отличное вино и относительный комфорт привели мою светлость в отличное расположение духа. К тому же Тук, как бы это сказать точнее... Правильно себя вел. Я приметил, что парень достаточно умен. Умен не в буквальном смысле слова, а по-житейски мудр и рассудителен, умеет правильно выделять приоритеты. Вот понял, что в его случае единственно правильным решением будет держаться меня – и демонстрирует свою преданность всеми способами. И как-то верится, что он при случае действительно будет защищать своего господина из всех сил. Не знаю, возможно, он просто человек своей эпохи, в которой все зависит от твоего господина или покровителя, а возможно, здесь именно умение выделять приоритеты. Во всяком случае, я немного расслабился в его отношении, хотел бы он – уже давно всадил в меня стрелу... ан нет.

– Надо герб заменить и поменять титул с именем или вообще снять с себя знаки сословные... – Тук привстал на корточки, готовый при малейшем моем возмущении пуститься наутек.

– Сядь... я два раза не повторяю. Сказал – не буду гневаться, значит, не буду. Вот ты понимаешь, что ты сказал? Предать род, предать предков... опозорить свое имя, сан кабальеро... это неслыханно. В роду д'Арманьяк никогда так не поступали...

Я развивал мысль, стараясь вбить в голову шотландца мысль, что он предлагает мне святотатство и неприемлемые для благородного сеньора²⁷ вещи. Всем нутром чувствую, идет такой поступок вразрез с образом благородного кабальеро, и Тук может что-то заподозрить.

²⁷ Сеньор (лат. senior – старший) – 1) землевладелец, владетель сеньории, имеющий в своих владениях права государя.

– Объясни мне ход твоих мыслей.

– Ну как, ваша милость... понимаете... когда перед лицом маячит эшафот, не до благородных манер. Вы уж извините, но про вашего отца легенды ходят. И как его ненавидит благочестивый руа франков Луи – тоже не секрет. Луи не оставит вас в покое. Вы его козырь против вашего отца. Я, со своей стороны, понимаю, что неспроста вы из Лектура бежали. Простите за дерзкие слова, но если есть цель, то ее надо достигать любыми путями...

– Не твоего ума дело – цели мои, – прервал я Тука.

М-да... Парень действительно умен не по сословию и времени.

– Я терплю дерзкие речи твои, ибо добр сегодня. Вот скажи, если ты так мыслишь, почему бы тебе не донести на меня? И вину свою покроешь, и, может, милостей отвалят.

– Ну как? – Парень заколебался. – Я же поклялся, а род Логанов...

– Вот не лги мне... – рыкнул я. – Истинную причину говори и не испытывай моего терпения, собака. Я твою душонку насквозь вижу. Ответствуй.

– Все просто, ваша милость. – Тук склонил бритую голову и тихо ответил: – Не будет милостей за вас; по крайней мере, мне. Все получит тот человек, кому я донесу... дурное это дело. А я как должен был пойти на эшафот, так и пойду. Но... можете меня прибить... даже заколоть, но я тоже честь имею, хоть и покрыл свою голову постыдными делами. Я истинный сын своего рода... и за добрые дела всегда воздаю сторицей. Вы же меня спасли, не дали сдохнуть как зверю. Накормили, одели, на службу взяли... я даже сначала не поверил, худое про вас мыслил. Так не бывает... вы же благородный кабальеро... Зачем вы это сделали, ваша милость?

– Не причитай... На еще немного вина, и веток в костер подбрось... – Я не знал, что ответить слуге.

Не рассказывать же, в самом деле, кто я и что казнить первого встречного у нас не принято.

– Зачем, говоришь? Все тоже очень просто. Видение со знамением было у меня, когда в беспамятстве лежал.

– Какое видение, ваша милость? – Тук благоговейно вытаращил глаза, и мне стало даже немного стыдно за обман невежественного средневекового парня.

– Святой... – Я напряг мозги, стараясь вспомнить хоть какого-то подходящего к эпохе персонажа. – Святой апостол Петр осенил меня крестным знамением и напутствовал.

– Сам апостол Петр... – ахнул шотландец и стал истово креститься.

– Да... именно он. Изрек... – Теперь я мучительно придумывал, чего же он там изрек. – Изрек он... говорит, предначертано тебе спасти душу раба божьего на пути твоём. Очистить его от скверны и принять участие в судьбе его. И будет он тебе верным слугой, и совершишь ты богоугодное дело тем самым... Вот так, Тук. А не будь знамения, то мой меч – твоя голова с плеч, ибо ты преступник, греховодник, вор и подлая душа. Теперь понятны тебе действия мои?

– Да, ваша милость, богоугодные дела вы вершите.

– Ладно... я же добрый сын церкви нашей, в отличие от тебя, распутник. Так ты мне и не ответил, что там в гербе моем надо изменить.

– У вас лента бастарда и червлёные львы по четвертям... вот если полосу убрать и на первой и четвертой четверти львов тоже извести, получится герб сьоров де Сегюр.

– Откуда они, эти... де Сегюры и откуда это ты знаешь?

– Это один из ленов ваших же земель. Переписывал я как-то труд аббата де Брюльи, там и видел, а я ежели что раз увидел, до самой смерти помнить буду.

Обладал правом суда и расправы над своими подданными, набирал войско из своих вассалов и ополчение из крестьян. Собирали налоги. Крупные сеньоры чеканили собственную монету. Жители городов на территории сеньории подчинялись сеньору; 2) феодал, в личной зависимости от которого находились более мелкие феодалы – вассалы; 3) титул высокопоставленного нобиля в Риохе, аналогичный леоно-кастильскому конде (графу); 4) титул дворянина, стоящего ниже барона и не имеющего права на обращение «дон».

– Не бубни... Ну, переделаешь ты – и что? Мало того, что гореть мне в аду за грехи, порочащие род мой, так и в городе обман распознать могут...

– Ваш грех я на себя возьму... – Тук три раза подряд перекрестился. – Да и не большой это грех. Лен-то этот – ваш, и вы всегда можете принять название его. Да и не будем мы в городах задерживаться... А куда, кстати, мы направляемся, ваша милость?

– Не дерзи, собака. А направляюсь я в Арагон ко двору рея Хуана, а ты... запомни, хам, ты сопровождаешь меня. Вот так! – назидательно рявкнул я и швырнул костью в шотландца.

Вот не лежала у меня душа, честно говоря, так строить своего новоиспеченного слугу, но роль свою надо было играть до конца. Насколько я понимаю, не бывало в эти времена добреньких дворян, да еще и ведущих себя запанибратски со слугами. Вот пройдет время, произведу его в оруженосцы... Кусочки знаний подсказывают, что можно, тогда и посмотрим, а пока только так. Ну и милостивым, как смогу, буду.

– Ладно, ближе к городу обговорим еще раз... Тебе сколько денег надо – приобрести облачение, доспехи и оружие, приличествующие слуге моему?

– Ну, я не знаю, ваша милость... Сколько сочтете нужным и как пожелаете меня облачить... – замялся Тук.

– Не хитри, скотина...

Я покопался в мошне, висевшей у меня на поясе. Вроде две монеты золотые, такие же, как у меня в казне, три серебряные и горсть медяков... Ага, соответственно франк, су и денье... Сколько же дать? А, была не была... забрал оба золотых и кинул Туку.

– Держи, собака, и помни мою доброту.

– Ваша милость... – ахнул шотландец и кинулся целовать руки.

– На место... – Спрятал руки, но недостаточно быстро: успел облизнуть все-таки, урод. Э-э-эх, кажись, все-таки попал впросак. Много дал... Да и ладно, не забирать же назад.

– Это тебе с жалованьем далеко наперед, понял?

– Понял, понял, – торопливо закивал шотландец и засунул монеты за щеку. – Экипируюсь, как положено. Все возьму, не сомневайтесь.

– Я и не сомневаюсь, – буркнул я. – Так, я буду спать. А ты службу неси. Под утро разбудишь и сам немного отдохнешь. Да... приberi остатки еды и костер поддерживай... все, отбой.

Я прилег на вальтрап²⁸, закутался в плащ, положил под голову седло и почти мгновенно заснул. Вино и сытная еда разнежили, да и настроение было не самое плохое.

Все пока складывалось как нельзя лучше, и что-то подсказывало, что так и будет дальше.

Эх, Жан Жаныч... мы еще города на копье и выкупы за пленных брать будем... Люди-то тут по-своему наивные, ёптыть. Это как в анекдоте про Василия Ивановича и Петьку: «И тут мне как поперло...»

Жизнь рыцарская такая!

И герцогинь... это... наклонять куртуазно хочу обязательно...

И вообще всех наклонять.

Романтика, ёптыть...

²⁸ Вальтрап – толстое суконное покрывало под седлом.

Глава 4

– ...запомни, сын мой, тяжкие это времена, чувствует мое сердце – они наступят очень скоро... – Невысокий коренастый человек с головой, растущей прямо из плеч, обращался ко мне, стоя с факелом в руках.

– Да, отец... – сам того не осознавая, ответил я. – Клянусь родом и честью: распоряжусь в случае нужды согласно заветам вашим.

Стояли мы в длинном темном помещении со сводчатым потолком, сложенным из тесаного камня. У противоположной стены стояло несколько сундуков, окованных железом, и запечатанные бочонки.

– Отец мой так же завещал... – Мужчина вдруг исчез в ярких лучах солнца.

– Что он вам завещал, что?.. – Я внезапно проснулся и зажмурился от лучиков света, пробивавшихся сквозь листву.

Тьфу ты... Сон приснился, прям как наяву, воспоминания Жан Жановича пробиваются... Что там, в сундуках, интересно? Точно золото и брильянты, а что еще... Надо при случае сон досмотреть: может, что полезное и увижу.

Потянулся и встал.

Тук бдил с арбалетом на коленях.

Роден, всхрапывая, щипал травку, покрытую росой; увидев, что я проснулся, фыркнул, шагнул ко мне и сунул голову мне под мышку.

– Хороший, хороший конь... – потрепал я его по холке. – Сейчас я тебя напою, красавец.

Сходил к ручью, обмылся до пояса, потом набрал воды в кожаное ведро и напоил коня.

Тук еще не лег.

– Чего ты сидишь, идиот²⁹, ложись, пара часов у тебя есть подремать. Я же тебе вчера говорил...

– Я не идиот, ваша милость... – обиделся Тук. – Я латыни обучен. Отец пономарь две дубины об меня изломал, но заставил выучить требник наизусть...

– Ну не идиот, ладно, все равно ложись... – Видимо, я опять что-то не то ляпнул.

Тут все наоборот получается. Хорошо, что хоть приметил, как тут крестятся, еще не хватало в еретики записаться. Вон Варфоломеевская ночь³⁰ не за горами.

Прикрикнул на слугу:

– Ложись, сказал!

Скинул колет и, оставшись в одной камизе³¹, потянул из ножен эспаду и дагу. Надо тренироваться как можно чаще. В любой момент понадобится может. Вот еще бы учителя получше найти... Весь опыт работы с дагой у меня ограничивался участием всего в двух семинарах известного мастера Пабло Фернандеса, ну еще чуть-чуть сам тренировался. С саблей, конечно, все совсем наоборот, но, как я уже говорил, это не совсем то, что надо здесь и сейчас.

Сначала повторил все приемы маневрирования³², потом все батманы³³ и контртемпы³⁴, затем мулине и закончил финтами³⁵. Подобрал ритм и с возрастающей интенсивностью еще

²⁹ Идиот (*лат.* Idioto) – в Средневековье так называли в католицизме монаха, не знающего латыни.

³⁰ Варфоломеевская ночь – массовая резня гугенотов в Париже, устроенная католиками в ночь на 24 августа 1572 г., в канун дня святого Варфоломея.

³¹ Камиза – нижняя рубашка. Могла быть просторной либо облегалась тело благодаря шнуровке, которая собирала ткань на боках. Женская камиза была длиной до пят и часто без рукавов.

³² Приемы маневрирования – в фехтовании; шаги, скрестные шаги, скачки, бег, закрытия после выпада.

³³ Батман – в фехтовании: удар оружием по клинку противника с целью его поколебать или вывести за пределы поражаемой поверхности.

³⁴ Контртемпы – нападение с целью опередить атаку противника.

пару раз все прогнал по кругу. Тело чертова кабальеро сопротивлялось, тормозило, но я загнал себя как лошадь, взмок, и все-таки осталось недовольство. Работать еще и работать, хотя прогресс есть.

Хотел опять идти к ручью, как увидел вытаращенные глаза Тука, который спать и не собирався, а тайком подсматривал за мной.

– Чего вылупился, монашек?

– Ваша милость... вы... вы великий мастер, я такого никогда не видел.

– Что не так? И что ты вообще мог видеть, деревенщина?

– Я видел много схваток, я постоянно прислуживал в монастыре, когда наш аббат тренировался, а он великий мастер, он иногда даже допускал меня потренироваться с ним, вы же все делаете очень быстро, гораздо быстрее и по-другому.

– Ты умеешь работать с оружием?

– Да, ваша милость. Предпочитаю шотландский палаш³⁶, глефу или алебарду. С детства отец учил. Да и опыт есть, два раза ходил на род Макги, за передел земель клана.

– Молодец. Если не хочешь спать – значит, не будешь. Идем, польешь мне...

Сколько было времени, когда мы двинулись в путь, я не знаю, такое понятие, как наручные часы, станет актуальным только через несколько веков. Приходилось ориентироваться по солнышку. Так вот, оно уже поднялось на ладошку над деревьями, зато я успел отлично потренироваться, плотно позавтракать остатками жареного мяса и насовать оплеух Туку, когда он вздумал отказаться от умывания.

Лес становился реже, мощные дубы все чаще перемежались густым подлеском, пару раз тропинка терялась, но шотландец уверенно находил ее вновь.

– Совсем недалеко осталось, ваша милость, скоро будет дорога паломников, вы бы щит перевернули гербом внутрь, что ли...

Каких паломников будет дорога? Решил не спрашивать: все же родовые земли, и я просто обязан это знать, но щит спрятал в чехол, нашедшийся в переметной сумке.

Вдруг донеслись истошные вопли и пронзительный женский визг, перемежаемый хохотом и грубыми криками...

– Что за черт? Где-то недалеко...

– Не поминайте имя нечистого всуе, ваша милость, грех это. Я быстро... – Тук, на ходу взводя воротом арбалет, быстро исчез в кустах.

Я спешил, привязал Родена и тоже двинулся вперед, похвалив самого себя за предусмотрительность, заставившую надеть с утра кольчугу и кирасу. Вот, кажется, и пришло время применить свои умения на практике...

Черт, а стремно-то как...

Мужские вопли тем временем стихли, раздавались одни женские крики, перемежавшиеся хохотом и гиканьем.

Приметил направление и стал осторожно продираться сквозь кусты. Голоса стали громче...

– Ваша милость... – появился шотландец. – Там разбойники. Грабят, однако.

– Сколько их?

– Десяток. Вооружены чем попало. Есть луки и рогатины, у нескольких – мечи. Я могу по крайней мере трех пристрелить, пока они спохватятся. Ну они нам не противники. К тому же там парочка девок есть, мужиков-то они уже кончили. Ну что, идем? – Глаза Тука горели азартом.

³⁵ Финт – в фехтовании: угрожающее движение оружием, вызывающее у противника защитную реакцию.

³⁶ Шотландский палаш – колюще-рубящее оружие конца XV – начала XVII в. с прямым клинком односторонней или полукруглой заточки. Клинок широкий к концу. Сложный корзинообразный эфес.

– Suka... – ляпнул я вслух по-русски.

Вот же напасть! Придется вязаться в заварушку. Не хватало еще в глазах собственного слуги упасть ниже плинтуса. Десять человек! Это же армия, в натуре.

– Ваша милость, надо думать быстрее... – поторопил шотландец. – Пока они заняты.

– Пасть закрой, зубы повыбиваю... Я здесь решаю, смерд, – зашипел я на Тука, восстанавливая свое реноме. – Смотри. Делаешь выстрелов столько, сколько сможешь, а когда они спохватятся, вступаю в дело я. Ты же, когда я их займу, продолжай стрелять. Понял?

– Ага... – радостно кивнул шотландец.

– Возьми с коня меч; не дай бог потеряешь – распну лично.

Идем.

Будь у меня полный доспех для коня и владей я искусством конного боя, как любой из местных кабальеро, то тактика напрашивалась очень простая и сверхэффективная. Десяток легковооруженных разбойников для конного рыцаря не соперники вовсе. Разметать конем, с седла дорубить остальных, и всех делов-то... Ан нет, не могу. Коня сгублю и сам сгину. Не владею я этим искусством.

Чертыхаясь, направился за Туком. Когда крики и гогот стали слышаться совсем рядом, сделал знак шотландцу обойти поляну с другой стороны.

Сам, пригнувшись, прошел еще несколько метров и осторожно раздвинул ветки.

Ёптыть... Классическая картина. Злые разбойники изобретательно угнетают добрых пейзажей. В данном случае только пейзажей.

На большой поляне стояло несколько телег и небольшой крытый возок. Лошади привязаны к деревьям. Валяются с десятков трупов в лужах крови, а возле телег на травке разношерстно одетые мужики употребляют по назначению двух женщин. Бедняжки уже даже не визжат, только тихо и болезненно стонут.

Еще несколько злодеев роются в сундуках и корзинах.

Сколько их всего... ага, так и есть, десятеро.

Четверо попарно сношают двух девок, шестеро мародерничают.

Еще три женщины и пожилой мужик у возка связанные сидят.

Разбойничающая братия вооружена разношерстно. По крайней мере у двоих прямые мечи, у третьего – длинный нож и лук. У остальных колющего и режущего не видно, побросали, наверное, мешает предаваться разгулу.

Ну, монашек, не выдай: трое по меньшей мере твои.

Мама дорогая, чего же так ноги трусятся...

Находящийся в сторонке от остальных разбойник, увлеченно роющийся в кожаном чемодане, вдруг без звука упал лицом вниз. Из его затылка торчал арбалетный болт. Ржание лошадей, хохот разбойников совсем заглушили щелчок выстрела, и остальные не обратили на внезапно умершего товарища никакого внимания, один из них как раз напялил на себя кружевной чепец и кривлялся, изображая девку.

Ну же... Есть! Второй завалился на бок, пуская кровавые пузыри и судорожно хватаясь за шею, в которой торчал болт.

На этот раз разбойники повскакивали и загомонили, хватаясь за оружие.

Один из них вложил в тетиву длинного лука стрелу и застыл, всматриваясь в заросли.

Давай же... Должен успеть...

Есть!

Парень с луком завалился на спину с болтом в груди.

Мой выход. Они уже поняли, откуда стреляют...

Выскочил из кустов и, пробежав несколько метров, с налету рубанул по затылку ближайшего ко мне разбойника в бурых суконных колготках и драной кольчуге до пояса. Мужик ничком повалился на землю с разваленной почти пополам головой. Выкрутил руку и на обратном

махе рассек лицо второму, успевшему обернуться. И уже на ходу вбил клинок в низ живота, под ржавый нагрудник, третьему. Успел заметить в его раззявленном воплем рту гнилые пеньки зубов и пнул ногой, снимая тело с клинка.

Развернулся к телегам и как раз увидел, как на землю оседает с болтом в животе еще один разбойник. А затем, ломая кусты, на поляну с ревом влетел Тук и снес одним махом голову следующему.

Из двоих оставшихся один сразу упал на землю и прикрыл голову руками, а вот последний оставшийся в живых, здоровенный детина в справной панцирной кольчуге³⁷ до колен и шлеме-мисюрке, успел отскочить и даже отмахнуться длинным фальшионом³⁸ от шотландца.

– Тук, назад! – заорал я. – Он мой!

Шотландец отбежал в сторону и переместился за мою спину. Умница... Вот только какого хрена я это заорал... Опять гребанный бастард из меня вылез...

– Иди сюда, смерд.

Я встал в классическую стойку. Дага в согнутой руке у груди, эспада кончиком клинка смотрит в лицо детине.

Разбойник не стал себя упрямить, подбежал и с хеканьем рубанул клинком сверху вниз.

Ну это слишком просто, парень... Я щелкнул эспадой по его фальшиону, сбивая клинок в сторону, и, одновременно с шагом вперед, ткнул его дагой в шею, засадив ее до чашки. Крутанул кистью, проворачивая клинок. Шаг назад... Все!

Громила булькнул, захрипел, зажимая рану, из которой толчками били струйки темной крови, и рухнул на колени.

С непонятным удовлетворением, граничащим с сексуальным наслаждением, я пнул это тело ногой, заваливая на землю, и обстоятельно вытер о его штанину лезвие эспады.

Не понял...

Твою же мать, что со мной? Мне ЭТО нравится... Тошнотворный запах крови пьянит, как аромат изысканного вина, предсмертные хрипы радуют и бодрят.

Что за хрень?

Даже потряс головой, отгоняя наваждение... Нет, не прошло, все так же прет...

Адреналин сейчас мозги взорвет...

Каждая клетка тела переполнена возбуждением и наслаждением этим отвратительным зрелищем...

Твою мать, да у меня стояк! Нет, радость победы на дорожке, особенно когда я выиграл Олимпиаду, была очень похожа, но не до такой же степени!..

Надо срочно отвлекаться и потом разбираться со своими впечатлениями, по любому это не я, а гребанный бастард д'Арманьяк. Лично я, прежний, уже блевал бы дальше, чем видел.

Оглянулся... Тук связывал оставшегося в живых разбойника.

Тот, которому я всадил в живот эспад, скрутился калачиком на земле и вибрирующе был.

Еще один получивший болт в середину груди содрогался в конвульсиях, рыхля ногами землю и судорожно вырывая руками пучки травы.

Остальные вроде готовы.

Господи, помимо трупов, организованных нами, на поляне валялось еще десяток других... жутко изувеченных и расчлененных.

³⁷ Кольчуга панцирного плетения – кольчуга, изготовленная из плоских, рубленных из листа, а не свернутых из проволоки колец. В большинстве кольчуг кольца сваривались или заклепывались. Иногда часть колец была заклепана, а часть – просто вырублена из листа, что упрощало и удешевляло производство.

³⁸ Фальшион (фальчион) – европейское клинковое оружие с расширяющимся к концу коротким клинком с односторонней заточкой. Название оружия предположительно происходит от *лат.* *falx* – коса.

– Тук, помоги им... – махнул рукой в сторону недобитых разбойников. – Нет, стой, сначала ко мне. Как ты там говорил? Кто я?

– Шевалье³⁹ де Сегюр, ваша милость, – заговорщически зашептал Тук. – Совершаете поездку в Арагон, желая влиться в христианское войско на борьбу с нечестивыми агарянами.

– Ага, понял... – И зашагал к связанным людям.

Подошел поближе и понял, что они не дворяне. Возможно, зажиточные горожане, но никак не благородное сословие. Это было видно по покрою одежды. Ткани добротные, возможно – дорогие, это даже я могу понять, но покрой простоватый и все в одних оттенках.

Разрезал веревки, сделав шаг назад, чуть склонил голову и немного пафосно произнес:

– Вам ничего больше не угрожает. Вы свободны.

Пожилой мужчина с ходу повалился на колени, пытаясь поцеловать мои сапоги. Пожилая женщина, запричитав, тоже повалилась на землю, а две девушки, очень похожие друг на друга, такие черноволосые кудрявые очаровашки, просто обнялись и разрыдались.

– Хватит слезу пускать... – Я сделал еще шаг назад. – Кто вы такие и как сюда попали?

– Исаак бен Маттафий, ваша милость, ювелир из Лектура, ваша милость... – Мужик никак не хотел отпустить мои ботфорты.

Вот так так... Скажи еще, что ты меня знаешь...

– Вы меня должны помнить, ваша милость, вы изволили заходить ко мне в лавку...

М-да... за что боролся, на то и напоролся. Ну что, дать команду Туку порубать и их... а девок сначала попользовать по назначению?... Вот ни капельки не верю, что еврей меня не выдаст. Только доберется до первых королевских стражников – и пожалуйста...

Стоп, а как он выбрался из города?

– Как ты выбрался из города? – озвучил я свою мысль.

– Горе... горе постигло город... Нет больше славного Лектура, – запричитала женщина, очевидно, жена ювелира.

– Как нет? Что с отцом? – Я схватил еврея за воротник и вздернул вверх.

– Нет, ваша милость, славного конта Жана Пятого. Как бог есть... разорвали франки на клочки вашего батюшку, – прошептал ювелир, стараясь не смотреть мне в глаза.

– Рассказывай!

– Добился он почетной капитуляции, впустил войска кардинала Жоффруа в город, а они начали резню, и вашего батюшку первого закололи и выбросили на улицу... Какое горе, ваша милость...

– Заткнись... – Отбросил ювелира в сторону и пошел к лесу.

Как же это?... Что теперь?... – задавал я себе один и тот же вопрос на разные лады и никак не находил на него ответ.

Никаких родственных чувств к своему гипотетическому папаше я не испытывал, да и какой он лично мне отец? Разве что прежнему обитателю тела, от которого, кроме самого тела, мне достались неясные кусочки памяти и остаточные выбрыки в характере. Я все это прекрасно понимал, но все-таки чувствовал странную тоску по человеку, которого никогда не видел. Представлял только как единственного союзника в этом совершенно чужом для меня мире и вот сейчас неожиданно его лишился...

– Ну и что дальше... – Я со злостью срубил куст папоротника.

Приехали! Ни титула, ни имения... Ничего вообще, твою мать. Хоть с маврами езжай воевать. Ну, Луи... задал ты мне задачку...

Вдруг в голове возникло совершенно ясное видение ослепительно красивой женщины в монашеском одеянии...

³⁹ Шевалье – в Средние века словом *chevalier* называли во Франции странствующих рыцарей. Рыцарь в феодальном ополчении назывался башелье (бакалавр).

Кто это?

Вот дурень... Это же моя мать! Ясно же было писано в дневнике, что я зачат от связи брата и сестры. Где она? Память услужливо напомнила, что мать в монастыре в Валенсии, и добавила, что после ее пострига отец женился законно на Жанне де Фуа, дочери Гастона, графа де Фуа, принца Вианского и Элеоноры Арагонской, инфанты Наварры. И Жанна была подле отца в городе... Она же была на сносях... Это получается, она носит брата или сестру мою.

Не-э-эт... Ничего еще не кончилось! И дядюшка Шарль⁴⁰ в Бастилии сидит... Есть кого спасать. Ну, Луи, держись...

Далеко я уйти не успел, развернулся и помчался опять на поляну – забрезжил вновь найденный смысл жизни в этом мире. Именно забрезжил: что делать дальше, в деталях я так и не представлял пока.

Тук, насколько я понял, прикончил раненых разбойников и сейчас преспокойно и методично обшаривал карманы трупов.

Старик-еврей с женой и дочерьми стояли на коленях возле безжизненного тела и читали какие-то молитвы на незнакомом мне языке.

Еще две девушки, похоже, служанки, именно те, над которыми разбойники беспредельничали, собирали разбросанные вещи и складывали их в телеги.

Какой-то он непонятный еврей... Насколько я помню, они должны в это время одеваться по-другому. Знак на них вешали, кажется, или шапки специальные заставляли носить... Точно не помню. Да и ювелиром он не может быть... Из цехов гнали взашей всех инородцев. Это уже позже они это ремесло оккупировали. Точнее не знаю. Да и эти крохи я почерпнул из потрепанной книжечки без обложки, валявшейся в родительском доме. Как раз приезжал им помочь по хозяйству и дом подправить. Ну, ладно... Сейчас все это и выясню попутно. Мне главное – узнать про мачеху.

Тем временем ювелир закончил молиться и, оставив женщин подле тела, подошел ко мне.

– Кто это там лежит? – спросил я его.

– Племянник мой, ваша милость... – скорбно ответил еврей. – Кинулся на разбойников и погиб, сражаясь. Воинственный был мальчик.

– Все мы когда-нибудь умрем. Рассказывай все от начала до конца и не вздумай ничего утаивать. Почему ты без знака? – Особо церемониться с иудеем я не собирался.

С ними, насколько я знаю, никто в эти времена не церемонился. Ничего против них не имею... в своем времени, но, к сожалению, я сейчас не в нем. Главное сейчас – не выдать себя излишней толерантностью и терпимостью. Последствия могут быть совсем непредсказуемыми.

– Я и моя семья – выкресты. Вы должны это знать, ваша милость... иначе я никак не стал бы ювелиром.

М-да... опять ляпнул, не подумав, надо постараться исправить положение.

– Я почти ничего не помню, еврей. Был ранен во время ухода из города и потерял память, но речь не об этом. Ты и твоя семья творили не христианский обряд возле тела! Знаешь, что за это бывает? Ты продолжаешь исповедовать веру свою, несмотря на крещение? – вкрадчиво спросил я еврея.

– Знаю, ваша милость... – Ювелир опять упал на колени. – Не выдавайте, ваша милость, по гроб своей жизни благодарны мы вам и будем еще больше благодарны. Ваш отец всегда был расположен к моей семье...

– Почему ты назвался еврейским именем, а не христианским?

– Так вы знали меня именно под ним... зачем скрывать...

⁴⁰ Шарль IV д'Арманьяк, виконт де Фезанзаге – младший брат Жана V графа д'Арманьяка. Провел во французской тюрьме 13 лет. Все это время подвергался пыткам и издевательствам. По некоторым историческим данным у него даже вырвали зубы. Освобожден только после смерти Людовика XI. Карл VIII формально возвратил ему все фамильные владения.

– Встань, старик. Не выдам я тебя. Встань, я сказал. Рассказывай все по порядку. Как погиб мой отец? Стой... Сначала обдумай все, а я пока отдам распоряжения слуге.

Оставил старика и подошел к Туку.

– Всех ободрал?

– Да, ваша милость! – радостно осклабился шотландец и подкинул на ладони тугую мошну. – Все сюда собрал. Еще не считал, но тут почти только серебро. Меди мало. Это разбойнички жидов пощипали. Сами-то они дрань дранью. А вот сюда я собрал цацки всякие. Прикажете еще жидов поосновательней тряхнуть?

– Нет. Сначала я с ними потолкую. Ты пока выбери себе подходящее оружие и облачение. И доспех, если есть. Да... сходи за Роденом и присмотри себе коня здесь, – показал рукой на привязанных лошадей еврейской семьи. – Служанок драть только по согласию. Понял? И посматривай вокруг.

– Понял... – сразу поскуchnел Тук, но вслух недовольства не высказал, побежал выполнять распоряжение.

Вернулся к ювелиру. Старик стоя ждал меня там, где я его оставил.

Служанки его уже расстелили на траве ковер и положили на него несколько подушек.

Да... странностей все больше. Если ювелир говорит, что город разграбили, то как ушел он со всем имуществом? Вот только попробует, собака, врать – напушу на него Тука...

– Ваша милость, позвольте предложить вам сесть... – Еще раз склонился в поклоне старик.

– Позволяю... – опустился я на ковер и показал ему рукой на место напротив себя.

Вот даже не знаю, правильно поступаю или нет. Вроде нормально. Старик крещеный, то есть уже совсем не еврей. Да и не могу я его стоя заставлять рассказывать. Судя по виду, ему крепко от разбойников досталось.

– Давай рассказывай, как погиб отец.

– Позавчера он объявил почетную капитуляцию на условиях неприкосновенности его людей и города. Руа франков даровал ему право проследовать для личного оправдания ко двору. Но как только войска кардинала Жоффруа вошли в город, началась резня...

– Подробнее давай...

– Начали ее вольные лучники⁴¹ Гийома де Монфокона... а его светлость графа убил лично некий Пьер ле Горжиа. Тоже лучник. Я слышал, как он пьяный горланил об этом.

– Я запомнил эти имена... – От злости я даже зубами заскрипел.

М-да... Не ожидал я от себя таких эмоций. По сути, граф мне никто... а подсознательно родственные чувства все-таки сказываются.

Приказал еврею:

– Продолжай. Где жена моего отца?

– Она невредима. Ее сегодня должны были отвезти в Родез со всей ее свитой, под охраной. Это я слышал от самого кардинала.

– Дальше.

– Город полностью разграбили и разрушили, а в довершение еще подожгли. Жителей почти всех убили... – По щеке старика покатила слеза. – Там остались сын мой и брат с семьей. Я не успел их спасти.

– Как ты сам спасся? Я смотрю, ты даже имущество с собой прихватил? Говори правду.

⁴¹ Вольные лучники – подразделение пехоты, созданное французским королем Карлом VII из подданных третьего сословия. Получили это название из-за того, что были свободны от налогов, но обязаны были нести военную службу по приказу короля. Отличались низкой военной выучкой.

– Выкуп заплатил... Выкуп! Меня сразу с семьей, со всеми, кто в доме находился, взяли в плен люди самого кардинала и под страхом смерти запретили остальным причинять вред нам. Дело в том... – Старик замялся.

– Говори. Не бойся.

– Я... я имел раньше с ним дело... и с самим руа франков тоже. Устраивал им займы, договаривался с некоторыми евреями в Оше и других городах вплоть до Валенсии, Арагона и Барселоны.

– Как? Тебя не презирают твои соплеменники за измену вере?

– Нет, ваша милость. Мы многострадальный народ, и законы наши позволяют, дабы отвести смерть, принимать чужую веру. К тому же деньги и дела, связанные с ними, не имеют ни веры, ни национальности. Я уважаемый человек среди своих... Да и не только. Вы же знаете, хулу на нас возводит низшее духовенство и чернь, сильные же мира сего предпочитают приближать и пользоваться нашими услугами...

– Я это знаю... – соврал я, хотя ничего подобного и не подозревал.

Да, все верно. Деньги, деньги... и еще раз деньги.

Поинтересовался:

– Как вы попались разбойникам?

– Из Лектура нас вывели люди кардинала и сопровождали по пути Святого Иакова⁴² пять лиг, как им приказал кардинал Жоффруа... А потом они вдруг стали требовать совершенно неподъемную сумму, чтобы охранять нас дальше... – Еврей всплеснул в негодовании руками. – Да, ваша милость, требовали очень большие деньги за сопровождение до Оша. Откуда у меня? Все, все до последнего су отдал на выкуп.

– И вы решили следовать дальше сами. Так?

– Да, ваша милость. Со мной было шесть дюжих вооруженных слуг и Самуил... простите, ваша милость... Симон, племянник мой. Очень искусный в обращении с оружием мальчик, храбрый и сильный как Давид. До этого самого места дошли нормально, у меня есть охранная грамота от кардинала, но стало темнеть, и мы сошли с дороги для ночевки. Кто же мог подозревать, что на нас нападут эти коварные филистимляне. Нас таки застали врасплох... Ваша милость, гора мускулов без мозгов – это бедствие. Да, это мои слуги – их вырезали очень быстро. Симон дрался как лев и поразил четырех разбойников. Но он не успел надеть доспехи, и его коварно убили стрелой. Пепел на мою седую голову, не уберег я надежду нашего рода... – заплакал еврей.

– Не спеши посыпать голову пеплом. Я вижу, у тебя еще две красавицы-дочери.

– Да, ваша милость. – Ювелир гордо улыбнулся и позвал дочерей. – Девочки мои, идите сюда и благодарите нашего спасителя.

Девушки вместе с матерью подошли. Мать осталась чуть в сторонке, а дочки ювелира повалились мне в ноги.

– Встаньте, девочки, и представьтесь, – приказал я, чувствуя определенную неловкость.

Что за мода: чуть что – падать в ноги... хотя признаюсь, ощущения от этих поклонений были двойственные... даже немного нравилось. Но этот момент я списываю на остатки бастарда во мне... возможно.

– Мария-Луиза, ваша милость, – прошептала девушка чуть плотнее и повыше и присела в приветствии.

– Анна-Мария, ваша милость, – представилась вторая, что сложением изящнее, и неожиданно густо покраснела.

⁴² Путь Святого Иакова – знаменитая дорога паломников к могиле апостола Иакова (Сант-Яго) в испанском городе Сантьяго-де-Компостела. Пролегает в том числе через города Флеранс и Ош в Гаскони.

Надо сказать, что дочери у ювелира очень милостивые. Несомненно, в них просматривались признаки семитской крови. Выбывавшиеся из-под чепцов волнистые волосы цвета воронова крыла. Легкая смуглость, характерные носы и красиво очерченные полные губы, развитая, несмотря на возраст, грудь. Но все это только подчеркивало их экзотическую красоту. Хороши девочки... где-то лет по пятнадцать-шестнадцать... в самом соку...

– Эугения-Магдалина, ваша милость. – Жена ювелира повторила вслед за остальными процедуру падения на колени и принялась целовать мне руки. – Пусть хранит вас святая Богородица...

– Встань... – Я поднял за руку женщину. – Не надо. Я сделал то, что сделал бы любой кабальеро...

И жена... жена тоже у еврея еще о-го-го... плотная дама лет сорока пяти с выдающейся, разрывающей лиф грудью и крепким задом. Даже личико еще пышет свежестью, ярко выраженные еврейские, скорее даже испанские, черты лица...

Так, надо брать себя в руки, а то мое упавшее было естество вновь стало наливаясь силой.

Да, кстати, эти дамы, вопреки возведенной на них современными историками хулы, не воняли. Совсем. От Эугении-Магдалины даже пахло чем-то цветочным: кажется, розами.

– Куда вы следовали? – поинтересовался у ювелира.

– В Ош, ваша милость. Планировали остановиться у родственников. Мой родной брат там проживает. А потом? Потом – не знаю. Скорее всего, отправимся в Барселону. Это родина моей жены... Хотя не представляю, как дальше жить. Мы разорены, полностью разорены...

Вдруг раздался испуганный крик, я обернулся и увидел, как Тук поднимает за шиворот оставшегося в живых разбойника и ставит его на колени с целью... Ну, с какой еще целью? Конечно же хочет лишить его головы. Ну и хрен с ним. Пусть рубит. Начнешь выпытывать, зачем он стал разбойничать, услышишь душеспасительный рассказ о печальной судьбе и нужде, выведшей его на большую дорогу... и самое неприятное – что это, скорее всего, правда.

Некогда мне... мда... быстро выветрился налет цивилизованности, а может...

Раздавшееся хекание Тука, свист, тупой стук и шум падающего тела просигнализировали о том, что все мои намерения поучаствовать в судьбе разбойника и наставить его на путь истинный уже опоздали.

М-да... Надо будет в следующий раз соображать быстрее...

– Я не смогу вас сопровождать до Оша... – высказал наконец-то свою мысль еврею. – Я спешу по своим делам. Но сейчас день, и, я думаю, вы благополучно доберетесь до Флеранса. Да и мое общество, как вы понимаете, вряд ли будет вам полезным, а скорее всего – опасным. О моем положении ты прекрасно осведомлен.

– Я понимаю, ваша милость. – Ювелир склонил голову. – Во Флерансе я найму охрану до Оша. А сейчас я хочу отблагодарить вас...

– Ты можешь отблагодарить, предоставив в мое распоряжение одну из лошадей и некоторую одежду для моего слуги, – прервал я еврея. – Сам видишь, он остался практически голым.

– Этого мало, ваша милость. Вы совершили несоизмеримо больше, чем моя скромная благодарность. – Еврей торжественно поднял палец. – Но мне кажется, мы еще встретимся, и я смогу быть вам полезным, а пока, в дополнение к коню моего племянника, позвольте подарить вам его доспехи и оружие. А помимо этого, еще одну маленькую безделицу.

Ювелир встал, подошел к возку и, склонившись, стал ковыряться в его днище. Потом заглянул еще внутрь и вернулся с письменными принадлежностями.

– Примите для начала от меня вот это. – Старик протянул на ладони золотой перстень.

Массивный, грубоватый, но по-своему изящный и красивый, по центру большой, ограненный в виде кабошона рубин, окруженный россыпью изумрудов.

Благодаря своей бывшей женушке я за годы совместной жизни научился разбираться в ювелирных изделиях. Еще бы... Большую часть моих и своих заработков Людка спускала на побрякушки.

Да... Ценная вещь, не знаю, как по нынешним временам, но в современное мне время это целое состояние, особенно камень.

– Это моя работа. Лал⁴³ родом из Персии, – гордо заявил ювелир. – Вы всегда, в случае нужды, можете этот перстень продать, но я прошу вас по возможности сохранять его. Я знаю, что он принесет вам удачу. И сейчас я напишу рекомендательное письмо. Насколько я понимаю, вам нужно как можно быстрее выбираться из земель руа франков в безопасное место. Значит, практически наверняка вы окажетесь в Арагоне. В Сарагосе найдете Эзру бен Элизера, он скромный меняла в еврейском квартале⁴⁴, и покажете ему мое письмо. Поверьте, этот достойный человек при вашей нужде поможет вам в довольно больших пределах.

Ювелир быстро, каллиграфическим почерком начертал несколько строк, сделал оттиск своей печати и посыпал бумагу мелким песком. Потом стряхнул его, свернул письмо в трубку, сложил в пенал и подал мне.

– Вот, ваша милость.

– Почему ты так щедр? – Честно говоря, я не ожидал столько благодарностей от ювелира.

Несмотря на многие байки о скупости евреев, достаточно часто оказывающиеся правдой, Исаак абсолютно не показался мне прижимистым. Это могла быть просто сиюминутная слабость, вызванная впечатлениями от спасения, или действительно истинная натура еврея. Но... что-то мне подсказывало, что, помимо этого, есть еще причины, пока скрытые от меня. Хотя если разобраться, это могла быть обычная расчетливость. Семья оказалась в полном моем распоряжении, ничто не мешало мне продолжить дело разбойников, и старик просто откупался. Вот даже не знаю, как реагировать... Но в любом случае ничего я не теряю, а только приобретаю.

– Воспринимайте мои дары как осознанную благодарность, ваша милость. Поверьте, я не щедр. Я просто уже много жил и много видел. Судьба – такая своевольная госпожа, что не знаешь, где она наградит тебя, а где накажет... – очень загадочно ответил Исаак. – Но не будем много разговаривать. Идемте, примите доспехи, оружие и коня. И мне, и вам надо спешить.

Доспех оказался полным вариантом кольчато-пластинчатого⁴⁵, такие еще юшманами⁴⁶ называют или бехтерцами. Явно не европейского производства, и ювелир это подтвердил, сообщив, что его привезли из Святой Земли итальянские купцы. На первый взгляд он мне впору. В комплект прилагались чешуйчатые перчатки и шлем-иерихонка со сдвигающимся наносником, козырьком, наушами и пластинчатой бармицей⁴⁷ типа «рачий хвост», наручи⁴⁸ и поножи, а также небольшой круглый щит с коническим умбоном посередине. Доспех новый, не посеченный и на первый взгляд очень дорогой, с золотой насечкой и тонкой гравировкой.

⁴³ Лал (лалл, лалик) – устаревшее собирательное название для большинства драгоценных камней красного или кроваво-красного цвета: в основном красной шпинели и рубина.

⁴⁴ Еврейский квартал – улицы и районы города, отведенные властями для проживания евреев. В Средневековье евреи могли поселяться только в отведенных им местах.

⁴⁵ Кольчато-пластинчатый доспех – разновидность доспеха из металлических пластин, соединенных друг с другом при помощи отдельных колец или вставок кольчужного полотна, зачастую дополненный кольчужными рукавами, лапами.

⁴⁶ Юшман – кольчато-пластинчатый доспех, который от бехтерца отличается значительно более крупными передними пластинами, вплетенными с небольшим нахлестом. На спине пластины были меньше, чем на груди, и их число было больше. Общий вес доспеха составлял 12–15 кг.

⁴⁷ Бармица – элемент шлема в виде кольчужной сетки (иногда вместо кольчуги использовался ламелляр или кольчато-пластинчатое полотно), обрамляющей шлем по нижнему краю. Закрывала шею, плечи, затылок и боковые стороны головы; в некоторых случаях – грудь и нижнюю часть лица.

⁴⁸ Наручи – часть доспеха, защищающая руки от локтя до кисти.

Доспех еще больше укрепил меня в мысли, что ювелир не так прост, как кажется, такую ценность у него в плену должны были отобрать однозначно, и то, что он так просто расстался с ним, более чем доказывало наличие каких-то его планов на меня... или просто... даже не знаю, что сказать. Вот только неспроста все это.

Из оружия мне в наследство достался меч, очень похожий на мою эспаду, с таким же сложным корзинчатым эфесом, только длиннее, шире и чуть тяжелее. Не знаю его названия, прежних знаний не хватает, а бастард не спешит подсказывать. Очень похож на хаудеген⁴⁹, но насколько я помню, оружие такого типа появилось намного позднее. Заточка обоюдоострая, так что явно не палаш. Возможно, какая-то переходная модель или фантазия оружейника. Меч оказался от толедского мастера и тоже очень высокого качества. Племянник ювелира успел погромсать им четырех разбойников, пока его не расстреляли из лука.

– Ваш племянник был хорошим воином, – сказал я еврею в желании сделать ему приятное.

– Да, – печально кивнул Исаак. – Он мечтал быть кабальеро, но понимал, что никогда им не станет. Ему оставалось только упражняться в воинском искусстве. И я, и его отец не одобряли это занятие, но и не мешали. У него была очень светлая голова, и он обещал стать хорошим помощником отцу. Но не будем отвлекаться, ваша милость. Время... время течет не в нашу пользу. Займемся лошадьми.

В завершение я оказался обладателем неплохого жеребца по кличке Роланд. Довольно массивного, хотя он и меньше, чем мой андалузец, но тоже какой-то испанской породы, только менее ценной. С хорошим седлом и упряжью. Как раз для Тука.

На самом деле нам был нужен еще один конь. Поклажи с учетом добычи и наследства от погибшего племянника оказалось много, и я быстро сторговал у ювелира еще одну лошадку, оказавшуюся лишней – у одной телеги отвалилось колесо, и ее пришлось бросить. Обошлась мне иберийская кобылка в три франка. Исаак не хотел брать денег, но я настоял, вызвав у Тука бурю молчаливых эмоций. Ну никак шотландец не хотел понимать хорошего обращения с евреем, даже принявшим христианскую веру.

Тук, пока я вел беседы, отлично прибрахлился. Ему достался запасной комплект одежды того же несчастного племянника, и выглядел он в нем более чем прилично. Хотя бритая голова в порезах портила все впечатление. Положение спас обычный гасконский берет.

Из оружия он обзавелся здоровенным фальшионом. Отличной, почти новой кольчугой из плоских колец, содранной с главаря разбойников; по-другому называли бы ее байданой. Шлемом-мисюркой со сплошной бармицей и еще выглядевшим совершенно страшно каким-то подобием алебарды.

Вот, собственно, и все, если не считать некоторых мелочей. Таких как прибор для письма, комплект запасного белья и одежды и жуткий набор хирургических инструментов, принадлежавшие тому же покойному Симону. Погибший парень оказался врачом. Ну и собственно денег и ювелирных украшений, собранных Туком с трупов.

Заставил Тука помочь собрать и сложить в телегу трупы евреев и ихслуги. Разбойников же бросили там, где и лежали.

Прощались и двинулись в путь. Исаак с домочадцами – в сторону Флеранса, а я в – сторону Родеза.

Почему Родеза?

Я собрался догнать кортеж, сопровождающий мою мачеху, вынашивающую моих же, еще не родившихся, братика или сестричку.

Достаточно идиотский поступок... но это на первый взгляд.

⁴⁹ Хаудеген – тип длинноклинкового оружия. Основной характеристикой хаудегена считается наличие корзинчатого эфеса при отсутствии крестовины. Подобное оружие часто встречалось в Англии под названием «покойнический меч».

Да, мне должно быть абсолютно наплевать на новообретенных родственников. По большому счету оно так и есть, но все же с маленькими исключениями... Ситуация, в которой я оказался, как ни смягчать ее определение, остается полностью... хреновой, если сказать одним словом. Никаких перспектив. Ни в ближайшем будущем. Ни в достаточно отдаленном. Сам по себе я, возможно, и проживу, но наличие такого могущественного врага, как Луи Паук, сводит шансы на это к полностью призрачным.

Мелькали мысли свалить на Восток или вообще податься на Русь, но туда еще добраться надо, да и смысла нет, если честно. Кто меня там ждет?

Остается что?

Единственный выход... сопротивляться. Использовать все возможности, чтобы насолить Пауку. Для чего отправили мачеху в Родез, сомнений у меня не вызывало. Если вреда ей он причинить, скорее всего, не осмелится – все-таки она дочь Гастона Вианского, то ребенок умрет однозначно. Он законный наследник страны Арманьяк, которую Паук так успешно присоединил к своей короне, и конкуренты ему не нужны.

Вот я и задумал отбить мачеху, правда, сам еще не знаю как. И вернуть ее в Наварру, где она благополучно выносит ребенка. Насколько я понимаю, наваррцы тоже явно не союзники Пауку.

Я абсолютный дилетант в средневековой политике, но свой первый шаг вижу именно таким. Прав я или не прав, очень скоро прояснится. Скорее всего, не прав, но знать, что моим еще не родившимся братику или сестричке грозит смерть, и ничего не предпринять – я не могу.

Что же будет дальше? Не знаю... Возможно, захочу увидеть свою мать.

Глава 5

Покачивался в седле и рассматривал карту, которой меня снабдил Исаак. Позади меня следовал Тук, гордо восседая на своем коне и ведя в поводу кобылку, груженную нашими припасами и снаряжением.

Ну что же – едем в графство, или, как здесь сейчас говорят, кондадо Родез. Город Родез находится там же. Надеюсь, что еврей прав и мачеху везут именно туда. Очень надеюсь перехватить кавалькаду на половине пути. Конечно, это маловероятно, хотя кто его знает? Не могу судить о скорости передвижения по средневековым дорогам, я их даже пока в глаза не видел. Мы вообще еще из леса не выехали. Д'Артаньян у Дюма вроде быстро передвигался...

В общем, мысли ни о чем. Видно будет...

Тук на ходу пересчитал деньги, взятые нами трофеем. Оказалось тридцать два су и двадцать денье. И еще четыре обола. По нынешним временам совсем неплохо. А с учетом того, что мои собственные деньги пока не тронуты, даже отлично. В средствах ограничений нет, и есть еще полный мешочек золотых и серебряных безделушек. Я хотел поначалу заставить шотландца вернуть их хозяевам, но потом понял, что не стоит. Чересчур уж благородно...

Неплохо стычка прошла, очень полезно, и не только в материальном плане. Общение с Исааком много дало для моего понимания эпохи и немного сблизило меня с ней.

Самой схваткой я тоже остался доволен. Именно результатами, а не своими действиями. Бойцы из разбойников никакие, разве что их главарь посильнее, но посильнее только в физическом плане. Как боец тоже никакой. А вот действовал я медленно. Очень медленно... Придется сильно попотеть, возвращая свою прежнюю форму, «сломать» новое тело и научить всему заново. Не страшно, больше тренировок с практикой – и все будет в порядке... Ха... Если раньше не зарубят, конечно.

Тук вообще оказался бравым воякой – под стать своему прообразу. Стреляет хорошо и рубится неплохо. Хорошая находка. Так что не все так плохо, шансы на выживание в этой эпохе есть, главное – приложить к этим шансам еще немножко удачи. Ко двору пришлось бы знания... но их нет.

Забрезжили просветы в лесу, и скоро мы выбрались на неширокую грунтовую дорогу, на которой кое-где проглядывали замощенные тесаным камнем участки, очевидно еще римской работы.

И сразу я увидел местных обитателей, то есть население. Люди шли мелкими группками по дороге, таща свои скудные пожитки в руках и тележках. В основном женщины, дети и старики. Мужчин было совсем мало. Все грязные, оборванные и изможденные. Со следами побоев и насилия...

Да это жители Лектура спасаются от побоища... Точно, больше некому. Ювелир же рассказывал, что город практически сровняли с землей, а жителей почти всех истребили.

Люди проходили мимо меня и опасливо прижимались к обочине, снимая шапки и кланяясь... не хватало еще, чтобы кто-нибудь опознал меня, но выяснить обстановку все же следует...

– Ты... Да, ты.

Я указал рукой на молодого парнишку лет пятнадцати, с разбитым в кровь лицом и перевязанной рукой, которой он придерживал на плече корзину с пожитками. За его порванную блузу цеплялись два ребенка. Мальчик и девочка, возрастом лет по пять каждый.

– Приблизься.

– Да, господин. – Паренек низко поклонился и положил корзину на землю.

Детки спрятались за его спину.

– Откуда идешь?

– Из Лектура, господин. – Парню явно было больно, и он придерживал перевязанную руку другой рукой.

– Что сейчас там?

– Смерть... – мрачно сообщил парень. – Резня продолжается. Говорят, руа франков приказал убить всех.

– Значит, войска еще там?

– Ночью были еще там, а сейчас не знаю, господин...

Вот, собственно, все, что я хотел узнать. Посмотрел по сторонам и, увидев, что образовался промежуток между группами беженцев и рядом никого нет, нашарил в мошине несколько серебряных монет и отдал пареньку. Больше ничего, к сожалению, я сделать не могу, как бы ни хотел.

– Потратить эти деньги с умом... – бросил я изумленному беженцу и тронул поводья Родена.

Надо двигаться. Если повезет, то кортеж с мачехой отправится в путь только сегодня, и есть шансы где-нибудь его перехватить.

Проехали несколько лиг, коней не погоняли, они шли легкой рысью, быстрее пока смысла нет. Дорог в Родез несколько... Вот и гадай, по которой из них повезут мачеху. М-да... затея моя, несмотря на благородные задачи и все такое, пахнет идиотизмом все больше.

Время шло к обеду, и мы, съехав с дороги в лесок, остановились перекусить.

– Ваша милость... – Тук раскладывал припасы на походной скатерти. – Дозвольте поинтересоваться.

– Давай...

Настроения разговаривать у меня не было, но слуга на то и слуга, чтобы развлекать своего господина. Может, что интересное скажет...

– Куда мы едем, ваша милость?

– Тебе не все равно?

– Нет, конечно. – Шотландец бросил на меня взгляд, проверяя, не разозлил ли господина его дерзкий ответ.

– Почему, изъяснись, а то получишь в голову.

– Ну как... Судьба моя связана с вами. Куда ваша милость, туда и я. Даже если вы направляетесь в пекло. Но все же хотелось бы знать: туда ли? Я хотя бы приготовился.

– В пекло? – Я взял кусок мяса, критически осмотрел его и взял другой. – Нет, не в пекло. В Родез.

– Если я спрошу вашу милость, зачем мы туда направляемся, вы будете ругаться? – На лице шотландца промелькнула лукавая улыбка.

– Уже спросил. Все-таки надо тебя вздуть, бестия хитрая. Не знаю, что тебе ответить... пока не знаю. Возможно, придется драться. Будешь?

– Обязательно, ваша милость. Это приятнее, чем поклоны бить. Что может быть лучше, чем горячая схватка и кровь врага на клинке? – убежденно заявил шотландец.

– А умереть не боишься? – поинтересовался я.

Мне показалось, что Тук отвечал совершенно искренне.

– Нет... – Шотландец помотал головой. – Для мужчины смерть с оружием в руках почетна.

– А пекло?

– Мне место там гарантировано. Так что не стоит и трепыхаться.

– Не юродствуй. Все могут быть спасены... и вознесены... – Попытался вспомнить какие-нибудь цитаты из Библии – и не вспомнил, поэтому решил дальше не продолжать.

Тук не ответил, молча перекрестился, достал из переметной сумы небольшой бочонок и положил к еде.

– Что это?

– Это, ваша светлость, тот напиток, про который благочестивый аббат Виталь дю Фур сказал так. – Тук приосанился и продекламировал с научным видом: – «Если пить арманьяк умеренно, он обостряет ум, помогает вспомнить прошлое, веселит, продлевает молодость и заставляет отступить немощь; излечивает подагру и язву при употреблении внутрь, а раны – при наружном применении, уменьшает зубную боль. Робкому человеку полезно поддержать арманьяк во рту – это развязывает язык и придает смелость». – Шотландец плеснул на доньшко деревянного стаканчика темной жидкости и протянул мне: – Это жженое вино, аббат назвал его «арманьяком», мне разочек довелось допить остатки после нашего настоятеля: отличная штука, ваша милость, хоть и не имеет изящества благородного вина. Надо употреблять осторожно, ибо арманьяк крепок и очень коварен.

М-да... Арманьяк. В Гаскони же нахожусь, на родине этого славного напитка. Пивал, пивал... до сих пор дома в баре непочатая бутылка «Le Bas-Armagnac» стоит. Стоит... стояла... и не у меня уже точно... Людка квартиру к рукам приберет. Да и бог с ней. Уже не имеет никакого значения. У меня сейчас... гипотетически, конечно, парочка замков есть.

Взял стаканчик и осторожно попробовал... Тьфу ты... а я-то думал, что божий нектар сейчас вкушу. До настоящего арманьяка этому пойлу – как до Пекина в известной позиции. Грубый вкус... Нет, сходство с потомком прослеживается, но не то... Явно не то. Нет благородства. Видимо, с веками его производство отладили и отшлифовали, а пока... пока и так сойдет. Во всяком случае, пить можно... хотя бы в качестве антисептика.

М-да... разочарование...

– Ты где его нарыл?

– Ну так... из воза жидовского забрал... – Тук смутился. – Неча поганить благородные напитки нечистыми руками.

– Я тебе разрешал их грабить? – поинтересовался я.

Не-э-э... разброд и шатания надо пресекать в самом зародыше. Ты смотри... какая средневековая непосредственность.

– Нет, ваша милость... – Тук скорчил виноватую рожу.

– Ну и ладно... – решил вдруг смиловаться.

Все-таки парень для меня старался... да и не обеднеет от этого ювелир.

– В следующий раз спрашивай, что можно, а чего нельзя. Понял?

– Понял... – повеселел шотландец. – Тут это... Ваша милость... не мешало бы провианта добыть. Еды уже совсем мало, да и зерна для лошадок приобрести не мешает. Особенно для вашего жеребца, ему травки мало.

– И что ты предлагаешь? – Я отправил в рот последний кусок сыра.

А за ним пойдет ветчина с хлебом – и все... больше еды нет. В магазин сходить надо... тьфу ты, черт... ага, в супермаркет. Придурок! Неожиданно для себя разозлился... да и шоссы эти постоянно сползают... Дурацкая средневековая мода. Изловлю первого попавшегося портняжку и совершу прорыв в порточном деле, научу его шить нормальные штаны.

– Надо к постоялому двору выдвигаться, там все и купим, – пояснил Тук. – Он обязательно должен стоять на этой дороге. По ней же паломники постоянно ходят... Эх, если бы вы знали, какие паштеты тут делают...

– Тук, ты осел. Это моя земля, и я знаю, что здесь делают, а чего – нет!.. – заорал я, пытаясь отвязать гульфик.

Приспичило, как назло, в кустики сходить, а шнурки... да что же это такое...

– Ой... Ваша милость... Я запомнил... – Шотландец побледнел, понимая, какой упорол косяк.

– Фу-у-у... – Наконец справился с завязками и уже из кустов свирепо, совсем по-петровски, у Толстого же читал... рявкнул: – Смел ты стал, собака, смотри: три шкуры спущу, сво-

лочь! Собирайся, поедem к чертову постоялому двору. И только попробуй сейчас что-нибудь вякнуть, скотина!

Из кустов вышел уже немного подобревшим. Это был не я... Я довольно милый, добрый и толерантный человек: так мне, по крайней мере, все в глаза говорили, а того, что за спиной вякали, я из принципа не замечал. Это во мне бастард шалит, и Средневековые отпечаток накладывает... Да, хорошо сказал. Именно Средневековые.

Тук моментально все собрал, и мы двинулись дальше по направлению к Лектуру.

Дорога была совершенно пустынной, только разок мимо протопали босыми пятками четыре мужика в белых балахонах с нашитыми на них раковинами, похожими на эмблему «Шелл». Паломники... кто еще так изгаляться будет. Спасения ищут. М-да... Просящий да обрящет... Кто ищет, тот всегда найдет. В том числе и неприятности на свою голову. Вот как я, например.

С правой стороны началась довольно высокая протяженная возвышенность, на склонах которой рос виноград, а дальше пошли грушевые и яблочные сады. Культурненько так. Все ухоженное.

– Тук, ты что молчишь? Рассказывай. – Мне надоело ехать молча.

– Что рассказывать-то, ваша милость? – буркнул шотландец, все еще дуясь на мою немотивированную агрессию в его сторону.

Это если в духе двадцать первого века сказать, а по меркам окружающей эпохи по-другому будет звучать. Как бы правильнее сформулировать... ага... дуясь на мое справедливое желание проявить право господина на наказание своего слуги. Да, именно так.

– Какие у вас девки в Шотландии? Дают?

– Ну, какие дают, а за каких и голову могут срубить, – оживился Тук. – Эх, девок бы...

– Это да... – согласился я, прислушавшись к своему организму.

– А вот вы знаете, ваша милость, какой у нас национальный символ?

– Чего? Чертополох, кажется... или юбки ваши?

– Не юбки, а килты, ваша милость. Попробуйте по горам в шосссах побегать, враз «юбку» оденете. Да, чертополох. А знаете почему?

– А хрен вас, шотландцев, поймет. Напихали полный зад колючек врагам в древности или вам напихали?

– Не-э-э... – хохотнул шотландец. – Как-то спустились шотландцы с гор встретить людей еловых лесов на побережье, но пока добирались, устали, да и пива перебрали. Решили стать на ночлег, а с утра уже разобраться с врагами. Но ночью враги, сняв обувь, решили тихо подкрасться, и один из них наступил на чертополох. Завопил. Предки проснулись и навалили незванным гостям по первое число. С тех пор у нас чертополох называют «the Guardian».

– Кто такие люди еловых лесов?

– Северяне. Даны. Предки с ними не ладили... Ваша милость, стойте... – Тук прищипорил свою лошадь и выскочил вперед, прикрывая меня. – Там кто-то есть...

За поворотом стояло несколько телег, валялись трупы лошадей и людей.

А еще – несколько воинов сноровисто обыскивали мертвецов и имущество. Это были не разбойники, а вполне строевые солдаты, и их было много, человек двадцать. Рядом с ними расположились несколько всадников, в грабеже они участия не принимали, только что-то повелительно покрикивали.

– Это вольные лучники руа франков, – встревоженно сообщил Тук, – они нас уже заметили. Попробуем скрыться?

– Не суетись... Едем, как ехали, и помалкивай. – Я направил жеребца в сторону всадников.

А что мне еще оставалось делать? Щит со своим гербом я спрятал, так что буду косить под Сегюра. Уйти уже не успеем, лучники быстро ежиков из нас понаделают. Наслышан... Да

и не к лицу благородному кабальеро непонятно кому тылы показывать. Это не бастард во мне говорит, это я сам в полной памяти и сознании заявляю. Или не в сознании...

Рассмотрел солдат. Точно лучники. Кожаные короткие штаны, доспехи тоже почти у всех кожаные, железные шлемы, похожие на перевернутую суповую миску, короткие широкие мечи, больше похожие на большие ножи. Длинные луки и колчаны. И не двадцать их, а гораздо больше – чуть подальше еще группа стоит. А вот всадники больше похожи на кабальеро. По крайней мере, один из них, сидевший на мощной вороной лошади в защитном снаряжении, облаченный в полный миланский доспех⁵⁰ и шлем-армет⁵¹. Остальные сидели на лошадках помельче, да и одеты не так пышно, в основном в хауберки⁵². Свита, скорее всего.

Один из свиты, заметив нас, выкрикнул короткую команду. Лучники мгновенно бросили мародерствовать и выстроились в ряд.

Рассмотрел на щите у кабальеро герб. На желтом фоне – синий лев с красными когтями, ставший на дыбы... темный лес для меня; а вот на синей котте – золотые лилии, это уже знакомо. Тотемы Луи.

Кабальеро дождался, пока мы подъедем, и, тронув шпорами коня, заставил его сделать несколько шажков нам навстречу.

– Виконт де Граммон, лейтенант вольных стрелков его величества, – представился он, подняв забрало шлема. – С кем имею честь беседовать?

– Шевалье де Сегюр, – представился я в свою очередь.

– Ваша милость... – склонил шлем в приветствии де Граммон.

– Ваша милость... – ответил я тем же.

– Позвольте поинтересоваться целью вашей поездки. – Голос де Граммона немного смягчился.

На долю секунды задумался, а не пора ли мне бить его перчаткой по морде за дерзостные вопросы, и пришел к выводу, что нет. Не пора. Соотношение один к пятидесяти не способствует излишнему проявлению гордыни, и все такое.

– Следую в Арагон исполнить обет свой.

– Я не сомневаюсь, что цель вашего обета – истребление богомерзких мавров, – оживился мой собеседник, и я заметил, что, несмотря на габариты, виконт еще очень молод. Вон борода-то – как у телушки на...

– Позвольте сохранить мой обет в тайне, виконт, однако замечу: он направлен на прославление и укрепление христианской веры, а также прославление моей дамы сердца, – завернул я в ответ, согласно своим представлением о рыцарстве, естественно почерпнутым из книг и своей фантазии.

– О-о-о... не сомневаюсь, вы покроете свое имя славой, – пылко ответил де Граммон. – Однако почему же вы не называете имя своей дамы?

– В этом и заключается мой обет... – вежливо выкрутился я.

Как просто: обет – и все... хоть кол на голове теши. Наивные люди...

Виконт оживился еще более и стукнул себя по правому плечу, на котором был закреплен дурацкий бант с лентами серебряного и желтого цветов:

⁵⁰ Миланский доспех – полный рыцарский доспех начала XV – середины XVI в. Простота, надежность и максимальная защита тела. Характерные черты: гладкие округлые формы, увеличенный левый налокотник и большое количество ремней, скрепляющих латы.

⁵¹ Армет (армэ) – рыцарский шлем XV–XVI вв. В отличие от гранд-бацинета, в армете бувигер из двух раскрывающихся лицевых половинок составлял единое целое с остальными частями шлема. В закрытом положении фиксировались штифтом на подбородке.

⁵² Хауберк (хоуберк) – вид доспеха. Кольчуга с капюшоном и рукавицами (капюшон и рукавицы могли выполняться как отдельно, так и составлять единое целое с кольчугой), дополненные кольчужными чулками. В XIV в. постепенно выходит из употребления в связи с распространением латно-бригантинных элементов защиты.

– Шевалье де Сегюр, моей дамой сердца является графиня Аделаида де Шато-Рено, самая благочестивая и прекрасная дама на этом свете. Не согласитесь ли вы засвидетельствовать это прилюдно и громогласно?

М-да... Кино и немцы... Ну кто меня за язык тянул приплетать даму? Так засвидетельствовал бы – и до свидания. Нет же... ляпнул. Теперь признаю – и заплюют. Собственный слуга в спину тыкать пальцем будет.

К виконту приблизился немолодой дядька с пышными усами, торчавшими из хауберка, и что-то тихонько шепнул. Отговаривает, что ли?

Не... Не получилось.

Де Граммон, не глядя, отмахнулся и уставился на меня.

Мужик еще раз шепнул и, не дождавшись ответа, покачивая головой и бормоча что-то, отъехал в сторону.

– Я не могу признать графиню Аделаиду де Шато-Рено самой прекрасной и благочестивой дамой, так как моя дама сердца обладает этими достоинствами превыше всех остальных... – наконец выдавил из себя и услышал, как восхищенно охнул Тук за моей спиной.

– В таком случае... – обрадовался де Граммон. – В таком случае истину определит поединок.

М-да... Молодому балбесу не терпится с кем-нибудь подраться... а еще лейтенант лучников его величества руа франков Луи XI... Тьфу... Вот как это называется? Третий день как в этой эпохе, а уже четырех жмуров на свой счет записал... и вот пятый намечается. Увы мне, увы...

– В таком случае истину определит поединок, – обреченно согласился я. – Выбираю поединок на мечях без щитов.

– В каком смысле – «без щитов»? – озадачился де Граммон.

– Согласно новомодным правилам поединков, принятым в среде благородных кабальеро, вызываемый выбирает оружие, на котором предстоит сражаться, – охотно подсказал я.

Вот никак мне не улыбается пыряться копьями на лошадях. Не умею я, да и копий этих у меня нет. Чертов бастард, когда улепетывал из Лектура, посеял их где-то. И слава богу; а щит вообще для меня зло...

– Ну... это, наверное, самые последние правила... – даже покраснел де Граммон, – я не имел возможности к ним приобщиться. Все на войне да на войне...

– Я в любом случае уверен в вашем благородстве, виконт, – блеснул я куртуазностью. – Но что это мы? Давайте сражаться.

Выбрали в стороне от дороги ровную полянку. С лучниками на дороге остались сержанты, а Граммон с пажом, оруженосцем и тем самым усаатым дядькой, как и я с Туком, стали готовиться к поединку.

Граммон спешился и потянул из седельных ножен здоровенный полуторный фламберг⁵³. В своем полном миланском доспехе и с этой «пилой» в руке он выглядел эпически.

Я сначала напялил шлем на голову, но потом плюнул, снял и отдал его Туку, вылупившему на меня удивленные глаза. Вот как ему объяснить, что я, кроме мотоциклетных, никаких шлемов сроду не надевал.

Де Граммон, разминаясь, выписывал фламбергом вольты с такой скоростью, что по поляне ветерок шелестел. Увидев меня с эспадой в руках и без шлема, ехидненько улыбнулся, но смолчал, куртуазничать не стал. А его спутник вообще ухмыльнулся во всю свою усаатую рожу.

⁵³ Фламберг – тип длинноклинкового оружия с волнистым, подобным языку пламени клинком. В силу особенностей заточки наносил ужасные рваные раны, а также имел усиленные возможности для пробития брони. Мог быть двуручным, полторным и реже одноручным.

Ну ладно, господа, небось уже имущество мое оглядываете? Посмотрим... Хотя мечом парень впечатляюще машет...

– Ну что, приступим? – заявил лейтенант в нетерпении срубить мне голову или чего там еще.

– Приступим... – Я внимательно осматривал доспех де Граммон в поисках уязвимых мест и никак не находил. Куда ж тебя пырнуть, салабон: под мышку, что ли...

– Э-э-х... – Лейтенант не стал тратить время на лишние разговоры, мгновенно сорвал дистанцию и рубанул фламбергом сверху вниз, на полпути переведя удар в диагональ.

Ого... вот это скорость! Я едва успел отскочить и достать его кончиком эспады по забралу. Впрочем, без особого успеха. Сталь звякнула о сталь, даже искра проскочила, но на лейтенанта это не оказало ровно никакого воздействия. Он рыкнул и рубанул меня по коленям.

Молясь, чтобы клинок выдержал, вскользь отпарировал удар эспадой, сбив его меч так, что фламберг врезался в землю, и от души рубанул в щель между шлемом и горжетом, а потом, подскочив, еще два раза ткнул дагой, целясь в шов на кирасе...

Однако! Эспада попала, куда целился, но удар, не пробив броню, только заставил лейтенанта покачнуться. А вот дагой я просто не попал. Навыка-то почти нет...

Де Граммон заревел, выпрямился и вслепую наотмашь махнул фламбергом, едва не снеся мне голову.

– Nu, kapets tebye, salabon!.. – разозлившись, рявкнул я по-русски.

Чуть не срубил мне башку, поганец...

Пользуясь тем, что фламберг от размашистого удара увело в сторону, в расхлест⁵⁴ три раза рубанул по шлему резвого виконта, сплющив забрало и вмяв верхнюю часть внутрь вместе с плюмажем, и вдобавок сделал еще одну вмятину сбоку, в районе уха.

Удары раздались звонко, де Граммон выронил фламберг из рук, шлепнулся на колени, потом ничком повалился на траву.

Так... Дело сделано, а что дальше? Вроде у меня для таких целей «свинокол» граненый есть... Только что-то не хочется виконта добивать...

Дядька с усами встревоженно вскрикнул, очевидно, усмотрев на моем лице кровожадные намерения, но с места не сдвинулся.

Нет, не буду добивать. Даже если не захочет сдаваться, не буду. Неплохой парень. Не грубил...

Подошел к телу и попытался поднять забрало... Хрен там, заклинило намертво, но крови не видно; значит, живой. Подоспели оруженосец с усаемым, и общими усилиями мы наконец-то стянули железный горшок и подшлемник с головы виконта.

Де Граммон оказался целехоньким, если не считать здоровенной шишки, на глазах вспухающей на лбу.

Оруженосец брызнул водой ему в лицо, и парень, замычав, очнулся, поводя вокруг ошеломленными глазами.

– Виконт де Граммон, вы побеждены, но так как я, согласно данному обету, не могу объявить вам имя своей дамы сердца, освобождаю вас от признания ее исключительных добродетели и красоты... – вывел я формулу, самому себе не очень понятную.

Ну а как... Еще начнет кобениться, и придется во исполнение традиций рыцарских приколоть его. Дикая люди, однако... Средневековье, ёптыть...

Лейтенант тоже не совсем понял, что я сказал, но очумело кивнул головой.

Рядом облегченно вздохнул усаемый, и они вместе с оруженосцем и пажом утащили парня в сторону, где стали его разоблачать и всячески хлопотать, приводя окончательно в чувство.

⁵⁴ В расхлест – устаревший фехтовальный термин. Серия быстрых последовательных ударов, наносимых с разных сторон.

– Ваша милость... это было... это было!.. – раскудаhtался Тук, помогая мне присесть на попону.

Устал я... вроде ничего особо изнурительного не произошло, а ноги дрожат и дышалка сбилась... не мое тело, не мое... тренироваться еще и тренироваться.

– Позвольте представиться. Шевалье Рауль де Люмьер, – подошел ко мне усатый мужик. – Виконт де Граммон уполномочил меня провести переговоры о выкупе его доспехов, оружия и коня.

– Какие ваши предложения? – У меня не было особого желания торговаться.

Хотелось свалить как можно подальше, и побыстрее. Мало ли что у них на уме: сейчас кликнут лучников, и поедешь в Бастилию за надругательство над королевским лейтенантом. А там и плаха недалеко.

А с другой стороны...

Поединок был – был.

Я победил – победил.

Отказываться от трофеев – значит полностью выйти из образа. Сомневаюсь, что бастард поступил бы подобным образом.

– Десять золотых франков, – озвучил цену усатый и слегка смутился.

Сколько? Кажется, меня хотят обмануть? Промолчал и только удивленно приподнял правую бровь.

– Десять франков и десять су, – решительно рубанул ладонью усатый.

– Вы это серьезно, шевалье? – протянул я, всматриваясь в усы собеседнику.

Я, конечно, в ценах пока не очень соображаю... скажем даже – совсем не разбираюсь, но совершенно ясно, что меня хотят самым наглým образом надуть. Нехорошо... а еще кабальеро.

Усатый смутился. Он уже скинул кольчужный капюшон, и на усатой роже хорошо просматривались черты продувной бестии.

– Десять франков, десять су – и мы можем предложить вам некоторые ценные вещи в счет погашения долга, – внес он существенную поправку.

Это уже лучше, а если немного поиграть с рыцарским гонором...

– Шевалье, как бы вам сказать... Спорили мы с виконтом о достоинствах наших дам сердца, поэтому я не хочу осквернить благородный поединок низменной торговлей. Я могу принять любую сумму без обсуждения.

Тут уже вмешался сам де Граммон. Приковылял и заявил, что он не может принять от меня такой щедрый подарок. Поединок был, он проиграл и теперь должен передать в мое распоряжение коня, доспехи и оружие. Или выкупить их у меня. Так было, будет, и вообще шевалье де Сегюр, то есть я, может своей неоправданной щедростью оскорбить виконта де Граммона.

– Ни в коем случае, виконт. Но...

– Жюль де Граммон всегда платит свои долги! – надменно рявкнул лейтенант и подозвал своего пажа: – Робер, бегом в обоз за моими вещами!

– Хорошо, ваша милость... – Паж испарился в мгновение ока, и через несколько минут вернулся с крепкой лошадкой, нагруженной выюками.

На поляне расстелили ковер, бросили несколько подушек. Паж Жюля притащил бурдюк с вином, кубки, нарезал на блюде копченый окорок и сыр. Лейтенант и его усатый спутник расположились напротив меня, его окружение – в стороне, а Тук – позади меня.

Вот это другое дело. Процесс стал меня захватывать, торговаться я люблю: наверное, в бабушку пошел. Она, пока продавцов на рынке до слез не доводила, не успокаивалась.

Рауль де Люмьер, тот самый усатый, первым взял слово:

– Я думаю, шевалье, нам стоит для начала определить полную стоимость имущества, положенного вам, согласно правилам проведения поединков.

Я вежливо кивнул, соглашаясь с ним. Послушаем.

– Мы оцениваем имущество в триста турецких ливров, – важно заявил Люмьер. – В эту цену входят дестриер⁵⁵, боевой доспех для коня, полный боевой доспех виконта и оружие, находившееся при нем и при коне во время поединка. То есть фламберг, секира, кинжал, мизирекорд, тройной моргенштерн⁵⁶ на короткой ручке и арбалет.

Я сразу не ответил, изображая раздумье. Изображал для шевалье и виконта, а сам лихо-радочно пытался сообразить: что такое турецкий ливр⁵⁷? Вот не сталкивался я еще с такой монетой. С конскими франками, су, денье, оболлами – да. А с турецким ливром – нет. Вся эта груда железа с конем в придачу должна стоить по нынешним временам достаточно много. Но сколько? Твою же кобылу в дышло... Ну что мне стоило в истории пойти...

Вдруг я услышал, как сидевший позади меня Тук пробормотал:

– Хорошая цена...

Усатый тоже услышал его слова и поинтересовался:

– Просветите, пожалуйста, нас, шевалье, в каком статусе находится ваш спутник. Имеет ли он право участвовать в нашем разговоре?

– Уильям Логан из клана Логанов, лэрд Шотландии. Выступает в статусе моего эскудеро⁵⁸ и готовится к посвящению в сан кабальеро. – Я грозно уставился на усатого, выпалив эту тираду с незнакомыми мне терминами... ага, бастард подсказал. – К тому же, шевалье, он не участвует в разговоре, а оказывает необходимую помощь мне, согласно вассальному долгу. Вы против этого, шевалье? В таком случае...

– Нет проблем, шевалье, – поспешил заявить усатый, – это ваше право. Ну так как, вы согласны с ценой?

– Согласен, – важно кивнул я.

– По праву победителя вы можете потребовать вышеперечисленные предметы или согласиться на компенсацию деньгами либо иными ценными предметами, – заученно произнес усатый. И горестно вздохнул.

Ага... приходилось тебе уже торговаться... или де Граммон успел до меня на кого-то нарваться, либо тебя самого приголубили. Ну что ж... Доспех и конь знатные, но раздевать лейтенанта королевских лучников чревато непредсказуемыми последствиями. Де Граммон и де Люмьер, конечно, благородные кабальеро, возражать не будут, но и, скорее всего, ничего не заметят, когда лучники, пылая справедливым гневом за обиду, нанесенную их командиру, сделают из нас ежей.

– Насколько я понимаю, вы не располагаете вышеназванной суммой. Поэтому я соглашусь на компенсацию иными предметами, – сделал я свой ход.

– Отлично. Для начала получите десять франков и десять су, – Люмьер выложил на ковер монеты, – а в качестве разницы виконт может предложить вам следующее...

Паж распаковал выюки и разложил вещи на ковре.

Ого... Много всего. Мое внимание сразу привлекла эспада, лежавшая поверх остального добра. Красивое оружие. Ножны украшены червлёным серебром, без аляповатости, в меру. Чувствуется вкус у мастера.

⁵⁵ Дестриер (дестрие, декстер) – средневековая порода рыцарских боевых коней. Очень высокие, мощные кони, достигающие около тонны веса и роста в холке 180–200 см, хотя особенно ценились выучкой, выносливостью и породой, а не большим ростом.

⁵⁶ Моргенштерн (нем. Morgenstern – утренняя звезда) – с XIV по XVII в.: булава с шипами, вкрученными в било. Предназначалась для нанесения пробивающих рыцарские латы ударов.

⁵⁷ Турецкий ливр – основная счетно-расчетная единица во Франции 1230–1803 гг. Имеет прозвище «монета, которой никогда не было». Турецкий ливр использовался как мера стоимости. Как монета ливр выпускался только один раз в 1656 г. весом в 8,024 г (7,69 г серебра).

⁵⁸ Эскудеро (исп. scudero, букв. «щитоносец») – оруженосец. Лицо благородного происхождения, находящееся в услужении и обучении у кабальеро. Готовящийся сам стать кабальеро.

Эфес сложный, корзинчатый, витые дуги переплетаются, хорошо закрывая руку и образуя своеобразный узор, стилизованный под растительный. Навершие отлито в форме головы льва с изумрудными глазами. Стильная эспада, черт подери...

Потянул клинок из ножен... Да он в форме фламберга выкован! Изгиб волны не ярко выражен, мешать скользящему парированию не будет, и вместе с тем – рубящие удары таким клинком наносят ужасные, долго не заживающие раны. Тут все дело в заточке, она двойная, что-то наподобие пилы. Клинок подлинней моего будет, а весит ненамного больше...

– Эта эспада работы мастера из германского Золингена, – пояснил де Граммон. – Дорогая вещь, рубит доспех как масло. Мне ее подарил сам руа Луи.

– Не знаю... легковата, – изобразил я сомнение, хотя уже решил, что клинок не отдам. – Во сколько вы ее оцениваете?

– Мы оцениваем ее в двадцать турецких ливров... – поспешил де Граммон, заставив поморщиться усатого.

Я посмотрел на лейтенанта. Простодушное лицо, совсем молодой, а хитрить пытается...

– Виконт, я пойму, если вы оцените в эту сумму ваш полуторный фламберг. А это игрушка...

– Секретом производства стали, из которой сделана эта игрушка, владеет всего один мастер на всю Германию. Это же работа самого Амбруаза Ройтенберга. Посмотрите, шевалье, на орнамент на клинке, – возмутился Люмьер. – Так больше никто не украшает. Ей цена двадцать пять ливров, не меньше.

Клинок матового серо-синеватого цвета был покрыт узором из переплетающихся виноградных лоз...

Я посмотрел на лейтенанта:

– Так сколько?

– Я уже оценил ее в два десятка... – буркнул де Граммон, не смотря на де Люмьера. – Пускай так и будет.

Продешевил лейтенант. Ну, извини, никто тебя за язык не тянул.

– Согласен. – Я передал клинок Туку.

Взял с ковра небольшой металлический баклер⁵⁹. Всего сантиметров тридцать в диаметре. Такие, насколько я помню, кулачковыми щитами еще называли.

– Работа английских мастеров. К нему еще прилагается вставной шип, – опять не удержался де Граммон, но цену предусмотрительно не назвал.

Красивый щит. Накладки узорные, из бронзы, кажется. И самое главное – не тяжелый. Припоминаю, что еще до того как даги перестали быть оружием простолюдинов, существовал специальный благородный стиль фехтования, который так и назывался: «Эспада и баклер».

Вещь нужная. Мой тарч тяжелый, с ним управляться еще учиться надо, а если случится... не дай бог, конечно, против нескольких противников рубиться, совсем без щита не обойтись.

Я вопросительно посмотрел на усатого, понимая, что именно он назовет цену, и не ошибся.

– Ливр, – озвучил сумму Люмьер. – Большая редкость. Сейчас таких уже не делают. Сами понимаете, шевалье, мы предлагаем его только из большого уважения к вам.

– Очень признателен... – кивнул я. – Пусть будет так.

Стоит минимум треть заявленной суммы. Да и ладно. Вещь нужная, тем более что неизвестно, когда я еще получу возможность пополнить свой арсенал. Пускай считают, что надули. Еще себя кабальеро называют. Цыгане...

⁵⁹ Баклер – круглый кулачный щит 20–40 см в диаметре, чаще всего металлический. Мог оснащаться специальным острием, крепившимся по центру, которым вполне можно было атаковать.

Следующим лотом шел походный поставец серебряной посуды удивительно тонкой работы, на четыре персоны, в маленьком чемоданчике из тисненой кожи. Не знаю, как здесь, а в современности этот набор достоин стоять на королевских столах... или у олигархов, что равноценно, если даже не престижнее. Нынче, то есть в будущем, короли измелчали-то, не чета нынешним... Тьфу ты... совсем запутался. Будущее – прошлое. Короче, поставец богатый. Как раз мне к лицу. Люмьер и Граммон заломили за него целых двадцать пять ливров, мотивируя тем, что это работа известных турецких ювелиров, и одного серебра в нем пять фунтов. Опять где-то соврали...

– Да зачем он мне? Я привык жить по-походному. Эта роскошь расслабляет...

– Не скажите, шевалье. Мы сами привыкли к походному быту, однако бывают случаи, когда требуется соответствовать своему положению. Вам этот набор как раз подойдет, – попробовал польстить мне Люмьер.

– Ну, раз вы так считаете... – с сомнением повертел поставец в руках. – Двадцать ливров, говорите...

– Двадцать пять, красная цена – двадцать пять. Но вам отдадим за двадцать три, – заспешил Люмьер и, пока я не передумал, сунул мне в руки еще и большой кубок. – Венецианская работа. Таким не стыдно салютовать за столом у лиц царственной крови, и всего за пять ливров.

Тьфу ты... Торгаш какой-то, а не кабальеро. А где благородство и куртуазность?... Нет, в книгах вас гораздо благороднее описывают.

Кубок как кубок. На литр, если не больше. Тоже серебряный, с вставками из эмали, расписанными сценками псовой охоты. Грубо обработанные гранаты по ободкам. Тяжелый. Ладно, берем. Тука-то посудой я обеспечил, да еще римской, раритетной даже в Средневековье, а сам из бурдюка винище хлещу. Вот теперь все как положено.

– Три... и только из большого уважения к вам, – назвал я свою цену.

Де Граммон вознамерился что-то сказать, но Люмьер его опередил:

– Три и десять солей⁶⁰.

Вот зараза... торгаш, чистый торгаш, а не кабальеро.

– По рукам, и еще бурдюк этого замечательного вина. – Я отпил из кубка. – Кстати, откуда оно?

– Из Коньяка, – объяснил де Граммон, повергнув меня в изумление. – Сорт винограда называется Финь-Шампань.

Вот так... Шампань из Коньяка. Идет вразрез с моими знаниями – хотя все правильно. Коньяк еще не изобрели. Арманьяк есть, а коньяка еще нет. А Финь-Шампань – это тот сорт винограда, из которого коньяк и будут делать. Все равно вино замечательное. В меру терпкое, с легкой игристостью. Куда там современной порошковой бурде.

– Вы получите вино, шевалье, – не смотря на кислую рожу де Люмьера, заявил де Граммон. – Я хочу вам предложить вещь для истинных ценителей.

– Вы меня заинтриговали, виконт.

Лейтенант кивнул пажу, и тот развернул небольшой сверток.

Шахматы... Черт подери, шахматы. Открыл резную шкатулку из сладко пахнущего сандалового дерева и взял в руку фигурку из нефрита. Искусно вырезанный бородатый мужик в митре и мантии. Ферзь? А это его оппонент из слоновой кости. Крепостная башня... Это тура. А вот мужик в короне сидит на троне со скипетром в руках – король. Кони есть, а слонов что-то не вижу. Вот пешки в виде пеших воинов в конических шлемах, кольчугах, с мечами и щитами. Шахматная доска не складывается, стоит на золотых ножках в виде львиных лап.

⁶⁰ Соль (*фр.* sou – су) – денежная единица и монета Французского королевства 2-й половины XIII–XVIII вв. Составляла 1/20 ливра (фунта) и = 12 денье. Изначально серебряная монета, затем биллоновая. Вес около 0,39 г.

Квадраты из эбенового дерева и белой кости... по рантам инкрустации из золотых и серебряных пластинок...

– Сколько? – сам по себе вырвался вопрос.

Я хочу обладать этими шахматами, пускай даже они покроют весь долг де Граммона.

– Три... – начал лейтенант, но его перебил Люмьер.

– Пятьдесят ливров, шевалье, – непреклонно заявил он.

– Сколько? – в изумлении переспросил я. – Это же цена отличного курса⁶¹.

– Они стоят того. Их делали в Милане, на заказ для Филиппа III Бургундского, а он проиграл их в кости моему отцу, – надувшись, заявил виконт.

Врет, собака... так... пятьдесят... да я еще даже на сотню не набрал. Беру, не торгуясь, добра еще много... компенсирую.

– Хорошо, – согласился я, вызвав кучу положительных эмоций на лицах шевалье и виконта.

Не удержался и поубавил им радости:

– В придачу к шахматам пойдут четыре мешка фуража моим лошадям и вот эта сумочка.

Я выудил из кучи вещей мужскую поясную сумку, расшитую золотом и жемчугом.

Особо радости я не убавил; похоже, они все-таки надули меня порядочно. Да и ладно. Все равно в прибыли.

– Посмотрите на этот арбалет, шевалье. С пятидесяти шагов пробивает насквозь человека в полном доспехе. – Люмьер подал мне арбалет. – Немецкая работа. Всего три ливра.

Арбалет как арбалет. Тетива взводится реечным коловоротом. Вся деревянная часть вырезана из светлого дерева в форме какого-то мифического чудища. Прикладом служит свернутый в дугу его хвост. Дуги металлические, с золотой гравировкой. По ложу костяные резные накладки. Можно вешать за специальный крюк, как к поясу, так и к седлу. Чуть меньше и легче моего. А он мне нужен?

Подставил свой кубок пажу, дождался, пока он его наполнил, отпил и передал арбалет и тул с болтами Туку. Пригодится. Шотландец будет таскать мой, а я – этот. Подучиться стрелять бы из него не помешало.

Дальше виконт выставил шлем-салад⁶² со сдвижным забралом и как бонус – три павлиньих пера на плюмаж. Не знаю, чего ему было больше жалко: шлема или перьев, но рожа при этом была довольно скорбная.

Шлем вместе с перьями забрал за семь ливров. Переплатил, конечно, безбожно, но мне он показался более удобным, чем мой барбют, по размеру пришелся впору, да и к моему готическому доспеху по цвету и стилю подходит. А перья на плюмаже – вообще отпад. Кстати, снимаются, можно менять на другие.

Беру и отдаю свой барбют Туку.

Следом в ход пошла глефа⁶³ с изящным, хищной формы лезвием. По словам Люмера – итальянской работы и тоже какого-то жутко знаменитого мастера.

Ее я сразу отложил в сторону. Вот не представляю себя с палкой, у которой наконечник напоминает лезвие от косы. Какой-то неблагородный вид получается, да и работать ей могу разве что как битой.

Вдруг пришла мыслишка в голову, как еще маленько развести незадачливых кабальеро.

– Всего золотой, – попытался уговорить меня Люмьер. – Такой глефой удобно действовать и в пешем строю, и конным.

⁶¹ Курсе – порода рыцарских лошадей.

⁶² Салад – группа шлемов конца XIV – начала XVI в., ведущая свое происхождение от бацинетов, различных по форме (от похожих на каску до похожих на шляпу), но имеющих в качестве общей черты наличие длинного назатыльника.

⁶³ Глефа (глевия) – древковое оружие пехоты с длинным (до 60 см) наконечником шириной 5–7 см. Наконечник имеет вид заточенного только с одной стороны фальшиона.

– Я не торгуюсь, шевалье, – сделал скорбное лицо. – Я вижу, что вещь стоящая.

– Так в чем дело?

– Давайте сначала рассмотрим предметы действительно ценные, которые позволят закрыть основную часть долга, а потом уже доберем остатки, – закинул я удочку.

Скоро мне уже грузить имущество будет некуда, а они предлагают всякую малоценную хрень. Огласите весь список, пжалста...

– Это законно, – качнул головой уже основательно подпивший де Граммон и заорал на пажа: – Робер, тащи мою шкатулку с драгоценностями!

– О-о-о!.. – воскликнул де Люмьер и хватанул вина из кубка. – У... у Жюля есть хорошие камни...

– Так давайте выпьем до дна, за... за честь кабальеро... – поднял я кубок.

Приметив, что де Люмьер и де Граммон уже хорошенько подшофе, решил накачать их окончательно. Сговорчивее станут, да и при нашем отъезде меньше проблем будет. Мало ли что у них на уме... у кабальеро-то средневековых. Благородство, согласно доступным мне историческим источникам, очень частенько перемежалось откровенной подлостью... в первую очередь у благородных кабальеро.

Выпили, закусили...

Опять выпили и закусили...

В промежутке я сторговал за смешную цену ту самую лошадку, на которой привезли имущество де Граммона, вместе с упряжью. Пригодится. Не буду же я осквернять своего Родена неблагородной поклажей.

Допили вино, и когда де Граммон уже не совсем ясно понимал, где он находится, и порывался скакать рубить драконов, а де Люмьер хотя и соображал, но постоянно норовил свалиться на бок, приступили к драгоценностям.

Я сам хорошо подпил, но пока держался; видимо, бастард неплохо тренировался по части алкоголя.

Почти весь остаток долга, по ценам Люмера, конечно, покрыли массивное узорчатое ожерелье с шикарным топазом на подвеске и два перстня. Один с изумрудом, а второй с неизвестным мне камнем розового цвета. Очень красивым и просто громадным по размеру.

Глефу тоже забрал походя. Туку будет. У него уже есть алебарда⁶⁴, теперь будет и глефа. Или я сам как-нибудь обучусь ею орудовать.

Да, еще забрал серебряный таз для умывания и рулон батиста. На портянки сойдет, если что.

По итогу сторговались. Конечно, как потом сказал мне Тук, ободрали они меня не меньше чем на сто золотых. Скопидомы... Торгаши, а не рыцари. Не ожидал. Похоже, эти совсем не рыцарственные качества средневековых рыцарей писатели просто пропускали в своих книгах.

Помимо массы полезных вещей я получил нечто гораздо более ценное для меня. Де Граммон попутно спьяну выболтал мне всю диспозицию в Арманьяке.

Лейтенант направлялся с отрядом своих лучников в Флеранс на усиление. Город, оказывается, уже был под управлением сенешаля руа франков, и планировалась легкая акция устрашения горожан, дабы неповадно было поддерживать моего папеньку.

Знаем мы эти легкие акции. Всех ограбят, изнасилуют и так далее...

Лектур действительно вырезали почти полностью. Ушло очень мало жителей, а сейчас войска ждали, пока утихнут пожары, и собирались даже срыть стены замка и самого города.

⁶⁴ Алебарда – род колюще-рубящего холодного оружия, широкий длинный топор с лезвием различных форм, насаженный на длинное древко, имеющее наконечник в виде копья.

Отца... Отца растерзали. Исаак не соврал. Причем убили его именно те, о ком он рассказывал. Жюль, так звали де Граммона, не одобрял это и, не стесняясь, костерил Гийома де Монфокона, совершившего поступок, негодный для кабальеро. Грозился при случае вызвать его на поединок, что только добавило моих симпатий к лейтенанту. Впрочем, он так же, не стесняясь, костерил и моего покойного папашу... Ну, это ладно. Папик, как выяснялось, гаденой был еще той.

И еще я узнал, возможно, самую важную вещь. Мачеху мою отправили не в Родез, а в замок Бюзе Сен-Такр. Это гораздо ближе, чем Родез. И отправили ее только сегодня утром, целой и невредимой, вместе с ее свитой. Но... кортежем с ней поехало столько солдат и кабальеро, что отбить ее по дороге не получится в любом случае. Проще самого себя сразу дагой проткнуть. Вот так...

Узнал я еще, что все владения семьи Арманьяк заняты королевскими войсками, и везде уже назначены управители и наместники. Долбаный Всемирный Паук раздает их налево и направо. В том числе и мои виконтства Лавардан и Рокебрэн... Твою же мать... Даже сеньорию Сегюр...

И еще один момент. Меня ищут, опрашивают всех и трупы опознают. Правда, пока не знают, что я сбежал, думают, что сгорел при пожаре или разорван при бесчинствах. При прорыве мои люди замаскировали все под вылазку и все полегли как один, так что выдать побег некому.

Расставались вполне дружески. Виконт и шевалье так и не заподозрили, что человек, за поимку которого их могли возвысить, все это время пил с ними вино и выдуривал разные ценности. Обе стороны остались довольны собой.

Я остался не раскрыт, узнал много полезного и даже немного разбогател, а эти скряги вполне были уверены, что развели меня на деньги. Впрочем, в чем-то они и правы. Таки развели... перегибать палку в моем положении было крайне неразумно.

Попрощались – и мы двинулись в путь. Кабальеро любезно подсказали, что примерно в лиге, по направлению к Лектуру, будет приют для паломников, который содержат монахи-доминиканцы, и там можно остаться на ночлег и пополнить припасы. Туда мы и направились. Напряжение последних дней сказывалось, и хотелось наконец-то поспать в кровати, хотя я очень сомневаюсь, что в приюте есть таковые.

Ну что... Еще один день прожил. Жив, главное, остался... А мог и сгинуть, возможностей выпало предостаточно.

На деньги и имущество поднялся, кучу благородных дел и подвигов совершил. Настоящий кабальеро, ёптыть... И знаете, несмотря на кучу банальных бытовых неудобств, мне нравится все, что со мной происходит. Как родился благородным рыцарем... может, так и есть, и я попал в свое место и время? Не знаю, точно пока ответить не могу, но тихо балдею от самого себя в нынешней роли.

Глава 6

– Тук, собака, ты зачем позоришь мою честь кабальеро? – поинтересовался я у шотландца, когда мы отъехали на порядочное расстояние от места схватки.

– Ни в коем разе, ваша милость. – Тук ехал позади, на ходу упражняясь с глефой. Подаренный шлем он тоже сразу напялил на голову, так и ехал в нем.

– Даю тебе последний шанс признаться, – вяло попробовал воззвать к его совести.

На большее не было сил. Схватка, вино и жирный окорок не располагают к активности. Да и не злился я, честно говоря. Так... просто поболтать захотелось.

– Не знаю, о чем вы, ваша милость... – Голос Тука стал подозрительно умильным.

– Кто спер окорок в мешке? Тот, который не успели нарезать на стол... И не вздумай, собака, отказываться.

– Ну, разве это называется «украл»? Все равно они все нам должны. Пускай скажут спасибо, что вы так благородно с ними поступили.

– Не смей совать свое рыло в дела благородных господ. Вот как тебя назвать, скотина?

– Как? Сами Туком нарекли, – осторожно ответил шотландец.

– Не придируйся... – Я отмахнулся от здорового жука, собравшегося приспособить мой берет под посадочное место. – Ты лэрд. По крайней мере, себя так называешь. То есть благородного сословия считаешься. Сам говорил, лэрды в палате лордов заседают. И при этом: беглый монах, колдун... сам говорил – обвиняли, прелюбодей, разбойник, редкостный пройдоха и в довершение ко всему этому набору – ворюга. Может, тебя сдать куда надо?

– Не надо, – буркнул Тук. – Я вам еще пригожусь.

– Вот даже не знаю... подумаю еще. Как тебе сегодняшний денек?

– Уф... – фыркнул шотландец. – Отличный денек, ваша милость. Вы были сегодня великопны. Как вы его по шлему! Я даже толком ничего заметить не успел. Бам-бам-бам... и он уже на земле валяется. Научите?

– Подумаю. Ты слышал, как я этим франкам говорил, что ты эскудеро?

– Слышал, ваша милость, – радостно ответил шотландец.

– Для чего я взял на душу грех вранья?

– Ну... – В голосе шотландца поубавилось радости, и он задумался. – Дабы... дабы дать понять франкам, что я имею право находиться рядом, и вообще поубавить у них спеси.

– Примерно так и есть. Чего нос повесил?

– Ну, так...

– Эскудеро хочешь быть?

– Ну...

– Понятно. Служи, а я подумаю. А пока какой из тебя эскудеро? Вон окорок спер, скотина.

– Я же во благо... – смутился шотландец.

– Благими намерениями выложена дорога в ад. Понятно? Приучись думать, прежде чем что-то делать.

– Ваша милость, кажись, огонек маячит. Не иначе – приют.

Впереди, в быстро наступающей темноте, помигивал тусклый огонек. Через несколько минут в сумерках нарисовался силуэт какого-то строения.

Подъехав поближе, я увидел на обочине несколько небольших одноэтажных зданий, огороженных сложенным из плоских камней высоким забором. Возле ворот на шесте была прикреплена маленькая лампадка, а сами ворота украшены раковиной, подобной тем, которые я видел на паломниках.

– Стучи...

Тук спешился и несколько раз сильно стукнул рукояткой кинжала по воротам, потом через короткий промежуток – еще раз.

За забором басовито взвыло несколько собак, слышались шаги, и низкий хриплый голос заинтересовался:

– Кто беспокоит странноприимную обитель?

– Его милость шеваље де Сегюр, – рявкнул в ответ шотландец таким голосом, как будто за воротами стоит сам руа франков.

– Что вам надо? – не высказывая никакого почтения, заинтересовался голос.

– Отдых, ночлег и место для молитвы, – ответил я сам.

Тук своим голосищем может напугать монахов так, что на нас еще и собак спустят.

– Это приют для паломников, а не гостиница, – спокойно ответил голос. – К тому же у нас все переполнено. Уезжайте...

Вот те новость... похоже, монахи особого почтения к благородным кабальеро не выкаывают. Или я родом не вышел. Не разберешь. Доминиканцы... что-то знакомое... ага, псы Господни⁶⁵, читал... Ворота им выбить, что ли. Нет, нельзя, тогда за мной еще и церковники гоняться начнут, а это уже похуже будет, чем Всемирный Паук...

Вдруг из-за воров раздался голос второго человека. Явно постарше, но сильный и уверенный:

– Куда вы следуете?

– Следуем в Арагон, служить торжеству веры Христовой над магометанами, – постарался я замотивировать свою цель богоугодным и, следовательно, позволяющим смягчить монахов делом.

– Сколько вас?

– Я и мой слуга, при нас четыре лошади.

– Подойдите к двери. – В воротах отворилось маленькое окошко, и за ним в свете факела мелькнуло бледное лицо.

Невидимые собеседники удовлетворились осмотром, ворота, зашкрепев, отворились. За ними стояли два монаха в длинных светлых балахонах, подпоясанных широкими кожаными поясами. Монах повыше и поплотнее держал в левой руке здоровенную узловатую дубину, а правой сдерживал на поводке большого лохматого пса, хрипевшего и пускавшего слюни.

Рядом с ним – второй монах, ростом пониже и потоньше комплекцией, с виду гораздо старше первого.

– Проезжайте, – пожилой показал рукой во двор. – Лошадей и слугу проводят. А вы, шеваље, пройдемте со мной.

Приказав Туку в первую очередь накормить лошадей, я спешился и проследовал за стариком, рассматривая приют.

Во дворе с правой стороны – длинное низкое здание, крытое соломой, стены сложены из камня, рядом с ним под навесом расположились несколько лошадиных стойл. Пустых, только в крайнем меланхолично жевал сено осел... или мул, не знаю, этих животных видел только по телевизору. Да и темно уже было.

С левой стороны расположилось такое же здание. Из него доносится богатырский храп нескольких человек... ага... паломники ночуют...

Каменный дом по центру, больше остальных, причем у меня создалось впечатление, что сложен он на древнем, еще римском, если не старшем, основании. В стене блестят слюдой

⁶⁵ Псы Господни (доминиканцы) – название ордена нищих братьев-проповедников (*лат.* – домини кани). На гербе нарисован пес, держащий в зубах факел. Католический монашеский орден, основанный испанским монахом св. Домиником в 1214 г. в Тулузе для искоренения катарской ереси.

несколько окон, больше похожих на бойницы. Стены увиты плющом, крыша из черепицы. Сразу понятно, что в нем обитают сами монахи, а не паломники.

Во дворе чистенько, насколько, конечно, можно рассмотреть в сумерках, несколько дорожек замощены булыжниками. Где-то журчит ручеек. Почему-то пахнет яблоками и грушами. Я повертел головой, стараясь все рассмотреть поподробнее, но солнце уже практически зашло, и виден был только сам двор.

Ну что... Ожидал, согласно своим скудным знаниям о Средневековье, что будет хуже. Грязи и нечистот во дворе не наблюдается, наоборот, все довольно пристойно. Может, это только в монастырях так? Насколько я понимаю, монахи всегда были продвинутей остальных в плане быта. Не знаю... Но пока впечатления неплохие, будем посмотреть дальше...

Старик отворил мощную, окованную железными полосами дверь и пропустил меня внутрь.

Сразу за дверью, в царящем полумраке – горели только два масляных светильника, – я рассмотрел просторное помещение с большим, обложенным камнем камином и длинным столом с лавками посередине комнаты.

В большой нише в стене стояла деревянная, искусно вырезанная в полный рост статуя мужика в сутане и накинутом поверх нее плаще с пелериной. В руках мужик держит посох с навершием в виде креста. Святой какой-то, Иисуса Христа так не изображали.

За столом три монаха что-то едят из деревянных плошек. На нас не обращают ни малейшего внимания.

В комнате немного пахнет ладаном и травами. А вот и они, на притолоке сушатся.

Как интересно все, я первый раз в монастыре. Или это не монастырь, а просто монастырский приют? Для меня разница не понятна, но все равно интересно.

В книгах о Средневековье писатели не всегда детально описывали быт и обстановку, в которых находились их герои. Я в детстве даже представлял все наяву, додумывая, но сейчас представлять нужды не было, все передо мной, даже потрогать можно. Подавил в себе желание шлепнуть по тонзуре ближайшего монаха...

Черт, как же все интересно...

Старик на секунду задержался перед статуей, перекрестился и свернул в боковой коридор. Прошел до его конца и толкнул дверь.

В небольшой келье со скромным распятием на беленой стене и тусклой лампадой под ним он обернулся ко мне и сказал:

– Слава Господу Богу нашему, ты жив! Где ты пропадал, Жан? Я уже думал – тебя схватили.

Вот так! Уж чего я ни ожидал, только не такого развития событий.

И что отвечать?

У монаха строгое худое аскетическое лицо, небольшая аккуратно постриженная бородка, глаза умные, смотрят пронизывающе... так и хочется душу излить.

Получается, знает бастарда, и мало того, даже ждал. А в дневнике об этом ни слова. Мда... отпираться и бить в грудь, крича, что я не Жан и далеко не бастард д'Арманьяк, смысла нет. Он же меня узнал...

– Не все прошло гладко... падре... – постарался я ответить обтекаемо и без подробностей.

– Ты уже знаешь, что случилось с твоим отцом?

– Да, падре... Он умер...

– Его подло убили. – Лицо старика исказилось от гнева. – Приказ убить отдал сам узурпатор. Без сомнений!

– Я знаю.

– Его накажет Господь! – Старик яростно вздел руку вверх, на лице промелькнула дикая злоба.

– Я не сомневаюсь, что так и будет, падре, но сейчас мне бы хотелось знать, что делать дальше. Все планы рухнули, – постарался я направить разговор в нужное русло.

Проклятия и кары небесные на голову Луи – это, конечно, хорошо, но желательно определиться с земными делами. Моими делами. Сам я в этом мире еще как младенец, а вот старик – знать бы еще, кто он, – может реально растолковать, что к чему, и направить на путь истинный. И желательно, чтобы этот путь не привел меня к плахе... или дыбе... черт, кто же он? И бастард ничего не собирается подсказывать...

Старик взял себя в руки и сказал:

– Я рад, что у тебя, как всегда, холодная голова. Ладно, обо всем потом. Сейчас я прикажу приготовить воду, омоешь чресла, потом поешь, и поговорим. – Старик открыл дверь, собираясь уходить, но обернулся и спросил: – Кстати, почему ты не назвал пароль у ворот?

– Я его не помню. Когда уходил из Лектура, упал с лошади и ударился головой. – Я показал на ссадину на лбу. – Многое вылетело из памяти. Даже с трудом вспомнил, кто я есть.

– Такое бывает, Господь поможет тебе все вспомнить. – Старик перекрестил меня и вышел.

Я присел на узкую кровать, стоявшую у стены, и осмотрелся. Аскетическая обстановка. Очень напоминает монашескую келью. Скорее всего, она и есть. Скромное распятие на стене. Грубо сколоченный стол и стул. На столе рукописная книга, прибор для письма и толстая восковая свеча в бронзовом подсвечнике.

Кто же этот старик?

Если размышлять логически...

Знает бастарда близко, обращается по имени и на «ты»...

Паука ненавидит реально, ненависть так и сквозит...

В приюте определенно – главный, а может, и не только в приюте. Это заметно по его властности... Смирением от него и не пахнет...

Ждал меня, даже на этот счет был подготовлен пароль; значит, есть реальный план.

А что гадать, пока все складывается неплохо... Вон даже союзник неожиданный нарисовался.

На всякий случай вытянул дагу из ножен, положил рядом и прилег на кровать.

Только сейчас почувствовал, как устал; спина, не привычная к долгим поездкам, забела намертво. А то ли еще будет? До Арагона путь не близкий... кони да лошадки, основное средство передвижения, ёптыть, до паровозов – века и века...

Скрипнула дверь, и вошел старик. В руках он нес глиняную миску, накрытую ломтем хлеба, и большой кувшин.

Заметив обнаженную дагу, сказал:

– Ты здесь в безопасности, Жан, нет нужды осквернять обитель обнаженным оружием. – Монах поставил еду на стол и присел рядом на кровать. – Вставай, поешь, воду для тебя греют, монахи уже совершили омовения, так что придется подождать.

– Где мой слуга? – В миске оказалось вареное мясо с зеленью и чесноком, а в кувшине – удивительно вкусный шипучий, слегка хмельной напиток.

– Он ухаживает за лошадьми. Позже его покормят и устроят на ночлег. – Монах тоже налил себе в глиняную кружку из кувшина. – С каких это пор ты стал беспокоиться о слугах?

– Когда вокруг тебя одни враги, даже в слуге можно найти друга.

– Ты вырослешь, мой мальчик, – одобительно кивнул монах.

– Хороший у вас... – Я показал пальцем на кувшин и запнулся, не зная, как назвать напиток.

– Это да, – согласно кивнул монах. – Сидр в этом году удался на славу, отец Бартоломео – известный мастер на весь Арманьяк, жаль только страдает грехом невоздержания. Но хватит о пустом. Рассказывай, Жан.

Я прожевал кусок мяса, оказавшийся очень вкусной говядиной, отпил сидра и спросил напрямую:

– Я думаю, стоит начать с того, падре, что вы мне скажете, кто вы. Я многое вспомнил, а вот вас – нет.

– Неисповедимы пути Господни! – Старик перекрестился. – Я бы предпочел, чтобы ты забыл другие вещи. Я твой духовник. Имя мне Иаков, я приор ордена братьев-проповедников в этой провинции. Имя мое в миру нет нужды называть, да я его уже и сам забыл.

Ну вот... Потихоньку все начинает проясняться, хотя кто такой духовник, для меня все равно непонятно.

– А что вы делаете, падре Иаков, в этом приюте? – задал вертевшийся на языке вопрос.

По моему разумению, приор провинции – слишком большая шишка в церковной иерархии, чтобы находиться в каком-то захолустном приюте для паломников.

– Видимо, ты действительно многое забыл... – грустно покачал головой старик. – Я здесь, чтобы встретить тебя, оказать посильную помощь и при необходимости дать убежище. Я получил письмо с голубем от твоего отца, упокой Господь его душу и прости грехи, и сразу под видом инспекции выехал сюда. Теперь вспомнил?

– Смутно...

– По большому счету это уже не важно. Теперь расскажи о планах твоих. – Старик пристально посмотрел мне в глаза.

– Планы... – Я добавил сидра в кружки себе и доминиканцу. – А что вы, падре, сами знаете о моих планах?

– Жан, Жан... – покачал головой старик. – Ты каким был, таким и остался, хотя излишняя предосторожность – это не самая худшая твоя черта.

– Предосторожность сейчас жизненно необходимая черта, падре. Прошу вас ответить на мой вопрос.

– Насколько мне известно, ты должен был отправиться в Арагон, искать помощи у рея Хуана. Не так ли? И как ты понимаешь, сейчас это предприятие потеряло всякий смысл, мой мальчик. – Говоря это, старик перебирал косточки четок и не переставал смотреть мне в лицо.

– Почему, падре? Хуан не стал питать приязни к Луи. В Арманьяке еще есть наши сторонники, и если одновременно с вторжением они откроют боевые действия здесь, положение Всемирного Паука станет очень шатким. Бритты обязательно воспользуются этой войной и вторгнутся на побережье. Добавим Бургундию и Гиень, которые также поспешат отхватить свой кусок. Так что не все так печально, как кажется. Сложно, не спорю, но все равно повода опускать руки я не вижу. Это, конечно, я обрисовал идеальный вариант, но даже если он наполовину свершится, Луи надолго, если не навсегда, потеряет свои позиции на Юге, – сам от себя не ожидая такой горячности, пылко выложил я свои соображения.

О подобном развитии событий я думал чуть ли не с первого дня попадания в этот мир. Информацию к размышлению дали записи в дневнике бастарда и дополнились обрывками сведений, почерпнутых из общения с евреем Исааком, де Граммоном и де Люмьером. Окончательно же все оформилось в более-менее прорисованный план только сейчас, в разговоре с духовником.

Доминиканец, не перебивая, дослушал до конца и задал тот самый вопрос, на который я так и не смог в своих размышлениях найти ответа:

– Не спорю, идея при правильном ее воплощении в жизнь может быть хороша. Но что тебе с нее? Кем ты себя видишь после освобождения фамильных земель?

– Паука должна постигнуть кара за совершенные предательство и злодеяния...

– Жан! – перебил меня отец Иаков. – Оставь Паука в покое, его судьба предрешена Господом, и поверь, ему воздастся сторицей. Я задал вопрос: что лично ты получишь от этой войны, кроме удовлетворенного чувства мести?

– Я верну себе свое место, падре!

– Твое место – в монастыре, мой мальчик, – грустно сказал старик. – Ты плод кровосмешительного греха, и тебе не место в мире. Ты занимал определенное положение, пока был жив твой отец. После его смерти, запомни, никто и никогда не поддержит твои права. Я считаю это величайшей несправедливостью, но...

– Как это, падре? Я же бастард, а вы не поддерживаете позицию церкви, матери нашей! – со злостью выпалил я доминиканцу.

Причем я даже не знаю, кто я был в этот момент: бастард д'Арманьяк или Александр Лемешев. Старик озвучил мое реальное положение, которое я наотрез отказывался понимать и принимать своими мозгами человека двадцать первого века. И теперь от осознания реальности меня душила дикая злоба в моих обеих ипостасях.

– Да, не удивляйся, в данном случае я не поддерживаю официальную позицию церкви по некоторым причинам... – Старик допил сидр, поставил кружку на стол, секунду помолчал и продолжил: – Ты плод любви, Жан... запретной, но любви. Ты достоин заменить своего отца. Ты обладаешь для этого всеми качествами. Ты вырос на моих руках. Я тебя люблю как собственного сына. И мне достаточно этих причин, чтобы не соглашаться с твоим нынешним положением. Но, увы... этого мало. Тебе лучше смириться. Война же лишь вергнет наши земли в пучину раздора и не принесет тебе ровным счетом ничего.

– Падре... я не хочу с этим мириться. Жизнь есть борьба: не важно, против чего, но ты жив, пока борешься. Мне не место в монастыре...

Старик, услышав стук деревянных подошв в коридоре, прервал меня, приложив палец к губам.

В дверь стукнули, и после приглашения в комнату вошел невысокий молодой монах с выдающимся крючковатым носом, бросил на меня быстрый взгляд и с поклоном доложил приору:

– Отче, вода готова.

– Хорошо, ты свободен. Теперь удели внимание слуге нашего гостя. – Отец Иаков жестом руки отправил монаха. Подождал, пока шаги его затихли, и сказал мне: – Доедай, мой мальчик, и пойдем, я тебя провожу и покажу, где что.

Доедать и допивать, собственно, уже было нечего. Я когда волнуюсь, то жру как крокодил. Да и мясо оказалось очень вкусным, хотя, по-моему, немного недосоленным.

– Я уже. Благодарю вас, падре. Мне надо взять запасную одежду.

Старик несколько удивленно посмотрел на меня, но провел в конюшню. Там около похрюпывающих овсом расседланных коней сидел Тук и с поражающей скоростью наворачивал ложкой в большой миске.

Увидев меня, он подскочил.

– Ваша милость, я расседлал и обтер коней. Братья любезно выделили нам отборного овса...

Я одобрительно кивнул ему, взял чистое белье и последний чистый набор одежды из сумок, подумал и забрал с собой грязное белье. Невелика шишка, постираю и сам... главное, чтобы никто не подсмотрел, как я это делаю, – явно самозванцем посчитают, да еще и придурковатым.

Помещение, где мылись монахи, немного удивило. Баней оно, конечно, не было, но какие-то сходные черты наблюдались.

Несколько деревянных лоханей, каменные лавки вдоль стен и даже шкафчики без дверей с гвоздиками для одежды. Пол выложен каменной плиткой, есть сток воды. И главное, в помещении чисто...

Вот как после увиденного не плюнуть в рожу современным историкам, расписывающим поголовную нечистоплотность в Средневековье? Одно им счастье, что они в будущем, а я в прошлом.

Для меня приготовили большущий железный котел горячей воды и медный, поменьше, с холодной. Несколько грубых льняных простыней, плоску с густой, комковатой, едко пахнущей субстанцией неопределенного цвета и большой глиняный кувшин с жидкостью, пахнущей ромашкой. М-да, похоже, аналоги мыла и шампуня. Полный банный парадиз... в средневековом варианте, конечно. Да и ладно. На безрыбье... сами знаете, какую позицию примешь. Ничего. Выживу – будет средневековым неряхам революция в банном деле. Еще какая...

Вымылся до скрипа; субстанция, заменяющая мыло, мылилась плоховато, но отмывала, а вот аналог шампуня привел мои волосы в невообразимо пушистое состояние, куда там разным «Нифеям» и «Проктурам-Гемубелям» вместе взятым.

С бельишком повозился, конечно, подольше. Объемы несоизмеримо больше, чем у современного. Камиза вообще на сарафан в сборках похожа. Но справился. Одеваться в свою одежду не стал, не быстрое это дело, а накинул приготовленную мне сутану и влез в сандалии с деревянной подошвой. Тоже, к счастью, чистые.

Вот так... Теперь патлы остричь, тонзуру на макушке выбрать, и чем не бенедиктинец? Хотя нет. Категорично нет. Хрен вам, а не монастырь.

Никогда и ни за что... Не мое это. Даже в иезуиты, хотя они по своей деятельности моей натуре и поближе будут. Старик совсем, наверное, из ума выжил, такое мне предлагать. Хотя он предлагает искренне... Искренне заблуждаясь.

Не я стану контом д'Арманьяком, так им станет мой еще не родившийся братик. Вот что-то хочется верить, что мачеха носит мальчика. Уж он-то имеет все права. На худой конец дядюшку Шарля вызволю из Бастилии. А сам? Сам при них... Посмотрим. Вариантов море... Мое инцестное происхождение доказать документально надо. Я с матушкой еще не беседовал. Могла она теоретически согрешить? Могла... Да масса вариантов. Главное – загнать Паука куда подальше...

Нет! Никаких монастырей. Хрен вам всем.

Я еще средневековых девок не пробовал...

Всего четырех людишек извел...

Только в одном поединке поучаствовал...

Ни одной графини я еще не совратил, тем более – герцогини...

Вот так! Настроение если особо не поднялось, то сам я точно наполнился бодрой уверенностью.

Ну все, Паучок, кто не спрятался – я не виноват...

От избытка чувств смахнул эспадой пучок сушеной мяты, висевший на притолоке, и отнес белье Туку с приказанием высушить до утра или готовиться к взбучке.

Теперь можно опять с приором дискутировать.

Старик так и находился в моей комнате, на столе разместились новый кувшин с сидром и деревянная плоска с фруктами.

– Жан, у меня такое странное впечатление, что тебя подменили, – встретил меня пронительный бенедиктинец фразой, заставившей насторожиться.

– Почему, падре? – По спине прошел холодок...

Неужели все-таки прокололся?

– Не знаю... – Лицо старика выражало легкую растерянность. – Ты мне кажешься другим... Лучше, что ли. Или просто повзрослел?

– Потеряв отца, падре, сразу взрослеешь... – выдохнул я облегченно.

Пронесло...

– Ну да. – Старик согласно кивнул. – Испытания тебе выпали не из легких. Ничего, мальчик мой, все скоро закончится. Я смогу выхлопотать тебе сан в Италии... или даже при Ватикане. А пока переждешь время в монастыре.

– Падре... – я налил полную кружку сидра и ухватил прошлогоднюю грушу в плошке, – неужели вы меня так плохо знаете? Как вы могли подумать, что я соглашусь?

– Жан, это не шутки. Луи – очень мстительный человек, он не успокоится, пока не изведет последних людей из рода Арманьяк. Ты уже знаешь, что твой дядя Шарль в темнице, а де Немюра преследуют по пятам, и я уверен – скоро схватят и казнят. Жан, я не отговариваю тебя от мести. Но месть – это такое блюдо, которое подают холодным. Надо выиграть время.

– Я все это знаю. Есть один очень существенный момент. Они уже в руках Луи, а я еще нет.

– Это дело времени, мальчик мой. Тебя ищут, ищут целенаправленно, как ты этого не понимаешь? – Приор досадливо отодвинул от себя кружку с сидром.

– Падре... – мне почему-то стало жалко старика, – я обещаю подумать над вашим предложением. Правда... Я серьезно подумаю. Положение мое действительно не из легких, но я хочу уверить вас, что не буду совершать глупых поступков и совать свою шею в петлю.

– Господь, внуши этому отроку разумение... – перекрестил меня старик.

– Я открыт для его наставлений... – И тоже перекрестился. – Падре, вы же знаете, что моя мачеха на сносях?

– Да, сын мой, я знаю, что ее пощадили, но где она сейчас – не ведаю.

– Какие права на наследство будет иметь ее ребенок? Мальчик. Будем считать, что родится мальчик.

– Всё... формально – всё. Брак твоего отца с Жанной де Фуа освящен церковью, и права наследования никто не сможет оспорить. Но... – Приор сделал паузу. – Но, Жан. Для того чтобы эти мысли имели хотя бы малейший смысл, дитю надо сначала родиться, а потом Всемирный Паук должен пожелать отдать земли. Как первое, так и второе крайне маловероятно. Как ни печально это звучит, но это так.

– Я понимаю. – Потянулся к кувшину и вдруг обратил внимание на свою руку в сутане... и неожиданно родилось решение: – Падре, а есть в замке Бюзе Сен-Такр представители вашего ордена?

– Есть, фра Варсонофий состоит там замковым капелланом... – Приор недоуменно на меня уставился.

Через несколько секунд недоумение сменилось пониманием, и еще через мгновение старик гневно заговорил:

– Ты сошел с ума. Я все понял: Жанну перевезли в замок Бюзе? Так? И ты собираешься сунуть свою голову в пасть льву. Воистину Господь лишил тебя разума. И не проси. Я не хочу брать грех твоей смерти на свою душу...

Скоро приор выдохся, замолчал, отдуваясь, и стал глушить сидр кружками.

Я как мог спокойно и рассудительно изложил свои соображения, потом затих еще на пару минут, пережидая, пока спадет очередной приступ его гнева.

Не знаю, как мне удалось убедить приора, но он, обвиняя меня в полной тупости, все-таки написал письмо с сопроводительной запиской к капеллану замка Бюзе.

В письме ничего крамольного не было. Приор интересовался здоровьем капеллана и приглашал его на теологическую конференцию при приорате. В записке же указывалось, что с письмом направлен брат Фома, которому и предписывается вручить фра Варсонофию оное.

Задумал я довольно простой план. Проникнуть неузнанным в замок. Все. На этом план заканчивался, и начиналась дикая импровизация. Программа-минимум: попытаться что-

нибудь предпринять для очистки своей совести. Хотя бы увидеть мачеху. Программа-максимум: похитить ее и сопроводить в Наварру.

Пока не имею ни малейшего понятия, как осуществить заключительную часть своего плана. Пока...

– Жан, пообещай мне... – Старик уже смирился с тем, что ему не удастся уговорить меня совершить постриг.

– Что, падре?

– Пообещай мне и поклянись на распятии, что будешь беречь себя. – Приор тяжело встал, снял со стены распятие и дал мне в руки. – Клянись, что, после того как убедишься в тщетности своих попыток, ты вернешься ко мне и совершишь предначертанное. Обратишься к Господу.

– Клянусь, падре, – поклялся искренне.

Не люблю шутить с высшими силами. Я действительно очень тщательно буду оберегать свою шкуру и постараюсь не совершать глупых поступков. И действительно, после того как пойму тщетность своих планов, приму постриг. Это правда. Но... Сразу говорю, я одновременно клянусь, что использую любую возможность, любую лазейку для исполнения своих намерений и буду бороться, пока не достигну своего. Я честен пред собой и пред Богом.

Вторую часть клятвы я произнес про себя, поцеловал распятие и отдал приору. Мы еще немного поговорили, и, когда настала глубокая ночь, он ушел, оставив меня наедине со своими мыслями.

К этому времени я уже находился в полубессознательном состоянии. Слишком много событий произошло за один день, и организм просто не выдержал напряжения.

Положил рядом с кроватью на табурет заряженный арбалет и эспаду. Дагу положил рядом с собой на кровать и только закрыл глаза, как сразу провалился в глубокий сон.

Глава 7

– ...мой отец завещал мне казну эту, так как я сейчас завещаю ее тебе, сын мой. Запомни, употребить ее должно только во славу рода нашего. Клянись. – Коренастый человек протянул мне блеснувшее в тусклом свете факелов распятие.

Да что такое... приору клянись, теперь этому клянись...

– Клянусь, отец мой... – произнес я, осознавая, что досматриваю свой прошлый сон, как вдруг человек передо мной опять исчез в ярком свете...

– *Daite son dosmotryet, svolochi!* – в отчаянии заорал я, открыл глаза и увидел в свете свечи встревоженное лицо приора.

– Вставай, Жан, вам надо срочно уезжать.

– Что случилось? – Я рывком встал с постели.

– Исчез из приюта Симон. Послушник. Тот, кто приходил к нам в келью... – Лицо приора было встревоженным и злым одновременно.

– Как это произошло? – Матерясь про себя, стал натягивать шоссы.

– На него наложено покаяние: творить молитву по четыре раза в ночь. Брат Гаспар – тот, которого вы видели у ворот, – пришел будить этого негодника и обнаружил только пустую постель. Вышел якобы по нужде, стервец, перелез через забор и скрылся.

– Думаете, он узнал меня и побежал доносить?

– Скорее всего, так и есть... – Приор подал мне колет. – Возможно, он подслушал наш разговор, возможно, где-то видел тебя раньше, но это уже не важно. Тебе надо срочно уезжать.

– Куда он побежал?

– В Лектур. Туда три часа быстрым шагом... Обрато на лошадях примерно час. Исчез он, скорее всего, около двух часов назад. Гаспар видел, как он выходил в нужник. Вот и считай, сколько у тебя времени.

– Где этот бездельник... – Я никак не мог пристегнуть наплечники⁶⁶ к кирасе. – Выдеру собаку!

– Он седлает лошадей. – Приор неожиданно ловко помог мне. – Я с ним разговаривал. Он пройдоха, но, кажется, надежный человек. Можешь на него положиться.

– Что с вами будет, падре?

– Ровным счетом ничего... – Старик язвительно улыбнулся. – Я принадлежу к ордену, с которым у Паука пока не хватит сил справиться. И он это прекрасно понимает. Я могу даже не пустить его воинов сюда. Если он подаст жалобу в епархию, то ему придется доказывать, что я принимал именно тебя.

– Падре... удави этого поганца. Как его... Симона.

– Зачем? – Лицо приора исказилось зловещей гримасой. – Он будет гнить в монастырской темнице да конца века своего. А век у него будет долгим. Уж я позабочусь об этом.

– По мне, так ему надо просто перерезать глотку. – Я застегнул пояс и натянул берет. – Ну что, падре... Давайте присядем на дорожку.

– Зачем? – непонимающе уставился на меня доминиканец.

– Примета такая есть.

– Все в руках Господа нашего, а приметы, сын мой, – отголоски язычества невежественного, – наставительно сказал приор. – С Богом. С дороги уходите как можно глубже в лес. Погоня будет двигаться вам навстречу. Когда они не обнаружат вас здесь, то, скорее всего,

⁶⁶ Наплечник – элемент доспеха, представлявший собой куполообразно выгнутую стальную пластину, прикрывавшую плечо, либо несколько таких пластин, скрепленных между собой.

будут проверять дорогу в Ош. Сомневаюсь, что они додумаются искать вас так близко от Лектура.

– Спасибо, падре, за все. Благословите меня...

– Благословляю, сын мой, но идем, надо торопиться.

На улице уже светало, Тук успел оседлать лошадей и сложил вещи. Приор перекрестил нас еще раз и затворил ворота.

– Ну что, Тук... похоже, пока Бог на нашей стороне. – Я, подъехав, хлопнул своего слугу по плечу, выбив целое облако пыли. Вот поганец... так и не привел свою одежду в порядок.

– Бог – в нас, ваша милость, – убежденно заявил шотландец и перекрестился.

– В нас так в нас. В лес сворачивай. – Я тронулся с места.

Э-эх! Жизнь наша благородная, как говорится, и опасна и трудна... ничего... вот сегодня нам опять повезло, и нет никаких оснований думать, что дальше будет по-другому. Вперед, в замок Базе. Надеюсь, из меня получится образцово-показательный монах-бенедиктинец...

– Тук.

– Да, ваша милость... – Шотландец зевнул.

– Пасть закрой, муха залетит. Ты латынь знаешь?

– Знаю... Требник наизусть.

– Давай учи меня. Всему, что должен знать монах.

– Зачем это вам, монсьор?

– Не твое дело, доедем – узнаешь...

– Вот чувствует мое сердце неприятности... – пожаловался Тук.

– Не скули. Давай... Как будет по латыни «Господь»?

– Domine.

– Отлично... Domine... А «Господь с вами»?

– Dominus vobiscum...

– Еще лучше...

К обеду я твердо зазубрил несколько фраз на латинском языке. Не так все трудно, как мне сначала показалось. Сомневаюсь, что обычные монахи виртуозно знают латынь. Тук, к примеру, может шпарить на этом языке, не останавливаясь, достаточно долго, только вот большую часть декламируемого им текста он сам не понимает. Заучил наизусть, и все. А он еще как раз из продвинутой части монастырей. Так что мне десятка фраз с головой хватит... надеюсь.

Проголодались и решили перекусить на живописной полянке, заросшей травой; углубились мы в лес достаточно далеко, и осторожничать нужды не было.

Тук выложил на скатерть мясо, хлеб, сыр и снял притороченный к седлу бочонок с сидром. Гостинцы из приюта. Пока я беззаботно дрых, мой верный слуга обеспечивал нас провиантом. Говорит – не крал, и я ему верю: слышал, как приор распоряжался обеспечить нас провизией. Еда, кстати, отличного качества. Хлеб так еще даже теплый. А сыр... В сыр я влюбился раз и навсегда. Подарок с небес, а не сыр.

– Тук.

– Да, ваша милость.

– Вот зачем ты мне служишь?

– Как «зачем»? – Шотландец чуть не подавился куском хлеба.

– Все, вопрос снимается... – М-да, ляпнул, не подумав.

Судьба у него такая... Карма...

– Ладно, другой вопрос: а... забудь. Нет вопросов. Возьми лучше карту и глянц, в какую нам сторону ехать. Так, чтобы на армию Паука не наткнуться.

Сам взял кубок с сидром и откинулся спиной на ствол дубка.

Еда есть, деньги тоже, с оружием все в порядке. План... по крайней мере, руководство к действию – тоже имеется. Погоня, по идее, уже нас проскочила и перекрывает пути на Ош

и Кондом... Вот же средневековые гасконцы затейники: так назвать город, без всяких на то оснований... Насколько мне известно, данный городок к знаменитому резиновому изделию не имеет ни малейшего отношения.

Так вот, погоня нас должна потерять – если она, конечно, была. Послушник-то на самом деле мог и по девкам сорваться.

– Тук, ты карту посмотрел?

– А что мне ее смотреть, ваша милость, я и без нее вас выведу. Придется только большой крюк сделать.

– Это ничего. Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет.

– А если горка небольшая? – попытался возразить мне Тук.

– Вот не перечь мне, собака. Сказал так – значит, так, а ни в коем случае не этак. Запомни две прописные истины. Хозяин всегда прав, а если он не прав – то это тебе показалось. Понятно?

– Конечно...

Неожиданно, примерно в полукилометре от нас на запад, раздался трубный голос рога, проревевшего какой-то осмысленный мотив.

– Что за... – Я прислушался – и практически на грани слышимости различил залиvistый лай собак.

– Не знаю, ваша милость. – Тук вскочил и стал запихивать в сумки остатки еды. – Возможно, просто охота.

Охота? Что-то сильно масштабная... черт... если они движутся в нашу сторону, то выжмут нас прямо на армию Паука.

– Надо туда... – Тук привязал сумки и вскочил на коня. – Так мы проскочим между ними и Лектуром...

– Если повезет, проскочим, – добавил я и обругал себя последними словами за излишний оптимизм.

Твою же мать... собаками меня еще никогда не травили.

Взяли невысокий темп, не хотелось коней загонять, лес стал гуще, и можно запросто вылететь из седла, наткнувшись на сук.

Черт... неужели это за нами охотятся? Не может быть... разве... разве что приора уже допрашивают с пристрастием искусные палачи, и он соловьем заливаается с «испанскими сапогами» на обеих ногах. Не верю я в безграничную человеческую стойкость, под пытками разговорится любой, даже самый крепкий. Твою же кобылу в трещину... и у Тука не поинтересуешься о вероятности такого сценария. Нет, скорее всего, нет. Доминиканец же говорил, что плевал с высокой башни на Луи. А вообще – хрен его знает...

Проскакали пару километров, лай собак стал ближе, чертovy твари как привязанные тянулись за нами.

Роден ровно скакал, не высказывая никакой усталости; мне показалось, даже с удовольствием.

Тук на своем Роланде тоже не отставал, да и выючные лошадки бойко перебирали ногами.

Собаки периодически азартно взлаивали, перекликаясь между собой. В рог же трубили все еще далеко.

Выскочили на неширокую мелкую речушку и сотню метров проскакали прямо по воде, сбивая след...

Бесполезно.

Совсем рядом, яростно захлебываясь, залаяли собаки, я собрался пришпорить Родена, но пошел такой бурелом, что продвигаться дальше можно было только шагом. Твою же мать! Приехали...

– Тук, загоняй лошадей вон к тем выворотням, – я ткнул рукой в сторону завала из деревьев, – да привяжи их покрепче.

Завал образовался у подножия довольно высокого холма, один склон которого осыпался, образуя обрыв, и кони там были надежно прикрыты. Почти со всех сторон.

Сам соскочил с седла, вытащил арбалет из кобуры и перекинул через плечо перевязь с тулом. Потом привязал Родена. Снял щит, доставшийся мне в наследство от покойного племянника Исаака вместе с трофейным шлемом. И побежал к поваленному громадному дубу, перекрывающему путь к нам.

Тук через мгновение оказался рядом со мной и принялся, яростно крутя воротом, взводить арбалет.

– Ну что, скотт, похоже, мы добегались?

– Это они добегались! – Тук весело сверкнул глазами и, увидев, что я тоже взвожу арбалет, посоветовал: – Чуть ниже берите, ваша милость, стрела при выстреле подскакивает.

Они добегались? Спорное суждение... похоже, как раз мы. Вложил стрелу в желоб и попробовал прицелиться... Нет, придется, если выживу, произвести небольшую революцию в оружейном деле. Куда это годится – ни прицела, ни приклада?... Сука! Целиться приходится по верхней грани наконечника. Спасибо хоть арбалет тяжеленный, подрагивание рук от волнения на прицеливании не сказывается.

С треском смялись кусты, и на полянку выскочили две хрипящие собаки. Взрыли лапами опавшую листву, притормаживая и высматривая добычу... Твою же душу богу в качель... Это «баскервили» какие-то. Телята с клыками...

Гладкошерстные, странного шоколадного окраса широкомордые собаки. Я даже не знаю, какую аналогию с современными породами провести: скорее всего, помесь дога с мастино. В надетых на них кольчужных нагрудниках одним только своим видом они наводили ужас...

Тренькнул арбалет Тука. Пес справа, получив болт прямо в морду, покатился по земле.

Я тоже почти наугад прицелился и даванул на спуск. Щелкнуло, арбалет довольно сильно дернулся, и болт... Болт, благополучно миновав цель, улетел в чашу...

Клятый пес сориентировался и рванул вперед. Я схватился за эспаду, но меня опередил Тук. Перескочив через бревно, шотландец поймал острием глефы собаку, упер древко в землю и перебросил ее через себя, потом со всего размаху несколько раз рубанул по хрипящей и визжащей туше. Ткнул острием, добивая пса, и издал победный клич...

– Назад, придурок!.. – заорал я и увидел, как еще два пса вылетели на поляну... ну вот и моя очередь геройствовать пришла. Перескочил через бревно, прямым выпадом вбил клинок в разъявленную пасть и покатился по земле, выпустив эспаду из рук, сбитый с ног вторым псом...

Обдало зловонием из смрадной пасти, зубы проскрежетали по горжету, долбаный пес целился в горло...

– Fu... nelsya! Nasad, skotina, fu!.. – заорал я с испуга и, ударив одоспешенным локтем пса по морде, умудрился скинуть его с себя. Потом на выдохе всадил дагу ему в пузо.

Одновременно с моим ударом Тук глефой развалил собаку почти пополам...

– Давай назад... – Уперев ногу в собачью морду, я вытащил эспаду, ринулся обратно за бревно и заорал Туку: – Заряжай арбалет, ne tormosi...

– Слушаюсь, ваша милость...

– Долбаная тварь... – Утер собачью слюну с лица. – Фу... мерзость...

Протрубил рог, и на поляну выскочили несколько всадников.

Первого сразу снесло с седла выстрелом шотландца: он, в отличие от меня, бил пока без промаха.

Я же опять безобразно промазал.

Оставшиеся в седлах всадники смешались, попытались развернуть лошадей, и... Тук еще раз удивил меня. Шотландец вскочил и метнул глефу как копьё, выбив второго всадника. Глефа вонзилась тому в поясницу.

Пока я пытался опять взвести арбалет, охотники развернули коней и скрылись в чаще.

Толком нападавших я не успел рассмотреть. Лишь заметил, что они не кабальеро. Кони не те, да и тяжелых доспехов не видно. Скорее всего, опять вольные лучники. Или бог его знает кто, но то, что они охотились за нами, уже не вызывало сомнения. На синих коттах⁶⁷ были лилии Паука.

В чаще опять несколько раз взревел рог и раздался громкий приказ – спешиться.

Потом затрещали кусты, и к первой группе добавились еще люди. Судя по тяжелому топоту копыт – на этот раз именно тяжеловооруженные рыцари...

Песец...

Тук быстро прицелился – и раздавшийся вслед за выстрелом вопль в кустах просигнализировал о том, что он и на этот раз не промахнулся.

В ту же секунду по бревну стеганули с десятков стрел, превратив его в импровизированный частокол. Я едва успел спрятаться, от испуга матерясь на русском языке как сапожник...

Следующий десяток секунд стрелы летели без остановки, не давая высунуть голову. Тук ужом прополз за бревном и, высунув арбалет, опять выстрелил. Не знаю, что он там рассмотрел, но не промазал, это точно. В чаще всплеснулся вопль, перешедший в заунывный вой.

– Обойти пытался... – пояснил шотландец и опять заработал воротом.

Вот это парень стреляет! Точно добрый ангел меня на него навел. Даже стало немного стыдно за некоторые выражения в его адрес. Без шотландца мне точно конец наступит преждевременно. Выживем, приближу...

– Не стреляйте, не стреляйте!.. – На поляну вышел молодой парень в гербовой котте, размахивая копьем с привязанной белой салфеткой. – Барон Гийом де Монфокон предлагает переговоры!

– С каких это пор он стал бароном?! – неожиданно для себя заорал я.

– Не соглашайтесь, ваша милость... – горячо зашептал Тук. – Чую я какую-то пакость. Это же он дал подлую команду убить вашего батюшку...

– Знаю... – рыкнул я со злостью.

Да... Именно эта скотина. Исаак про него рассказал, де Граммон подтвердил.

Заорал пажу:

– Передай своему хозяину, что его вызывает на поединок Жан Шестой, милостью Божьей конт д'Арманьяк!

– Ваша милость... – Тук укоризненно посмотрел на меня.

– Молчи, я знаю, что делать... – Надел салат на дагу и приподнял шлем над бревном.

И почти в тоже мгновение его со звоном откинуло в сторону сразу тремя стрелами, и еще несколько просвистели мимо... тьфу, черт... снайперы средневековые. Вот те и переговоры. Только высунешься – сделают ежика, уроды. Мама, роди меня обратно! Вот это вляпался... Какого хрена я кобенился с шейхами? Не иначе меня за вредность и непомерную жадность сюда закинуло...

Подобрал шлем с травы. Сталь отличная, стрелы оставили только легкие царапины, которые при желании быстро заполирует кузнец. М-да, очень не хочется, а надеть придется. Напялил салат на голову и затянул ремни. На мое счастье, он не крепился к горжету, и голова оставалась подвижной. Затянул ремни и поднял забрало: не знаю, как они умудряются смотреть через эти щелки – по мне, так ничего не видно.

⁶⁷ Котта (она же сюркот, она же котт-д-арм) – одежда, носившаяся поверх доспеха, имевшая цвета и символику рыцаря или подразделения вассалов или духовно-рыцарского ордена. Герб или символ ордена на котте вышивался цветными нитками.

Осмотрелся по сторонам...

В конном строю нас атаковать бесполезно, в завалах лошади ноги поломают. Только пешим порядком и только в лоб, разве что проберутся на холм и оттуда будут обстреливать. Прыгать сверху – чистой воды самоубийство. Высоко, да и на сучья напорешься почти наверняка. А на случай стрельбы у меня есть Тук. Стрелкам придется высовываться над обрывом, где они будут представлять отличную мишень, а нас как раз за ветками почти и не видно...

– Держи второй арбалет... – подвинул оружие шотландцу. – Посматривай назад...

На поляну опять вышел паж и издевательски манерно сообщил:

– Господин барон велел передать, что он знал конта Жана Пятого д'Арманьяка, но ему он лично срубил башку. Жана Шестого он не знает, а с незаконнорожденным ублюдком отлученного от церкви еретика он сражаться не может, так как... – Ахр-р...

Паж, не договорив, свалился на землю, хрипя и прижимая руки к животу. Это Тук недолго думая всадил в него арбалетный болт.

– Ты что творишь?

– Мое законное право – наказать подлеца за оскорбление моего господина. – Шотландец пожал могучими плечами и яростно завертел арбалетным воротом.

Опять защелкали стрелы по бревну, и на поляну, сомкнувшись строем, прикрываясь щитами и высунув между ними короткие толстые копья, вышло девять солдат. Я с непонятным облегчением приметил, что копейщики – без тяжелой защиты: в тарелкообразных шапелях без забрал и в стеганых гамбизонах⁶⁸ с нашитыми редкими бляшками. Уже лучше... Хотя это большого значения не имеет... Много солдат; как ни вертись – окружают и копьями затыкают...

– Логаны, вперед! – вдруг завопил шотландец, разрядил арбалеты в строй, свалив одного человека, и, схватив алебарду, вскочил, собираясь перепрыгнуть через бревно.

– Куда, идиот... – Я едва поймал его за пояс. – Сиди здесь и присматривай за холмом...

Тук обиженно засопел, присел и стал взводить арбалеты.

Я выглянул, опять пригнулся и стал прикидывать диспозицию. Через бревно лезть к атакующим смысла нет. С левой стороны тоже не пройдешь, дуб упирается в сплошной завал. Будут обходить справа...

Значит, так тому и быть. Фермопилы, мля... а я за триста спартанцев сойду.

Не, не хочу спартанцем, достоверно известно, что данные товарищи друг друга пользовали, не стеснясь. Не по масти мне...

Буду этим... политруком Ключковым. Велик Арманьяк, а отступать некуда!

Взял щит в левую руку и приготовился. Страх не было... Вру, был. От волнения была такая крупная дрожь, что даже зубы стучали. Но деваться некуда. Палачи в Средневековье на диво изобретательны. Даже думать про них страшно.

Тук успел подстрелить в ногу еще одного копьеносца. Второй выстрел пропал даром, болт пробил щит, но застрял, не нанеся врагу никакого вреда.

Солдаты, все так же прикрываясь щитами, слаженно перегруппировались и попарно, больше расстояние не позволяло, появились в проходе.

Первая пара с хеканьем ткнула в меня копьями, причем уроды сделали все по-хитрому: один ударил в щит, пытаясь сбить его в сторону, а второй чуть задержался, собираясь пырнуть уже в открытое тело.

Черт! У них почти все получилось. От удара мгновенно онемела левая рука, щит увело в сторону, но вот следующего момента они не предусмотрели, да и не могли предусмотреть. Откуда солдатам знать, что у непонятого бастарда дома полный ящик медалей разного достоинства, в большинстве, конечно, золотых, и он владеет клинком, на сотни лет опередив все стили фехтования, которые здесь только начинали зарождаться.

⁶⁸ Гамбизон – вид поддоспешника. Появился вместе с широким распространением кольчужных рубах.

Клинок молнией метнулся к солдатам и, распоров лицо первому, срубил руку по локоть второму. Я скользнул вперед ко второй паре и классическим косым ударом разрубил шлем вместе с черепом третьему, а затем, вывернув кисть, прямым выпадом ткнул острием в лицо четвертому.

С хлопом выдрал эспаду из глазницы и сразу же отскочил назад, прикрываясь щитом. Оставшиеся в живых копейщики не побежали, как я тайно надеялся, а просто отогнали меня короткими выпадами копий.

Зато не дремал Тук. Над плечом гулко прожужжал болт и, с хрустом пробив кость, впился в скулу пятому копьеносцу. А вот шестому уже я сам, сбив в сторону древко копья, воткнул эспаду в бедро.

Седьмой... седьмой убудочный урод поступил, по-моему, совсем нелогично, но, к сожалению, очень практично. Он, скотина, метнул копье, окончательно отбив мне левую руку под щитом, и, выхватив короткий широкий меч, с ревом прыгнул вперед, на лету нанося удар.

Едва успев отпарировать, я вынужден был сделать шаг назад и с грохотом завалился на спину, споткнувшись через истошно воющего солдата, скорчившегося на земле и баюкавшего обрубок руки.

Чертов копьеносец в упор поймал щитом болт из арбалета, вскрикнул (видимо, его куда-то все-таки достало), покачнулся, но все равно шагнул вперед, высоко занося меч и серьезно настроившись прикончить меня.

Что произошло дальше, я помню и буду помнить всю жизнь...

Долбаное забрало долбаного шлема при падении закрылось сразу, сократив мне весь обзор до узенькой щели.

Щит при падении оказался под задницей, и я с ужасом понял, что никак не успеваю его вытащить.

Ожидая, что вот-вот моя голова разлетится на кусочки, я зажмурился и наугад ткнул эспадой в сторону солдата... Клинок во что-то уперся, а затем мягко скользнул дальше. Рев, переходящий в бульканье, – и тяжелая туша, омерзительно воняющая потом и почему-то – дерьмом, рухнула на меня, прижав к земле.

Судорожно подавляя позывы рвоты, забарахтался, пытаюсь скинуть дергающееся тело, но Тук имел на этот счет свое мнение. Хекнув, он рубанул по еще живому солдату, и меня обдало струей горячей крови...

Такого издевательства организм уже не выдержал, и меня вывернуло на свои же ботфорты.

– Твою же мать... – Со злости я ткнул дагой в шею копьеносцу без руки, и от его булькающего хрипа изрыгнул остатки рвоты из своего многострадального желудка. Но на этот раз – на солдата.

– Вы целы, ваша милость? – обеспокоенно спросил Тук и оттащил изрубленное тело в сторону.

– Что со мной станет... – Я посмотрел на валяющиеся изуродованные трупы, и меня чуть было опять не стошнило.

– А чего это вы? – удивился шотландец.

– Не твое дело. За холмом следи, – буркнул я и, смягчившись, добавил: – Ты это... молодец. Отлично стреляешь.

– Дык дело-то нехитрое. – Тук расцвел, прицелился из арбалета – и опять в кустах кто-то завопил. – С малолетства приучен.

– Научишь... – Я чуть приподнялся и сразу получил стрелу в основание нашлемника для крепления плюмажа. – Вот убудки! Сколько же их там?

– Так известно. Кабальеро пару человек, оруженосцы ихние да пажи. Копейщиков мы выбили всех да половину лучников тоже. Осталось всего два стрелка. Вот и считайте...

– Сам сосчитай... – Я никак не мог сообразить, сколько человек осталось.

– Семь-восемь человек, – сообщил шотландец, подумал и добавил: – Но вообще-то пажей и оруженосцев может быть больше.

– Бастард! – заорали из леса. – Сдавайся! Гарантирую, будешь моим личным пленником!

– Ваша милость... – зашептал Тук, закидывая взведенные арбалеты за спину. – Разговаривайте подольше, я их обойду...

Попытался поймать парня за пояс... сгинет же зазря, но не успел. Шотландец уже уполз в бурелом. Пришлось кричать в ответ; не отвлеку, так хоть время потяну:

– Ты представься сначала!

– Барон Гийом де Монфокон, сеньор де Сегюр.

Де Сегюр! Нет, ты понял?!

– Сеньорию тебе Паук за убийство моего отца нарезал? – Я от злости хватил кулаком по дереву.

– Руа волен распоряжаться своими владениями, – нагло заявил невидимый мне собеседник.

– Пока я живой, земли – не его.

– Если будешь сопротивляться воле его величества, то быстро перестанешь быть живым, бастард. Сдавайся. Руа милостив к своим пленникам. Глядишь, выторгуешь свою никчемную жизнь и будешь гнить в монастыре живым и здоровым. – Барон расхохотался.

– Я подумаю... Ты мне лучше скажи, как меня нашел?

– Тоже большая задача... ты подумал, что мы тебя будем искать на дорогах к Ошу, а сам подался поближе к Лектуру. И ясно как день, что ты собрался уйти в лес. Не спорю, бастард, умно. Но я эту загадку быстро разгадал. Кстати, твой духовник молчал до последнего...

– Ты поднял руку на церковника и теперь будешь гореть в аду! – Я чуть не выскочил из-за бревна.

– Моя добродетель перевесит мои грехи... – Барон опять заржал. – Но хватит. Сдавайся. Сейчас сюда придут три копы жандармов, и мы выкурим тебя как крысу...

– А ты сам попробуй, собака. Иди сюда, урод, я тебе bebiichi посрубываю.

– Это ниже моего достоинства, бастард. Короче, у тебя четверть часа на раздумья...

Ничего не понимаю... Положение, конечно, аховое. Нас двое, противников же – человек восемь-десять. Но подкреплений в ближайшем будущем у них не будет однозначно. Как его вызовут? Сомневаюсь, что они возят с собой почтовых голубей, а что такое рация, люди еще не будут знать века четыре. Даже если у них есть голуби – пока эта птаха мира долетит, пока доберется подкрепление... сутки, не меньше. А вот взять меня долбаный барон не может. Силенок маловато. Мы и так большую часть выбили... и выбьем еще. Так что он голову мне морочит, собака?

Ну, сука... только попадись. На медленном огне изжарю, на кол ублюдка посажу. Это какой же извращенной и порочной натурой надо обладать, чтобы посметь на доминиканца руку поднять...

– Эй, барон? Хотя какой ты барон? Если свинью нарядить как кабальеро, она все равно свиньей и останется...

Никто не ответил...

Что за...

Не успел я даже удивиться, как в зарослях раздался глухой стон, затем еще кто-то заверещал, как заяц, и сразу же прозвучало несколько воинственных воплей, среди которых я различил голос шотландца... твою же мать...

Сильно не раздумывая, перемахнул через бревно и ринулся в заросли на шум схватки.

Навстречу мне сразу выступил коренастый кабальеро в полном миланском доспехе и котте с лилиями Паука. На голову мужик напялил салат с наглухо задраенным составным

забралом и пышным плюмажем. В руках он держал здоровенный цвайхандер⁶⁹, положив его на правое плечо.

За ним, чуть поодаль, стояли двое парнишек в легких кольчугах, только с отдельными элементами латной защиты. Причем вразнобой, как будто поделили комплект между собой. У одного были наручи, а у второго поножи. Первый держал в руках обычный прямой меч и круглый щит без герба, а второй, в старинном норманнском шлеме, вооружился протазаном.

– Я виконт... – начал было представляться кабальеро, даже не сняв с плеча меч, но я, пропустив эти условности, на бегу рубанул его эспадой по внутреннему сгибу локтя, так удобно подставленному под удар, а затем, когда его развернуло, засадил до чашки дагу под мышку.

– Мне не важно, кто ты... – Не останавливаясь, выдрал оружие и срубил парня с протазаном в руках, изумленно уставившегося на меня. Располосовал ему рубящим ударом плечо.

Второй мальчишка успел замахнуться мечом, но получил граненое лезвие в живот.

– Извини, парень, ничего личного... – С прокрутом вырвал клинок и, оттолкнув пажа плечом, помчался на крики и лязг железа, доносящиеся из зарослей.

– Только попробуй сдохнуть, клятый скотт... – прорвался я через кусты и увидел, как Тук отмахивается своим фальшионом сразу от трех мечников. Четвертый безуспешно пытался встать на колени, раз за разом падая на бок.

Тук держался, но явственно припадал на правую ногу, полностью залитую кровью.

– Ко мне, уроды! – истошно заорал я и увидел, как в тот же самый момент один из нападающих снес меч шотландца в сторону, а другой наотмашь рубанул его по груди.

Тук вскрикнул и осел на землю, а мечники одновременно развернулись ко мне и, прикрывшись щитами, организовали что-то вроде строя.

Это, скорее всего, были оруженосцы так и не успевшего мне представиться виконта или, возможно, даже самого барона. Одеты поосновательнее, чем пажи, у всех на головах бацинеты, длинные кольчуги, у одного так вообще что-то похожее на юшман. Набедренники, наголенники и наручи. У двоих в руках почти одинаковые полуторные мечи, у третьего шотландский палаш с вычурной гардой. Держатся без страха, движения уверенные...

Так, а где барон? Где эта сука? На коттах у оруженосцев какие-то красные быки... а у третьего – крепостная башня на червленом поле, и по левой стороне синяя и белая вертикальные полосы. Барона не вижу...

– Где барон?

– Тебе до этого дела нет, гнусный бастард, – рявкнул в ответ самый крупный из оруженосцев, тот, что в юшмане.

– Мне как раз есть дело, сопляки... Обещаю: если скажете, отпущу живыми... – почти спокойно пообещал им.

– Смерть бастарду! – одновременно проревели оруженосцы и слаженно напали.

Ну, сами напросились. Вы мне еще за Тука ответите... Сбил палаш с удара и обратным ударом ткнул в лицо крайнему нападающему. Затем отскочил в сторону и отбежал на несколько шагов.

Парень, которого я ударил, зажимая руками хлынувшую кровь, опустился на колени. Оставшиеся притормозили и развернулись ко мне.

– Последний раз спрашиваю, где де Монфокон? Присягаю, вы позавидуете мертвым, если не скажете... – спросил еще раз, сдерживая в себе дикую злобу. Подождал пару секунд и добавил: – Все. Время истекло...

Никакого сожаления и тем более откровенной жалости я не чувствовал. Более того, с самого начала схватки почти не руководил собой, отдав все на откуп инстинктам и эмоциям.

⁶⁹ Цвайхандер (*нем.* zweihander), или биденхандер (*нем.* bedenhand), в переводе – «для двух рук»: двуручный меч ландскнехтов и швейцарской пехоты позднего Средневековья и эпохи Возрождения.

Осознавал себя как Александр Лемешев, но половиной меня управлял Жан, бастард д'Арманьяк. Получился довольно уродливый симбиоз, но мне с ним было удивительно комфортно.

Радовало еще то, что особого кайфа, такого, как в первый раз, я не почувствовал. Был азарт, было желание выжить и победить, было стремление убить своих врагов – и никакого сексуального возбуждения. Я отлично себя чувствовал, осознавая, что эти две личности прекрасно ладили между собой, в случае необходимости дополняя и уравнивая друг друга. Очень удобно оказалось: решения, нежелательные для Лемешева, но необходимые в окружающей средневековой обстановке, принимал бастард. А действия, неприемлемые для него, и общее руководство осуществлял Лемешев. При этом никакого раздвоения личности я не чувствовал.

Но хватит об этом. Чувствую, мне еще не раз придется обдумать все эти коллизии с моими личностями, так что не будем отвлекаться. Тут вообще-то меня зарубить пытаются...

Возможно, если бы парни имели выучку получше и побольше опыта, у них бы и получилось нанести мне какой-нибудь урон. Все-таки я никогда в жизни не сражался с несколькими серьезными противниками одновременно. Но к их несчастью, ни первым, ни вторым парни не обладали и через пару секунд распластались на земле, захлебываясь кровью.

Самый старший из них успел вскользь чиркнуть меня по наплечнику и сейчас с распоротой шейной артерией заливал траву почти черной пузырящейся кровью, вырывая в конвульсиях траву вместе с землей.

Его товарищу повезло немного больше. Он умер мгновенно. Клинок эспады перерубил одновременно с кольчужной бармицей шейные позвонки.

Подошел к стоящему на коленях последнему, оставшемуся в живых, и опрокинул его ударом ноги на спину. У оруженосца оказалась сильно разворочена скула и поврежден левый глаз. Парень, зажимая рану, постанывал, но тем не менее смело посмотрел мне в лицо.

– Ты хочешь умереть, эскудеро?

– Я в твоих руках, бастард, – ответил ломающимся юношеским баском парень.

– Где барон?

– Он бросил нас и сбежал. Обманул... – Парень задыхался, почти теряя сознание, из-под руки толчками выплескивала кровь. – Сказал, что обойдет тебя с тыла, приказал напасть, а сам ускакал... Сделай так, бастард, чтобы об этом узнал каждый благородный кабальеро...

– Сделаю это. Зажми крепче рану, я пощажу тебя... – Срезал у него кусок котты и дал в руки: – Зажимай: может, тебе повезет и ты выживешь.

Вдруг понял, что совсем забыл про Тука, беспощадно обматерил себя, развернулся и подбежал к шотландцу. Увидев его живым, с облегчением перевел дух.

– Живой, дружище! Ну ты меня и напугал!

– Живой... ваша милость... – Тук зажимал на груди длинный, но неглубокий порез. Меч прорубил кольчугу и гамбизон, но тело сильно повредить уже не смог.

– Убери руки... вот... будешь жить, старина, – сделал я вывод, осмотрев рану.

Крови, конечно, натекло порядочно, но сама рана была глубиной всего несколько миллиметров, хотя и пересекала грудь наискосок до самых ребер.

– Ты сиди... я сейчас... – На радостях помчался проверять, не остался ли кто в живых.

Позволил выпятиться в себе бастарду и приколол двух недобитых лучников. На самом деле это была не жестокость, а милость. С такими ранами в эти времена не выживают.

Потом нашел еще одного с болтом в плече, прислонившегося к дереву.

– Что вы сделали с приютом доминиканцев? Говори – и я подарю тебе быструю смерть.

Лучник скривился, закашлялся, потом утер кровь с подбородка и хриплым, надтреснутым голосом заговорил:

– Барон приказал... Монахов порубили всех... Со стариком он сам забавлялся. Но приор крепким оказался... Тогда барон приказал его повесить...

– Где этот... Симон его зовут. Тот, кто меня выдал.

– Не знаю... кажется, остался в лагере... – Лучник закашлялся опять.

Кровь текла из его рта уже не переставая.

– Ладно... молись.

Лучник забормотал слова молитвы, а потом, чувствуя все-таки к себе легкое чувство омерзения, я аккуратно проткнул ему сонную артерию дагой.

– Ну и урод ты все-таки, Сашка... – почти безразлично сказал сам себе и еще раз пробежался по поляне.

Разглядел полоску крови, ведущую в лес, и, пройдя по ней, нашел успевшего уползти на пару десятков метров копейщика. Это был тот самый солдат, которому я проткнул ногу возле бревна. Разговора с ним не получилось, солдат вздумал отмахиваться мечом, и я недолго думая с облегчением приткнул его подобранным копьём. Действительно с облегчением, не пришлось раненого добивать... А так – вроде как в бою.

Собрался взять аптечку, которая досталась мне от бастарда, и обнаружил, что чертовы лучники все-таки успели здорово навредить. Лошадка, которую я получил от де Граммона как выкуп за доспехи, лежала на земле с тремя стрелами в боку и уже испускала дух.

Твари... такую лошадь погубили. Потом вспомнил, что в наследство нам достался добрый десяток лошадей, и немного оттаял. Все равно жалко, но ничего уже не поделаешь.

Прихватил аптечку и бочонок с арманьяком – сойдет вместо спирта, и вернулся к Туку, по пути проверив неизвестного виконта с несчастными мальчишками, которых только сейчас стало по-настоящему жалко.

Не знаю... К счастью или к несчастью – это, наверное, смотря кому, – виконт и его пажи уже отошли в мир иной. Горевать о них особо было некогда, да и, здраво размышляя, незачем. Они умерли с оружием в руках, как настоящие кабальеры, и, скорее всего, сами себе другого конца не желали.

Оруженосец с распоротой щекой лежал без сознания, кровь не останавливалась, продолжая толчками выплескиваться на траву... Ну что я смогу тут сделать, твою мать... Сам же напал. Чем я ему сейчас помогу? Плюнул и направился к шотландцу. Не мой это грех...

Снял с Тука кольчугу и гамбизон. Потом камизу.

– Ну что, братец Тук, будем тебя лечить, – сообщил шотландцу, с опаской следившему за моими манипуляциями.

– А чего там, ваша милость, лечить-то? Писануть на тряпку да приложить, а потом перевязать. Делов-то.

– Я тебе сейчас на голову писану! Ты что, придурок, сдохнуть хочешь? – рявкнул на него и смочил арманьяком чистую тряпочку.

– Так это же пить надо, ваша милость, зачем добро переводить? – Тук сглотнул слюну и вождеюще посмотрел на бочонок.

– Ладно... заслужил сегодня. – Я налил половину чашки и сунул в руки шотландцу. – Жри давай и не мешай.

Особых навыков в медицине я не имею: так, лишь все то, что должен уметь любой мужик. Главное – не умение, а энтузиазм. И вообще гарант успеха любой операции – это хорошо зафиксированный пациент.

Действуя в основном по наитию, обработал края раны арманьяком; сам, конечно, предварительно пропустил внутрь полкружечки. Промокнув импровизированным тампоном кровь в ране, снял крышки сразу с обеих баночек с мазями.

И что дальше?... Подумал и наложил ту, что пахла лучше. Кровь, кстати, довольно быстро после этого унялась. Затем сложил в несколько раз бинт, положил на рану и поверх плотно забинтовал. А что... мы, медики, такие... изобретательные.

– Все, дружище. Теперь будешь жить, – хлопнул шотландца по ноге.

– Ай!.. Ваша милость... Нога!.. – завопил тот.

– Тьфу, черт, что же ты молчал, придурок... – Я уставился на довольно глубокий разрез, зияющий на бедре.

– Так я думал, вы видите... а это... можно еще полстаканчика? Очень уж хорошо эта штука боль отшибает...

– Alkogolik... – сообщил я ничего не понявшему Туку.

– А стоит ли, ваша милость, заклинания говорить... богопротивно это... – ужаснулся шотландец.

– Это не заклинания, придурок. Пей... – Сунул кружку и принялся обрабатывать по той же схеме рану на ноге.

Закончил и предупредил шотландца:

– Смотри у меня, лежи без движения. Крови ты все-таки много потерял. Времени у нас много. Пока барон приведет подмогу – не меньше десяти часов пройдет. Мы успеем далеко уйти. И пойло больше не трогай, по башке получишь.

Немного посидел, соображая, что в первую очередь надо сделать. Лошади и трофеи... у меня всего хватает с избытком, а Тука надо по первому классу экипировать... заслужил парень. Виконт-то неизвестный вроде размерами подходит. Значит...

Притащил за ногу его труп к шотландцу и обязал обдирать по мере сил. Потом собрал все оружие и сложил в кучу, откинув в сторону более достойные на первый взгляд образцы. Хотя в эту категорию попал только цвайхандер виконта и шотландский палаш его оруженосца... Вру, еще мизерикорд⁷⁰ и кинжал того же неизвестного кабальеро. Остальные образцы ни качеством, ни особой красотой не поражали. Да и куда нам столько...

Юшман с оруженосца тоже вознамерился отдать шотландцу, но сам его снять с трупа не смог. Противно... Крови как со свиньи натекло.

После недолгих раздумий и этот труп отволол поближе к Туку, который, несмотря на раны, с энтузиазмом уже почти полностью ободрал доспех с виконта.

Большая часть лошадей разбежалась, но боевой конь виконта и еще пара лошадок так и стояли, привязанные к дереву.

Опасливо подошел к караковому жеребцу. Зверюга здоровенная, похоже, той же породы, что и мой Роден.

– Тише. Тише, мальчик, ты же не будешь возражать, если у тебя появится новый хозяин... – приговаривая, я зашел сбоку, стараясь не испугать коня.

Жеребец всхрапнул, покосился глазом, вздрогнул, но не укусил.

– Умница, хорошая лошадка... – Похлопал коня по шее и, нащупав пряжки седельных сум, осторожно расстегнул и сбросил их на землю. Затем отстегнул кобур с арбалетом и ножны с полуторным мечом, при виде гарды которого память услужливо подсказала название. Скъявонеска это. Предок скъявоны⁷¹ – палаша, которым вооружены ватиканские гвардейцы. Полетел на землю тяжеленный тарч в чехле. Потом по гербу Тук разберется, кого я на тот свет отправил.

Отвязал поводья – и чертово животное... Ну, как его еще можно после этого назвать? Коняка хватанула меня зубами за руку, выдрала поводья из рук и галопом умчалась в лес, задрав хвост грубой.

– Долбаная скотина... – с чувством выругался.

Еще хорошо, что рука в защите, а так прокусил бы, как пить дать.

– Чтоб тебя волки сожрали!

⁷⁰ Мизерикорд – кинжал милосердия. Им добивали раненых на поле боя. Имел узкое граненое либо плоское с ромбовидным сечением лезвие для проникновения между сочленениями рыцарских доспехов.

⁷¹ Скъявона – разновидность клинкового оружия, одна из трех наиболее распространенных форм мечей с корзинчатой гардой, вместе с шотландским палашом и хаудегеном.

– Ваша милость... Так надо было ему морду коттой закутать... – подал голос шотландец. – Эх... жаль. Хороший крессе был. Ладно хоть что-то с него досталось.

– Не жалея, пути Господни неисповедимы. Только он знает, что дать, а что забрать. Ты доспех ободрал?

– Ну да, делов-то, тут у кабальеро еще три десятка дукатов⁷² и чуток серебра в мошне было...

– Это хорошо. Теперь все это твое... Кроме дукатов, конечно. Серебро пополам.

– Благодарю, ваша милость... – Шотландец, побряхтывая, встал и вознамерился произвести свой обычный ритуал целования моих рук.

– Брось... Сам знаешь, не люблю. Слушай задачу. Уроды подстрелили нашу лошадку; значит, надо выбрать из трофеев коня получше и перегрузить все. Забираем все что нужно и валим куда-нибудь подальше. Куда, чуть позже решим. И не хватайся за все. Я делаю, а ты подсказываешь, как лучше, и помогаешь. Время пошло... Только нос не задирай, пришибу...

– Благодетель вы мой... Как можно...

– Еще раз так выразишься, собака, сдам в инквизицию на опыты. Какая тут лошадь лучше?..

Со всеми делами справились довольно быстро. Теперь встал вопрос, куда податься.

От своих намерений посетить замок Бюзе я отказываться не собираюсь, все равно сделаю, что задумал, но... Но барон поднимет всю округу на уши, и так просто по дорогам не путешествуешь: схватят, со всеми вытекающими из этого последствиями.

– Ну? В какую сторону отправляемся?

– Я думаю, ваша милость, нам следует продолжить путь по тому же направлению. Обойдем Лектур с востока по большой дуге. В лес они больше не полезут, будут на дорогах дежурить. С божьей помощью как-нибудь проскочим. А пока желательно убраться как можно подальше от этого места и переждать денек-другой. Так что туда. – Шотландец рукой показал на восток.

– Туда так туда... – Мне было почти все равно, как раз стала наступать разрядка после боя, и голова практически ничего не соображала.

Хотелось просто лечь и заснуть. К тому же тело бастарда еще не привыкло к темпу, с которым я махал оружием, и отчаянно протестовало. Болели все мышцы без исключения: сам себе казался столетним стариком.

К вечеру забрались в неимоверную глушь, даже солнце с трудом пробивалось через кроны вековых деревьев. Я заметил полянку около небольшого озерца и скомандовал привал.

Тук себя чувствовал неважно, был бледный как мел, даже разговаривал с трудом. Уложил его на попону и опять осмотрел раны. К счастью, воспаление не началось, только слегка покраснели края, но главное – раны перестали кровоточить. Не знаю, что за мазь досталась мне от бастарда, но она работала неплохо. Наложил ее опять и перебинтовал, прописав шотландцу полный покой до завтрашнего утра. Попутно наорав, когда он собрался натаскать хворосту.

Налил ему полную кружку арманьяка, заставил выпить и с облегчением вздохнул, когда шотландец почти мгновенно уснул.

Расседлал коней, обер их, как мог, и задал по доброй порции овса. Лошади – наше всё, беречь надо.

Наконец занялся собой. Залез в озерцо и долго плескался, смывая с себя пот и кровь. Потом тщательно вычистил одежду и ботфорты. Клятые солдаты... Ну никак не хотели помирать эстетично. Заляпали меня всякой гадостью по самое не хочу. Грязное это дело – людей убивать... м-да... в прямом и переносном смысле.

⁷² Дукат (*итал.* ducato) – название серебряных (с 1140), затем золотых (с 1284) монет. Впервые появились в Италии и позже стали выпускаться в других странах Европы. Вес 3,5 г 985-й пробы золота. В Венеции назывался цехином.

– Брр... мерзость какая. – Вспомнилось несколько особо отвратительных эпизодов. – Ладно, бастард. Дело по нынешним временам житейское... пообвыкнешься как-нибудь...

Захотелось поесть чего-нибудь горячего. Натаскал хвороста, развел костер и водрузил над ним медный котелок, которым Тук тайно одолжился у доминиканцев. Ворюга... Радует только, что тащит не в свою пользу... Так уж и быть, отпускаю ему этот грех.

Пошарился по запасам и нашел мешочек с какой-то крупой, очень похожей на кукурузную муку крупного помола. Но явно не кукуруза, да и хрен с ней. Съедем. Побольше окорока, поменьше крупы, пару кусков сыра и топленого масла не забыть, вот те и ужин...

Теперь займемся оружием, пока вода закипает. Клинок на эспаде в нескольких местах поцарапался, появилась пара щербинок, к счастью, небольших. Вооружился оселками и за несколько минут вернул ее к прежнему состоянию. Конечно, полирнуть не мешает, да нечем, доберусь до мастера – отдам в работу. Смазал клинок льняным маслом и отложил в сторону, занявшись дагой. По ней работы оказалось чуть больше, скололся маленький кусочек острия.

Затем занимался доспехом. Кровью он оказался заляпан по самое не хочу. А это потенциальная ржавчина, что совсем не хорошо.

Пока работал, закипела вода. Посолил как следует, и забросил все ингредиенты сразу. В конце сушеных травок закину, запах приятный, напоминает прованский сбор из супермаркета; вот тебе и еда, достойная кабальеро.

Подумал немного – и отправил свой готический доспех с эспадой вместе в багаж. А взамен достал юшман, доставшийся в наследство от племянника Исаака, иерихонку и эспаду-фламберг де Граммона.

Еще раз подумал и заменил фламберг на меч того же племянника. Жалко такую драгоценность... Оставим ее для парадного варианта. Еврейский меч не хуже моей эспадой будет, почти такой же легкий и даже на несколько сантиметров длиннее. Клинок, правда, у основания широковатый, но... посмотрим. Поупражняюсь немного, и сразу все станет ясно.

Примерил доспех – и остался доволен. Классом защиты он, конечно, уступает готическому, но в разы удобнее и, главное, легче. К тому же он с юбкой, надежно прикрывающей ноги почти до колена. Да и надевается не в пример быстрее. Как жилет, на крючки посередине.

Иерихонка тоже и легче, и удобнее, чем салат. По крайней мере, обзор ничем не ограничивается. Наручи и поножи с кольчужными рукавами тоже имеются.

Почему я так поступил? По ряду причин.

Хочу изменить свою внешность. С утра бородку сбрую – и будет полный порядок. Доспех бастарда приметный, вполне могут и по нему опознать. А мой новый доспех, хотя и устарел немного, смотрится импозантно, дорого, да и внешность меняет радикально.

Есть еще одна причина. За несколько схваток, в которых успел поучаствовать, убедился, что «родной» доспех к моему стилю фехтования подходит мало. Мое основное преимущество – в скорости и подвижности. Буром переть и надеяться, что ответные удары не пройдут защиту, я не собираюсь. Пока, по крайней мере, масштабных битв не ожидается. Так что меняю имидж.

Закипело варево на костре. Засыпал травы и разгреб угли, убавляя жар. Еще немного – и можно будет питаться.

Теперь трофеи... Двуручник... Ну его в задницу, такую тяжесть. Пойдет Туку. Скъявонеску тоже – тяжела не в меру. Обычный полуторный меч с двумя долами, идущими от основания почти до конца клинка. Гарда причудливая: один конец перекладины загибается к рукоятке, а второй – к клинку. Так себе... Не вижу практического применения в своих руках. Шотландцу сойдет.

Шотландский палаш? Опять шотландцу, опять Туку, все-таки национальное оружие. Хотя нет... попридержу его. В ближней схватке лучше палаша не придумаешь, да и качественно его сделали. С претензией.

Так, пороемся в сумках... стоп, а арбалет?

Достал арбалет из кобуры... мать моя женщина, он не болтами, а свинцовыми пулями стреляет. Такие, кажется, шнепперами⁷³ называются. Так сказать, промежуточный вариант между арбалетом и аркебузой. Красивый...

Привлекла внимание костяная накладка на прикладе... Оп! Совсем интересно: накладка повернулась на шарнире, открыв небольшой ящичек. Вытащил ящик и увидел прядь светлых женских волос, обернутую в батистовый платок с замысловатой монограммой.

М-да... Сам того не ведая, я безобразно прервал чью-то историю любви. Печально... Настроение от этого испортилось, и я решил арбалет как можно быстрее кому-нибудь продать... или вообще подарить. Грустные мысли он навеивает, сцуко, душу корябает.

В сумках нашелся стандартный походный набор, похожий на тот, что обнаружил сам у бастарда сразу после переноса. Правда, тут еще присутствовал маленький деревянный ящичек с какими-то косточками: святые мощи, скорее всего, и небольшой молитвенник в золотом окладе. Набожный виконт попался... Ладно, белье шелковое, совершенно новое – значит, забираю, верхнюю одежду тоже, а остальным пусть Тук распоряжается... арбалет тоже пока себе оставляю, благо запасная тетива, мешочек с пулями и пулелейка присутствуют. В общем, все и так мое, шотландец просто отвечать за сохранность будет.

Снял котелок с огня и потащил к Туку.

– Вставай, лежебока, хватит косить под больного.

– Как это, ваша милость, – «косить больного»? – Тук продрал глаза и с шумом втянул воздух носом.

– Это значит – притворяться. Держи тарелку и кубок. Пить сегодня будем. Много. Помянем убиенных нами, все-таки божьи души. А ты прочитай молитву, какую знаешь, за упокой душ.

– Хорошо, ваша милость... – Тук зачерпнул полную миску каши и отправил в рот. – Мм... вкусно, ваша милошть...

– Молитву сначала прочти, обжора, да погромче, я повторять буду, потом уже жрать. Экая ты, Тук, свинья все-таки...

Пробормотал молитву вслед за шотландцем. Странно, но так захотелось. Что-то подсказывало; так надо. Не знаю: возможно, это бастард во мне или что-то еще, но помолился я, и стало немного легче. Исчез груз с души... Ты смотри, так скоро и набожным стану. Причудливы воистину твои дела, Господи.

Варево оказалось на высоте, под него отлично пошел предок арманьяка. Весьма, знаете, недурственно, особенно когда бочонок показал свое дно и было уже все равно, что пить. В конце концов мы объелись и здорово захмелели.

– Вот, шотландец... скажи, – я ткнул кружкой по направлению к Туку, – ты сегодня боялся?

– Не знаю... ваша милость.

– Как это? – Я с третьей попытки наколол кончиком даги ломоть ветчины.

– Не успел, а потом уже некогда было... ик...

– Вот и я так... а теперь скажи: я, наверное, кажусь тебе странным? Только правду говори.

– Правду... скажу. Сначала казались, больно вы не похожи на местных. Теперь вижу, что вы просто умный. Грамотный. Как бы сказать, чтобы не разозлить вашу милость...

– Валяй. – Я милостиво махнул рукой.

– Два человека в вас... – выпалил Тук и испуганно посмотрел мне в лицо.

⁷³ Шнеппер – короткий арбалет, стреляющий пулями, имеет двойную тетиву, в центре которой находится специальный мешочек для помещения туда пули. Пулевые арбалеты появились в самом начале XVI в. и были двух типов: испанские и немецкие шнепперы и отличавшиеся от них по конструкции итальянские балестры.

– Что, так заметно?.. – по инерции ляпнул я и поспешил исправить вопрос: – Почему ты так считаешь?

– Не знаю... – смутился Тук. – Я запутался совсем. А какая разница, ваша милость? Вы хозяин, я ваш слуга, меня все устраивает, и я благодарю Бога за то, что вы меня нашли.

– Понятно... – Я немного успокоился.

Просто я действительно знаю много неизвестного в этой эпохе, и этот факт никак не мог не бросаться в глаза. Тем более Тук постоянно находится со мной, все видит и слышит.

– Слуга, говоришь? Знаешь что, дружище... ты доказал своей службой, что достоин большего. Назначаю тебя своим эскудеро... что там в таких случаях говорят? Я что-то позабыл.

– Ваша милость! – Тук рванулся было опять целовать руки, но сдержался.

– Так что надо сказать?

– Я не знаю, – смутился шотландец, – вы уже все вроде сказали... Только маленький вопрос... В эскудеро пожизненно, или с правом закончить обучение и стать кабальеро?

– Не знаю, решу потом. Видно будет. Служи – и будешь вознагражден. Только вот обязанностей слуги с тебя никто не снимал. Знаю, что неправильно, но пока так. Не нравится, можешь отказаться...

– Нет, ваша милость, я со всем согласен! Я другого слугу к вам не допущу... – завопил Тук.

– Вот и молодец. Давай выпьем...

Напились до безобразия, да, в буквальном смысле слова. Я даже не помню момент, когда лег. Даже малейшей мысли не мелькнуло установить дежурство. Пронесет авось...

Глава 8

– ...клянусь, отец мой, что буду приумножать и беречь казну, не щадя жизни своей, и потрачу ее только на благо рода нашего, – говорил я, положив руку на Евангелие в серебряном окладе.

Сон приснился под утро и начался именно с того момента, на котором прервался в приюте. Та же каморка, божьей милостью конт Жан V д'Арманьяк, то есть мой отец, предо мной, и сложенные у дальней стены сундуки и бочонки.

– Я принимаю твою клятву. – Отец тяжело оперся о мое плечо. – Пошли. Нам скоро в путь.

– Я помогу вам. – Взял отца под руку и, освещая путь толстой свечой в подсвечнике, повел его по низкому и узкому коридору.

Поднялись по ступенькам, отец отпер большим ключом массивную кованую решетку, мы прошли, и он запер ее опять. Затем повернул кованое бра на стене, и решетку с легким шорохом закрыла опустившаяся сверху каменная плита.

– Иди посмотри, нет ли кого наверху, – попросил отец.

Я кивнул головой и... и проснулся.

– Твою же мать... – в сердцах выругался. Когда я уже досмотрю этот сон до конца? Интересно же, куда папаша сокровища припрятал... Ну ладно... всему свое время. Пока мне они все равно ни к чему.

Растолкал пинками Тука и встал сам. К счастью, никакого синдрома вчерашнего дня не было. Голова ясная, настроение великолепное. Очередное преимущество молодого тела. Вот только... Вот только надо женщину. Срочно. Иначе... иначе не знаю. Грех какой-нибудь совершу.

– Э-эх... кофейку бы... да нету, – пожалел я и поинтересовался для смеха у Тука: – Дорого нынче кофе?

Ожидал, что шотландец не поймет, о чем я, но, к моему удивлению, он ответил:

– Сарацинская⁷⁴ зараза-то? Не знаю, ваша милость. Дорого, наверное. Как ее можно вообще по доброй воле в себя лить? Не понимаю. Что для сарацина хорошо, для христианина – смерть.

– Это точно, – обрадовался я.

Значит, кофе уже появилось в Европе. Ага... А порох?

– Тук, а хорошая аркебуза⁷⁵ почему?

– Тоже дорого, но это совсем никчемная вещь. Грохот, дым, а толку почти нет. Я пять раз из арбалета выстрелю, пока эту аркебузу заряжать будут.

Вот так... Просто изумительно. Вот и одно из применений моих знаний. В оружии, в том числе и огнестрельном, я неплохо разбираюсь. Вполне смогу местным мастерам подсказать, как кремневый замок сконструировать. Если аркебузы есть, то и пушки тоже. Тут я тоже могу несколько идей подкинуть. Живем! М-да... есть поправочка: если выживем, конечно.

Посмотрел на раны шотландца и остался их состоянием доволен. Гноя нет. Даже воспаления. Сменил мазь и забинтовал все обратно. Затем загнал шотландца умываться.

А сам начал упражняться со своим новым оружием. Согнал с себя семь потов, но результаты радовали. Тело постепенно начинало подчиняться. Новой эспадой... не совсем, конечно, эспадой, но буду это оружие называть так, тоже остался доволен. Тут в основном оперируют

⁷⁴ Сарацины – устар. название, употреблявшееся в Средние века на Западе по отношению ко всем арабам и мусульманам.

⁷⁵ Аркебуза – гладкоствольное дульнозарядное фитильное ружье. Изобретено в 1379 г. в Германии. В XV в. аркебуза трансформировалась в ручное огнестрельное оружие. Калибр около 20 мм. Приклад изогнутый, при стрельбе брали под мышку.

тяжелыми мечами, и моей старой эспадой парировать такие удары сложновато, можно сломать. А этим клинком – вполне.

Сбрил кинжалом бородку, затем позавтракали хлебом и сыром, больше было нечем: вчерашнююстряпню вечером сожрали подчистую.

Потом погнал Тука драить котелок. А что? Работа посильная, не кирпичи же заставляю носить.

Решил твердо провести на этом месте еще один день, пускай ажиотаж, связанный с моей персоной, уляжется. Завтра, помолясь, двинемся в путь, да и Тук, надеюсь, уже нормально в седле будет сидеть.

Возник вопрос времяпрепровождения, и я взялся за арбалет. Ну, в самом же деле, шотландец стреляет как Вильгельм Телль, а я? Два раза выстрелил – и мимо. Позор. Будем учиться.

Рассмотрел, что болты, доставшиеся от де Граммона, – разные. Тул был разделен перегородкой пополам.

Вытащил болт с деревянным оперением, окрашенным в черный цвет. Наконечник четырехгранный, с коротким острием. Между гранями поверхность плоская. А вот из другого отделения: у болта оперение красное, и наконечник уже трехгранный, более вытянутый. Между гранями утопленные полукруглые пазы, и весь наконечник закручен в одновитковую спираль.

– Тук, для чего этот болт? – показал я его шотландцу.

– О... ваша милость, это дорогой. Виретоне называется. Такие делают дойчи. У нас их по одному су за пару продают. Зато дальнобойные... Смотрите – у него и оперение под спираль идет. При полете болт закручивается и летит дальше и точнее. Даже на излете может пробить кольчугу или гамбизон. Болт как бы ввинчивается в тело. Если слабая защита, может и насквозь прошибить. Приберегите их.

– А как он по доспеху? Мой готический пробьет?

– Нет, видите – острие вытянутое. Согнется или сломается. По броне лучше вот этими, более тупыми. Но есть и виретоны по броне: такими, кажется, как раз доспех и испытывают. Потом соответствующее клеймо на нем ставят.

Ты смотри... Идея нарезов в зачаточном состоянии. Побережем.

Пересчитал дорогие болты и стал практиковаться обычными. И практиковался практически целый день, к вечеру уже уверенно поражая мишень... Ну, почти уверенно. Еще обязал себя при первой возможности найти мастера потолковей и объяснить, как сделать на арбалет нормальный приклад и целик. Уверен, что меткость моя при этом повысится в разы... Привычней все-таки, чем под мышкой крюк, изображающий приклад, держать.

Так, с перерывом на обед и попутным изучением католических молитв, прошел день.

Вечером опять плотно перекусили и выпили немного винца. Хорошенько выспались и с раннего утра, как и планировали, отправились в путь.

Сны, кстати, в эту ночь мне не снились.

Когда солнце переместилось в зенит, выбрались из пуши. Лес пошел реже, причем почему-то даже без хвороста и кустарника. Какой-то слишком культурный лес. Тук подсказал, что хворост пособирали местные вилланы⁷⁶: за пиратскую порубку деревьев их беззастенчиво вешали.

Еще пару часов – и выбрались на лесную дорогу, больше похожую на тропинку.

А еще через час на горизонте увидели легкие дымки. Это был Лектур. То есть то, что осталось от города.

⁷⁶ Вилланы – категория феодально зависимого западноевропейского крестьянства в Средневековье. Отличались от сервов, как крепостные крестьяне от холопов на Руси. Имели право перехода от одного сеньора к другому, свободу брака и наследования имущества.

Взяли правее, собираясь его объехать, и наткнулись на первую деревню. Дотла разоренную деревню. Разлагающиеся трупы тягали по улице собаки, все близлежащие деревья усеяли облепленные вороньем повешенные вилланы... или сервы⁷⁷... сейчас уже не разберешь. Да и просто не разберешь.

Я даже прищпорил Родена, стараясь быстрее проехать этот ужас, вполне достойный кисти Иеронима Босха.

За что? Понятно, папаша получил свое из-за вражды с Всемирным Пауком, а их-то зачем? Ну заберите все, ограбьте, изнасиуйте, но жизнь-то оставьте, какая польза от мертвых вилланов? Не понимаю бессмысленной жестокости.

– Тук.

– Да, ваша милость.

– Неужели это сделали солдаты? Смысл-то в этом какой? Деревенька же все равно кому-нибудь достанется во владение. А так – что с них уже взять?

– Это не солдаты, ваша милость.

– А кто?

– Наемники. Рутьеры⁷⁸. Руа франков всегда пользуется их услугами. Дешевле, чем содержать регулярные части. Да и кабальеро после обязательных сорока дней службы приходится платить. А он умеет считать денежку.

– Кто такие рутьеры? – Я порылся в своей памяти и не нашел определения этому слову.

– Наемники. Их сейчас по-разному называют: компаньоны, бригады, живодеры, но я предпочитаю их звать рутьерами. Они страшные люди. Сброд разных национальностей. Считают себя семьей. Станные у них обычаи: поговаривают, что они поголовно еретики и поклоняются сатане. Живых вообще не оставляют. Но воюют крепко. На них всегда спрос есть. Это, скорее всего, они и сделали. Их почерк, – Тук показал на повешенные вверх ногами трупы, – видите – у всех животы вспороты. Они, как пить дать они.

– А как руа на это реагирует?

– Как будто вы не знаете, монсьор. Ему все равно; правда, в последнее время поговаривают, что их преследуют за зверства.

– Тьфу... урод и уроды... – Не смотрел на трупы, пока мы не проехали деревню.

Что я еще могу сказать? Тут впору завопить по примеру классика: «О времена, о нравы...» Только от этого легче не становится. А в современные времена Европа удумала учить нас, темных славян, демократии и толерантности. Еще раз тьфу...

Пошли поля, заброшенные и вытоптанные, а кое-где даже сожженные. Скорее всего, специально. Похоже, Паук решил помимо моего папеньки наказать и его народ. Паны дерутся, а у холопов чубы трещат. Издержки войны, а она, зараза, гуманной не бывает... М-да, чего-то я расчувствовался, пора завязывать.

Дал размяться Родену, перейдя на галоп. Жеребец с удовольствием поддал – и скоро деревня и поля скрылись позади.

Дорога была абсолютно пустынной, только изредка перелетали громадные стаи ворон, торопясь успеть к пиршеству, организованному для них армией Паука. Ни дна тебе, ни покрывки, урод...

– Тук.

– Да, монсьор.

– Что у нас с конями, перековывать не надо? – поинтересовался у шотландца, прекрасно зная, что пока не надо.

⁷⁷ Сервы (от *лат. servus* – раб) – рабы, полностью подчиненные своему сеньору и служащие в усадьбе или замке феодала. Находились в личной, поземельной и судебной зависимости от сеньора.

⁷⁸ Рутьеры – одно из названий наемных отрядов в Средневековье.

Просто надоело молчать.

– Да нет, монсьор... Все вроде в порядке, я лошадок осмотрел.

– Да?.. А ты как себя чувствуешь?

– Хорошо, монсьор. На мне как на собаке заживает. – Тук похлопал по груди. Доспехи я ему запретил надевать, а то он на радостях собирался натянуть кольчугу с кирасой, и теперь шотландец ехал в одном колете.

– Ладно... Если что – говори, остановимся, посмотрю твои раны.

– Все в порядке, монсьор.

– Да что ты заладил: монсьор да монсьор... О, смотри, кого это несет? – Я заметил группку людей на дороге.

Впереди шел странной дергающейся походкой какой-то мужик, а за ним тянулась маленькая толпа.

– Не знаю... – Тук приложил руку козырьком ко лбу, прикрываясь от солнца. – Оружия вроде нет. Может, паломники?

– Тебе видней... Наготове, если что, будь...

Странная процессия приблизилась, и я рассмотрел людей подробнее. Впереди шел обнаженный по пояс мужик, что-то уныло и однообразно распевая на латыни, и в ритм лупил себя по спине плетью. Компания из десяти человек, идущая за ним, в точности повторяла его движения и тоже завывала, добавляя громкости в момент ударов.

– Ochrenetj... – только и смог сказать.

Мужики реально себя лупили. Ни о какой имитации и речи не было. На хвостах плеток блестели маленькие гвоздики, при каждом ударе врезающиеся в тело. Кровь текла ручьями, но странную процессию это не останавливало.

Поравнявшись с нами, предводитель выкрикнул короткую команду и вместе со своими спутниками упал на дорогу. Причем все попадали в разных позах. Некоторые на спину, некоторые на живот. Пара мужиков, лежа на боку, замерла в младенческой позе, еще несколько прижимали пальцы к губам, один вообще загнулся в позе, связанной с упоминанием одного популярного ракообразного.

Полежав несколько секунд, главный опять рывкнул команду, все повскакивали и, перестав себя бичевать, побрели дальше, оставив меня в величайшем охренении.

– Тук, что это было? – поинтересовался я у скалившего зубы шотландца.

– Флагелланты⁷⁹, монсьор.

– А подробней?

– Последователи францисканца Антония Падуанского. Искупают грехи, уязвляя плоть свою. – Тук небрежно махнул в сторону странной процессии.

– А чего на землю падали?

– А они всегда так. Те, кто на пузо падали, – прелюбодеи, на спину – вроде убийцы...

– А те, что пальцы к губам прижимали, что-то лишнее сболтнули? – догадался я.

– Что-то вроде. Клятвопреступники, скорее всего. Тот, что загнулся, наверное, содомит. Раньше церковь приветствовала их аскезу⁸⁰, а сейчас не одобряет. Почитает за сектантов, но и не препятствует. Станные люди, монсьор. Питаются только хлебом, водой и злаками, спят только на соломе. Женщин к себе на арбалетный выстрел не подпускают.

– С женщинами – это да... – Упоминание женщин вызвало у моего организма уже обещающую стать постоянной определенной реакцию.

⁷⁹ Флагеллантство – движение «бичующихся» (от *лат.* flagellum – бич, кнут). Возникло в XIII в. Флагелланты в качестве одного из средств умерщвления плоти использовали самобичевание, которое могло быть как публичным, так и келейным.

⁸⁰ Аскеза – преднамеренное самоограничение, порой включающее самоистязание, с целью достичь высоких духовных целей.

Вот напасть... Хоть Тука дери. Тьфу ты, нечистый... всякая хрень в голову лезет. Я разозлился.

– А ты чего зубы скалишь, скотина. Люди грехи свои искупают, а ты ржешь. Как дам по башке! А еще бывший монах...

– Нельзя меня по башке, монсьор, – Тук улыбнулся, – я геройски раненный при защите вашей милости. Рука у вас не поднимется.

– Еще как поднимется. Ладно, proechali...

– А на каком это языке вы говорите, ваша милость? – осторожненько поинтересовался Тук. – Что-то очень знакомое.

– А ты что, языкам обучен? – Я не ответил на его вопрос.

Вряд ли он подозревает о русском языке. А врать не хотелось.

– Ну да... Гельское⁸¹, ну то есть родное свое скоттское наречие знаю, франков понимаю, окситанский⁸², васконский⁸³, латынь... – Тук запнулся. – Почти знаю. Немного на языке дойчей говорю.

– Это... Это русский язык. Был у меня один... один соратник, научил.

– А-а... русы... знаю. Я понял, о каких вы русах, монсьор. То есть языка их я не знаю, но про русов слышал. Хорошие воины, говорят. Но сам их никогда не видел.

– Это они могли, – согласился я.

Вот бы повстречать земляков... Да нет их здесь.

– А что, в этих местах их совсем нет?

– Нет, ваша милость. Разве что у сарацинов в рабах встречаются.

– А ты еще каких-то русов знаешь?

– Конечно, монсьор, переписывал я как-то карту. Так вот, есть русы из Русильона, что в Провансе, есть из княжества Русланд, что в герцогстве Австрийском. Какие еще... Вот русы из Венгерского королевства. Или с юга Ютланда⁸⁴ еще, из графства Шверинского и знаю, что есть русы с Арконы, что на острове Руян⁸⁵ в Варяжском море⁸⁶, но те – закоренелые язычники. Вот.

– Ничего себе... – тихонько пробормотал я.

Ого, сколько русов. Но эти все не те, я о других. Поинтересовался у Тука:

– Я не о тех, что ты упомянул. Я о литовских, московских и новгородских русах. О них что-то знаешь?

– Что вам сказал, и все. Других на карте не было.

– Тогда – неуч ты. Эти самые главные, – вынес я приговор Туку.

– Как скажете, монсьор.

Я почитывал некоторых псевдоисториков и борзых писателей, которые расписывали, как русские витязи колесили по средневековой Европе и в крестовые походы запросто ходили, но честно говоря, сомневаюсь, что это так и было. Разве что отдельные экземпляры, да и то совершенно случайным способом. Врут товарищи безбожно или передергивают. Некоторые из них и современных итальянцев к русскому народу причисляют, мотивируя словом «этруски». Ага... русские, однозначно. А Атлантида – ваще хохлы!

⁸¹ Гельский язык – основной шотландский диалект.

⁸² Окситанский язык, окситан – провансальский язык, каталонский язык, лангедок – относится к романской группе языков. Язык коренного населения Окситании – юга Франции, и ряда сопредельных районов Испании и Италии. В Средние века был языком законодательства и юриспруденции, на нем создана богатая литература.

⁸³ Васконский язык (Эускара) – общий для гасконцев и басков язык.

⁸⁴ Ютланд (полуостров Ютландия) – будущая земля Шлезвиг-Гольштейн в ФРГ.

⁸⁵ Остров Руян – остров в Варяжском (древнее название Балтийского моря) море. Реально существующий прообраз острова Буян из славянских преданий и сказок.

⁸⁶ Варяжское море – Балтийское море.

Нет, а все-таки кто сейчас на Руси правит? М-да... История – явно не мой конек. Иван какой-то там, скорее всего. Может, даже и Грозный... или Калита... Нет, не знаю. Вот будет номер, если встречу какого-нибудь витязя Добромысла Никитича. А что, была же княжна Анна Ярославовна королевой франков – Анной Русской, в какие-то совсем древние времена. Мог и витязь забрести. Ладно, встречу – познакомлюсь, а пока о другом голова болит.

– Тук, есть хочешь?

– И пить, монсьор, тоже!

– Я тоже не против. Ищи место...

– Подождите, ваша милость... впереди опять кто-то есть. – Глазастый Тук кого-то рассмотрел впереди на дороге. – Повозка и солдаты, кажись.

Этого еще не хватало... Хотя добраться до замка и никого не встретить – надеяться не стоит однозначно.

Действительно, примерно в паре сотен метров от нас, впереди на дороге стоял какой-то возок и несколько фигур рядом с ним.

– Тук... ты, если что, в схватку не лезь. Заряди арбалет и воюй с расстояния. Понял?

– Понял, монсьор... а если...

– Я те дам «если». Я приказал, ты исполняешь.

Подъехали поближе.

М-да... Сегодня какой-то день знакомства со средневековыми реалиями. Если попаду назад, историки на части порвут как особо ценного очевидца.

На дороге стоял возок с закрепленной на нем железной клеткой. Именно такой, какую частенько можно было увидеть в фильмах про инквизицию. А в клетке сидела на корточках маленькая хрупкая женщина в грубой холщовой рубашке и кожаном, глухом колпаке на голове. Я даже засомневался, женщина ли она вообще, смахивала фигуркой больше на мальчика, но кое-какие выпуклости все-таки рассмотрел. Девушку заковали в ручные и ножные кандалы и вдобавок приклепали цепью к самой клетке.

Лошаденка, что везла возок, лежала на боку рядом с ним, без особого успеха делая слабые попытки встать на ноги. Жалобно всхрапывала и вообще выглядела довольно печально.

Три мужичка, в шапелях, гамбизонах и с алебардами, сидели безучастно на обочине, а вокруг возка метался упитанный монах-францисканец и осыпал проклятиями попеременно девушку, лошадку и стражников. В разной последовательности.

Как бы все понятно, даже мне, неискушенному в местных реалиях. В возке ведьма, кто еще может быть; знаем, в кино видели, так их и возили. Мечется достойный представитель инквизиции, а мужики с алебардами – стражники. Картина налицо. Как интересно... А ведьма хоть настоящая?

Честно говоря, я в них верю. Жена моя бывшая и мамаша ее особенно – самые настоящие ведьмы. Шучу, конечно, но в ведьм верю. Были, знаете, прецеденты.

– Тук, это я все правильно понял?

– Да, ваша милость... ведьма, спаси меня господи... – Шотландец с испуганным лицом часто крестился. – Видите, она и лошадь утомила. Не хочет на судилище ехать.

– На герб глянь. Откуда стражники?

– Да кто его знает... отсюда не видно. Кажись, из Флеранса... давайте мы их объедем... или вообще в лесу переждем. Мы же перекусить собирались... – Тук говорил шепотом, как будто нас могли услышать.

И видно было, что он действительно боится, только я не понимаю: чего?

– Экий ты трус... ничего не бойся. – Я направил жеребца к повозке. – На меня колдовство не действует, и на тебя, как моего эскудера, соответственно. Не трясись, по шее дам.

По мере нашего продвижения стали доноситься хулильные вопли.

– ...бездельники, сделайте же что-нибудь!.. – вопил монах стражникам.

– А что мы можем сделать? Мы вам, фра Бонифаций, сразу говорили: лошадь не справная, надорванная, помрет по дороге, а вы и слышать не хотели... – бубнили стражники в ответ.

– Вот я на вас жалобу великому инквизитору напишу... – грозился фра Бонифаций.

– Да пишите куда хотите, падре, мы тут при чем?.. Может, это она лошаденку погубила, – вяло отбивались стражники.

– Ничего... вот доберемся до Тулузы... там живо тебе шкуру спустят, отродье дьяво-
лово... – перешел монах к ведьме.

– А не хочешь напоследок, монашек, тела женского, горячего попробовать, а? Так я тебе дам... – отвечал приглушенный колпаком язвительный молодой голос. – Воспользуйся, а то рассержусь и вообще мужской силы лишу...

– Изыди, сатана, не вводи во искушение, – забубнил монах, истово крестясь.

– Ага... испугался... Ты потрогай меня за грудь... упругая, красивая; небось каждую ночь прелести женские снятся... А грех сла-а-адок, не бойся, монашек...

– Господи, избавь меня от лукавого... – Монах отбежал от возка на десяток шагов, заметил нас и шикнул на стражников, призывая встать.

– Что здесь происходит, святой отец? – как можно равнодушнее поинтересовался я.

– А с кем имею честь разговаривать? – подозрительно уставился на меня маленькими глазками францисканец.

– Я шевалье де Сегюр. Поубавь прыти, францисканец. Тон мне твой дерзостный не нравится, монах; может, научить тебя вежливости? – для порядка рыкнул я.

А то будет тут каждый встречный и поперечный с благородным кабальеро на повышенных тонах беседовать. Непорядок.

– Не грозись, кабальеро! – взвизгнул монах. – По поручению я действую епископа Тулузского. Доставляю ведьму и блудницу Марианну из Флеранса на разбирательство святейшего инквизитора Аквитании, Гаскони и Прованса. Данный случай требует его личного рассмотрения, и ты, кабальеро, должен мне оказать содействие.

– Что ты там лопочешь, жирный хряк? – немного разозлился я оттого, что не знаю, насколько он мне может что-то там указывать.

Интересно, какое отношение ко мне имеют инквизиторы и всякие епископы. Они власть церковная, а я... В общем, непонятно... С инквизицией в любом случае шутки плохи, но и прогибаться под этого борова не хочется. А верещит скотина – как под кастрацию идет.

– Да как ты смеешь, у меня есть грамота... – Монах выхватил из сумки кожаный футляр и случайно ударил им Родена по морде...

Вот ей-богу: я не хотел такого развития событий. Какое мне дело до этого францисканца, стражников и их подопечной ведьмы? Правильно, никакого. Может, она действительно ведьма. Ехал себе и ехал. Тук вон... вообще предлагал свернуть перекусить. А так...

Роден справедливо возмутился, встал на дыбы и лягнул францисканца передними копытами. Представьте себе удар копытом боевого коня весом чуть ли не с тонну. Причем правое копыто угодило монаху точно в лоб.

Я, конечно, мог это предотвратить, но не успел... не великий мастер в верховой езде, во-первых, а во-вторых... не захотел. Больно уж монах противный.

Францисканца откинуло в сторону, шмякнуло об повозку, по которой он и сполз на землю в бессознательном состоянии. Жирное лицо залило кровью. Ведьма как будто увидела, что случилось, и визгливо расхохоталась.

Стражники привстали, но, увидев в руках Тука арбалет, живенько сели на место. Один, видимо старший среди них, даже примирительно поднял руки.

– Вы видели, что оный монах совершил предерзостный поступок, но моя рука его так и не коснулась?.. – поинтересовался я у стражников, положив руку на эфес эспады.

– Видели, ваша милость. Совершенно предрезостный поступок совершил фра Бонифаций. Видно, ведьма ему разум помутила, – с готовностью согласились и даже немного подкорректировали версию события стражники.

– Подтвердите при необходимости? – Я нащупал в мошине три серебряные монеты и кинул их стражникам.

– А как же, ваша милость. Вот вернемся назад в Флеранс и сразу подтвердим, – чуть ли не в пояс поклонился старший.

– Вот и отлично. – Настроение начало понемногу подниматься.

Да и монах остался, вопреки моим опасениям, в живых. Стражники снесли Бонифация с дороги и, оборвав подол его же сутаны, перевязывали ему голову.

Францисканец постанывал, но пока в себя приходить не собирался.

– Кабальеро... кабальеро... подойди... – От неожиданности я чуть не подпрыгнул.

Звала меня ведьма.

– Ваша милость... – предостерегающе прошипел Тук, но я, ведомый непонятной силой, спешился и подошел к клетке.

– Что ты хотела, ведьма?

– Сильный... сильный... могучий мужчина... – прошептала ведьма. – Почему ты не боишься меня?

– Ты действительно ведьма?

– Да, – обыденно ответила девушка.

– Почему ты не запираешься? Ты же знаешь, что с тобой сделают.

– Буду запираюсь – сделаю себе только хуже, – пожала плечиками ведьма. – Спасибо тебе.

– За что? Я же тебе не помог... и не помогу.

– Не надо... меня не сожгут... нас сейчас мало жгут, все катарам... все катарам, потом, позже... позже будет страшно... – как в трансе забормотала девушка и вдруг пронзительно запричитала: – Тебя двое... вас двое... его двое. Один наш, другой не наш. Один добрый, второй злой. Одному будет плохо, второму никак... Нельзя тебе быть добрым, нельзя злым... ступай своей дорогой и найдешь их. Одного уже потерял... второго потеряешь... иди, спеши... все равно успеешь и не успеешь...

– Ваша милость... Монсьор, да очнитесь вы...

– ...две... две отметины князя на тебе... одна на одном, другая на другом... он вас примет, они тебя примут... поделись кровью... поделись силой... спасешь одну, одного, всех... Да-а-ай си-и-илу!!! – Странные, непонятные слова заворачивались вокруг меня коконом и уносили в темноту.

Вдруг сильный толчок выбил меня из круговорота, и я с удивлением обнаружил, что меня тащит за шиворот шотландец подальше от возка.

– Он мо-о-ой! – страшно взвизгнула ведьма и забилась в конвульсиях, сотрясая клетку.

Два стражника бросили монаха и, подскочив к возку, стали бить ведьму тупыми концами алебард. Старший подошел ко мне и участливо посоветовал:

– Ехали бы вы, ваша милость... Не надо вам тут находиться, она так нашего капитана сгубила... Как бог есть, начисто сгубила: высох весь и за седмицу помер.

– Так она настоящая ведьма? – изумленно пробормотал я.

– А какая же еще, – ухмыльнулся стражник, – самая что ни на есть. Езжайте, сейчас фра Бонифаций очнется, вопросы начнет задавать. Оно вам надо?

Как в тумане добрел до рвущегося с повода и хрипевшего Родена, вскарабкался в седло, рванул галопом с места и смог остановиться, только проскакав с километр.

У меня никак не получалось распутать завязки сумки и достать флягу. Казалось, если я срочно не выпью пару глотков вина, помру на месте. Руки било крупной дрожью, состояние было таким, как будто я сдал пару литров крови и пробежал потом пару километров на время.

– Тук... дай вина!.. – заорал я подъехавшему шотландцу и спрыгнул с коня.

– Ваша милость, отойдем подальше от дороги... Там перекусим и винца попьем, а вам и полежать не мешает, – уговаривал меня шотландец, как ребенка, увлекая в лес, – да и лошадам следует отдохнуть, вон как жеребца загнали.

– Все... все, я в порядке... – забрал у Тука повод Родена.

Сознание понемногу начало проясняться, но руки продолжали дрожать.

– Тьфу ты, чертовщина...

– Она самая... – согласно кивнул головой шотландец. – Сильная ведьма, очень сильная...

– Расстилай скатерть, – показал я шотландцу на полянку. – Жрать хочу – не могу.

– Сейчас, ваша милость, все сделаю... – Тук привязал коней и засуетился с едой. – Сейчас поедем, выпьем – и полегче станет, тока мне непонятно, монсьор, какого... вы к ней полезли...

– Болтай меньше. – Я прилег на травку и, не дожидаясь, пока шотландец разложит еду, приник к бурдюку. – Фу-у-у... Божья благодать... Вино жизнь возвращает. Вот скажи мне... много здесь ведьм? В Гаскони-то...

– Я это... вторую вижу, хотя на первую односельчане, скорей всего, наговорили... Безобидная старушка была. Но говорят, их много. Я читал много книг. Так там все разложено по полочкам...

– Тьфу ты... – Я впился в кусок хлеба с сыром. – Я думал, это враки...

– Да какие враки, монсьор. – Тук уставился на меня. – Мать наша церковь совершенно определено по этому поводу высказывается. Неужто не верите...

– Верю, шотландец, конечно, верю... – постарался исправить свой промах. – Я о другом... Естественно, церковь наша в своих утверждениях непогрешима. Но, братец... Ты должен понимать, что некоторые слуги церкви используют веру в своих корыстных целях.

– Это как? – Тук ошеломленно застыл с куском мяса, наколотым на кинжал.

– Ты что, тупой? Вот скажи, какого хрена ты из монастыря сбежал?

– Я вам, монсьор, говорил... А-а-а... я понял, о чем вы... Так то не добрые сыны церкви... Ну да, в монастырях процветают пороки, стяжательство и корыстолюбие, сам в таком был... Но какое это имеет отношение к ведьмам?

– Обыкновенное. Могут недобросовестно провести расследование, намеренно не обращать внимания на явный оговор, да много чего могут эти не добрые сыны церкви... Вот я и думал, что... короче, какая разница, что я думал. Верую, истинно верую. Сегодня сам все на своей шкуре испытал... Долбаная ведьма. Что сидишь, вино по кубкам разливай...

– Я знаете как испугался, монсьор, чуть не обмочился... – Тук добавил вина в кубки. – Но потом как-то справился.

– Молодец! – похвалил я Тука и прислушался к своему организму.

Тремор постепенно проходил, слабость тоже... Еда и вино сработали. Это я еще легко отделался. Не будь шотландца рядом, бог знает, что могло случиться. Нет... Твою же душу богу в чашель: настоящая ведьма... Допил вино и налил снова. Омерзительное чувство страха никак не хотело проходить.

Однако, немного подкрепившись, я приказал Туку собираться, и мы опять двинулись в путь. Хотелось убраться как можно дальше отсюда.

Местность так и оставалась практически пустынной; проехали еще одну разграбленную и сожженную деревеньку и только к исходу дня встретили живых людей. Группу монахов-францисканцев, возле небольшой придорожной часовни. Как ни странно, я даже обрадовался, увидев их, щедро одарил милостыней и кое-какой провизией.

Монахи направлялись в Прованс, совершенно случайно сбившись в кучку, и остановились на ночлег возле часовни, которую сейчас понемногу приводили в порядок. Кто-то совершенно загадил ее, именно в буквальном смысле слова, и даже разбил каменную статую святого Варфоломея, чьего имени часовня и была.

Францисканцы по пути совсем обнищали и претерпели немало лишений. Проходящий отряд наемников здорово их поколотил, ограбил и даже смею ради продырявил им сутаны. Так что теперь монахи выглядели довольно живописно.

Меня этот факт здорово удивил. Я всегда считал, что церковь в Средневековье заправляла всем и монахи почти всегда были неприкасаемы (если не считать религиозных войн), чем и пользовались, здорово беспредельничая и угнетая население. Это я о правильных монахах, принадлежащих к правильной конфессии. Сами подумайте, какой идиот в эпоху торжества инквизиции будет связываться с церковью? Живо на костер угодишь. Однако действительность оказалась совсем другой и никак не вписывалась в якобы исторические факты, описываемые некоторыми авторами, особенно советскими.

– Фра Игнатий, а кто эти безбожники, которые так над вами поизгалялись? – поинтересовался я у одного из монахов, улыбчивого крепыша средних лет.

Францисканец сидел на камне рядом со мной и пытался прутиками заделать прорехи в своей сутане.

– Рутьеры, сын мой. Они, безбожники. Прости им Господь их прегрешения... – У монаха синел под глазом здоровенный бланш, на лбу запеклась кровью длинная ссадина, но он выглядел бодро и постоянно улыбался. Такой приятный в общении дядька.

– А опишите мне их.

– Безбожники. – Фра Игнатий опять расплылся в улыбке. – С виду чистые безбожники.

– А серьезно?

– Отряд, человек семьдесят. Поговору я понял, что они фламандцы. В белых, длиной до колена, коттах. Половина арбалетчики, остальные – пикинеры. Вооружены добротнo, почти все в бригантинах⁸⁷ и пехотных саладах. Обоз с ними шел: несколько непотребных девок и разный сомнительный люд... Да, еще... капитан у них приметный. Очень высокий и худой, через все лицо рубленый шрам. В ухе сережка алмазная. Лошадь у него тоже особенная. Настоящий андалузец, как ваш, но белый, без единого пятнышка. Звали его... дай бог памяти... Не жеребца, а капитана... Иоганн. Точно Иоганн. Нас было совсем собрались лишить жизни, но он не разрешил. Правда, как раз он и приказал сутаны нам порвать. Потом уже. Вот и все, что я знаю, сын мой.

– И куда они направлялись? – поинтересовался я у монаха.

Что-то совсем мне не хочется с этими наемниками встречаться, исход этой встречи будет печален в первую очередь для нас.

– Куда – не знаю, сын мой. По этой дороге шли, в том же направлении, что и вы. Получается... нас они встретили вчера вечером... значит, вас, дети мои, они опережают на день пути... Да, на день; может, чуть больше.

М-да... Похоже, и деревеньки – их рук дело. Ну ладно, надеюсь, в густонаселенной местности они беспредельничать не будут. Местные сеньоры за истребление своих кормильцев быстро их на ноль помножат.

– Еще кто-нибудь за это время проезжал?

– Никого, сын мой. Война совсем опустошила эти места, – грустно покачал головой францисканец.

⁸⁷ Бригантина (бриганта) – доспех XIII–XVII вв. из стальных пластин на кожаной или тканевой основе с перекрыванием пластинами краев друг друга. Бригантина с латной защитой конечностей составляла латно-бригантинный доспех. Также существовал кольчужно-бригантинный, шинно-бригантинный и полный бригантинный доспех.

– Спасибо за сведения, святой отец. Можем мы чем-нибудь еще вам помочь?

Монахи были мне симпатичны... Какими-то настоящими мне показались, и хотелось сделать для них как можно больше... В рамках разумного, конечно.

– Нет, сын мой. Вы и так сделали достаточно. Езжайте с Богом, а мы будем за вас молиться. – Фра Игнатий протянул руку для благословения.

Остальные монахи тоже стали осенять нас крестным знамением, кивали головами, показывая, как они будут усердно молиться, и дружно затянули какую-то молитву.

– Ну, все... Божья благодать нам теперь точно обеспечена, – сказал я Туку, отъехав подальше.

– А как же, монсьор, мы благочестивы аки агнцы Божьи... – хохотнул шотландец.

– Не богохульствуй, еретик. А то сейчас сам тебя дубиной благословлю... – беззлобно ругнулся я.

После общения с францисканцами мое гнетущее состояние, оставшееся после ведьмы, как рукой сняло, даже поднялось настроение. Вот и не уверуй после этого... Надо добраться до церкви и заказать обедню «во избавление». М-да, батенька... Совсем ты в религию ударился, а раньше вроде не страдал излишней набожностью.

– Ваша милость, давайте вон за тот холм свернем, там и заночуем. С дороги не видно, да и рощица там с речушкой, – прервал мои размышления Тук и показал рукой на видневшуюся невдалеке рощу. – Если хотите, можем до Монсгарюка добраться, там постоянный двор обязательно должен быть.

– Нет, давай здесь. Вымыться хочу быстрее, ведьма будто излапала меня всего, грязным себя чувствую... – Я чуть пришпорил Родена и свернул с дороги.

На самом деле была еще одна причина, по которой мне не хотелось ночевать в городе. Мы еще находились на землях, принадлежавших семье Арманьяк, и совершенно не хотелось быть вдруг кем-то узанным.

– А я бы не отказался, если меня бабенка половчее соберется полапать, – ухмыльнулся Тук.

– Сейчас я тебя полапаю... Да не шарахайся: повязки-то надо сменить...

Место для ночлега оказалось отличным. Роща из старых ореховых деревьев вся поросла высокой густой травой, и кони с удовольствием за нее принялись, после законной порции овса, конечно.

Осмотрел раны шотландца, но сначала пришлось вскипятить воды и отмочить присохшие бинты. На груди все оказалось нормально, края начали подживать, а вот порез на ноге опять стал кровить. Оно и понятно, он глубже, да и верховая езда не способствует заживлению. По-хорошему бы надо Туку отлежаться минимум неделю и вставать только в сортир с костыликом... Ан нет, не получается. Времени у нас нет... Совсем. Одна надежда на мазь и крепкое здоровье шотландца.

Оставил своего новоявленного эскудерио кашеварить, предварительно заставив вымыть руки и снабдив строжайшими инструкциями, сам полез в реку мыться.

А потом, разойдясь, еще и Родена загнал в реку и хорошенько отдраил.

Пока коня мыл, совершенно неожиданно приметил и вскоре набрал почти полсотни раков. Один в один похожих на современных, правда, необычайно крупных.

Вода как раз закипела, и я недолго думая в два приема отправил весь улов в котел.

Немного побаивался: вдруг французы в эти времена не очень-то жалуют раков, и я в очередной раз присяду в лужу, но все оказалось в порядке. Тук весь изошел от нетерпения, пока добыча сварилась. Сlopали по паре штук, а остальное оставили на десерт, под вино.

Скушали сборный кулешик, отдышались и принялись с толком и расстановкой за вино с раками.

– Фу... куда так жрать... – Я откинулся на седло и распустил пояс. – А ты ешь, не стесняйся, тебе как раненому герою положено. Разрешаю...

– Лопну же, ваша милость... – Тук постепенно начинал набирать жирок и выглядел уже не таким худым, как при нашей первой встрече.

– Не лопнешь. Давай рассказывай, как священник исповедь принимает... – Я старался узнать как можно больше о католической вере, во время маскарада все может пригодиться.

– Монсьор, а зачем вам это? Я заметил, что вы и облачение монашеское из приюта прихватили, – осторожно поинтересовался Тук. – Не поймите меня превратно, я же могу и чего хорошего присоветовать. Зачем вам в монаха переодеваться?

– Догадливый... – Смысла скрывать от Тука свои намерения уже не было. Преданность свою он доказал с лихвой и действительно мог помочь советом. – Ладно... расскажу, подлей вина в кубки. Дело в том, что я хочу попасть в замок Бюзе. Просто так меня туда не пустят, мало того – вероятно, попытаются убить, вот я и решил сменить личину. И не вздумай сейчас пороть чепуху по поводу чести кабальеро и всякую подобную хрень. Для достижения моей цели все способы хороши... Ну, почти все. Против меня никто честно играть не собирается, вот и получают в ответ то же самое, с лихвой.

– И не подумаю, монсьор... – Тук, улыбаясь, покачал головой. – Все хорошо к месту, честь кабальеро в том числе. Это же я вам присоветовал титул и имя сменить. Забыли?

– Не забыл. – В действительности же я совсем упустил из виду, по чьему совету стал де Сегюром.

– Зачем вам в замок? Повидать кого хотите?

– Да. Эти уроды увезли туда жену моего отца. Она на сносях, и если родится мальчик, он будет единственным законным наследником страны Арманьяк. Наследником, который пока не запятнал себя враждой с Пауком. Дядя мой в Бастилии, второго гоняют как зайца и тоже возьмут со дня на день, и формально у Паука есть на это причины, но истинное дело – в землях, он собирается присоединить их к домену короны. А малыш в этих восстаниях не запятнан, и, значит, отбирать у него наследство нет причин. В случае если Паук все-таки это сделает, возмутятся очень многие. Это попрание свобод дворянства. Следовательно, что?

– Мальчик не должен родиться... – Тук покачал головой. – Да... Не зря руа франков Всемирым Пауком прозвали... Но как вы собираетесь вытащить контессу⁸⁸? Это же невозможно в одиночку.

– Не знаю... пока не знаю... Но разведать все я обязан. Пускай даже сгину... Но этот еще не родившийся мальчик – надежда всего нашего рода и единственная возможность нам вернуть свое. Если он благополучно вырастет, то не будет необходимости даже воевать. Мы все сделаем по закону. Паук вернет Арманьяк.

– Ваша милость... – Тук тяжело поднялся и тут же стал передо мной на одно колено. – Это благородная цель. Дело, за которое не стыдно умереть. Я клянусь... клянусь своей жизнью, что пойду за вами до конца, и призываю Господа Бога засвидетельствовать мою клятву. Примите ее, монсьор...

– Я принимаю, Уильям Логан, твою клятву! – Поступок Тука меня немного ошарашил.

Но шотландец говорил с таким пылом и страстью, что я растрогался чуть ли не до слез.

– Встань, братец, и налей нам вина. Вместе мы скрутим голову Пауку, как паршивой курице...

Вечер закончился на отличной ноте. Мы опять наклюкались, допив все вино, и обсудили много важных моментов, о которых я даже не подозревал. Шотландец оказался еще тем хитрецом, и я, ложась спать, был уже гораздо более уверен в успехе своей миссии. Касаемо ее первого этапа. А вот как вытащить Жанну? В общем, пока не знаю... Но вытащу обязательно.

⁸⁸ Контесс (контесса) – графиня, жена конта (графа).

Глава 9

– Базиль, отдай распоряжение сейчас же начинать работу. – Отец сидел в кресле в маленьком кабинете и отдавал распоряжение коренастому горбуну в черных одеждах. – Каким образом перестроить часовню, ты знаешь.

– Не сомневайтесь, ваша светлость. Все будет выполнено точно по вашим указаниям. – Горбун низко поклонился. – Через седмицу работы закончат.

– Я не сомневаюсь, Базиль. В ком угодно, только не в тебе, мой добрый друг. Я знаю, что скоро к замку подойдут войска Паука, но я отдал распоряжение не сопротивляться и сдать его по первому требованию, дабы избежать ненужных жертв и разрушений.

– Я в курсе, ваша светлость; очень мудрое решение. – Горбун опять поклонился. – Разрешите мне идти?

Я сидел рядом с отцом и ловил каждое слово, прекрасно понимая, что опять вижу сон, и боялся даже пошевелиться, чтобы не проснуться.

Как только горбун вышел, отец повернул голову ко мне и сказал:

– ...ваша милость, ваша милость... вставайте. Кто-то сюда едет...

– Все-таки ты зараза, Тук... опять не дал досмотреть. – Открыл глаза и чуть с досады не врезал шотландцу по морде. – Кто там едет? Зачем?

– А я откуда знаю... – Тук на всякий случай немного отодвинулся. – Его пока только слышно, но еще не видно.

Я прислушался... действительно к нам кто-то приближался, пьяно горланя фривольную песенку про беловшвейку Мари и артель лесорубов.

– Ну и чего ты переполошился? Это какой-то пьянчужка... Подожди, подожди... – Я прислушался, голос показался мне очень знакомым. – Туды ж твою в качель! Тук, мигом в кусты – и взять живьем эту скотину...

Я узнал голос! Симон! Сволочь Симон! Симон, сбжавший из приюта и предавший меня и приора Иакова. Ублюдок... Есть все-таки Бог на небе...

На поляну, треща ветками, выехал большой упитанный мул. Верхом на нем сидел мертвецки пьяный Симон, горланил песню и что-то прихлебывал из оплетенной соломой глиняной бутылки.

Увидев лошадей, Симон недоуменно потряс головой и тут же вылетел из седла, выбитый из него мощным ударом. Тук, неслышно появившись из кустов, с одного удара послал бывшего послушника в глубокий нокаут.

– Отличный удар, дружище, теперь вяжи его... Да, и мула тоже не забудь привязать... пригодится, – приказал я Туку, чувствуя, как сердце наливается радостью и одновременно бешеной злобой.

Шотландец спеленал Симона, посадил спиной к дереву, затем плеснул ему водой в лицо.

– А... Что... Зачем... – Симон таращил глаза, ничего не понимая.

– Хватит мычать, скотина. Давай *gasduplyaisya, padla*... – Я приподнял ему голову, просунув под подбородок кинжал. – На какие денежки гуляешь, ублюдок? На тридцать сребреников?

Симон потряс головой и наконец узнал меня, а затем и Тука, поигрывающего мечом.

– А-а-а... Зачем... Не может быть... Ваша милость... – с ужасом завыл бывший послушник и несколько раз подряд громко испортил воздух.

– Тьфу, свинья. Тук, угомони его... только пока не до смерти... – Я отошел в сторону и отвернулся.

Раздался звук сильного удара, затем еще один. Симон взвизгнул и затих. Трясущийся крупной дрожью, с подбитым глазом и расквашенным носом, послушник представлял собой

совсем печальное зрелище, а в довершение ко всему он еще и умудрился обмочиться. Мерзость... тварь, слабоват оказался на расправу. Ну ничего, мы еще даже не начинали...

– Ва... в-ваша мил-л-лость... Не надо!.. Христом Богом молю, не н-надо... – Симон зарыдал, пуская сопли и слюни.

– Ответь мне на один вопрос, сволочь. Зачем?

– Н-не знаю... Бес попутал...

– Как ты меня узнал, сволочь?..

– Видел раньше с вашим батюшкой... и разговор ваш с приором тоже подслуша-а-ал...

Не губите, ваша милость...

– Кому доносил?

– Не-э-э... Н-не знаю... Добежал до лагеря и потребовал у часовых отвести к главным... Привели в палатку, там было много людей... Потом в другой палатке еще один кабальеро... Его все называли Гийомом и бароном... Допросил меня и выдал награду... Обманул, сволочь... Дал всего три золотых франка... Остальное обещал потом, но солдаты вытолкали меня взащей...

– Опиши мне этого барона, – потребовал я.

Скорее всего, это был де Монфокон, которого я знал только по голосу. Барон умудрился сбежать, так и не показав лицо.

Кольнул Симона кинжалом.

– Описывай барона, скотина. Приметы, одежду... Всё.

– Высокий, как вы... Очень смуглый... Глаза как у змеи холодные и под правым старый шра-а-ам... – Симон, недоговорив, опять зарыдал.

– Клянусь апостолом Павлом, я выпущу тебе кишки... – Тук со всей силы двинул послушника эфесом палаша по голове. – Отвечай на вопросы его милости...

– В корацину... В корацину, крытую алым бархатом, был одет... Лицо худое, губы тонкие...

– Цвет волос?

– Черные... черные... до плеч, ваше сиятельство...

– Все, закрой рот...

Я отошел и позвал к себе Тука.

– Мне от него больше ничего не надо. Твои предложения?

– Повесить сволочь! – решительно заявил шотландец. – Только дозволейте, я над ним немного поработаю.

– Пытать? – Немного поколебался: слишком заманчиво было посмотреть на муки уроды, и все-таки я отказался. – Не надо, дружище. Мы не палачи. Тащи веревку...

В очень многих прочитанных мною книгах герои, свершив справедливую месть, долго разглагольствовали на тему того, что отмщение все же не принесло им полного удовлетворения... А мне принесло! Абсолютное и полное удовлетворение!

Когда предатель задержался на веревке, на душе стало очень спокойно и даже радостно. И нечему удивляться, вся моя псевдоцивилизованность испарилась еще в первый день пребывания в этой эпохе, и я не могу сказать, что особо сожалею о ней. Мне все нравится...

С настроением позавтракали и отправились в путь. Спустя несколько часов показался донжон⁸⁹ замка Бюзе.

Приехали.

⁸⁹ Донжон – главная башня в феодальных замках. В отличие от башен на стенах замка, донжон находится внутри крепостных стен. Крепость внутри крепости. Наряду с оборонительной функцией донжоны служили жилищем феодалов.

Замок стоял на высоком холме, немного в стороне от одноименного поселения. Старинный, еще норманнской постройки, он смотрелся величественно и красиво на фоне неба и подавлял своей мощью окружающую местность.

До него оставалась еще почти лига, но мы уже свернули с дороги в лесок. Согласно моему плану, вместо бастарда д'Арманьяка дальше продолжал путь святой отец Фома. Фра Фома из ордена доминиканцев.

Мул, случайно нами приобретенный, оказался кстати, и я, переодевшись в облачение доминиканца, еще раз обговорил с Туком план действий, взгромоздился в седло и двинулся в путь.

Сняв доспехи и оставив оружие, почувствовал себя голым как младенец, не удержался и все-таки прицепил под рясу мизерикорд. Больше для собственного успокоения. Если меня раскроют, не поможет и целый арсенал. Останется только вежливо поздороваться с палачом... и попрощаться.

План был достаточно простым. Тук оставался с лошадьми в лесу, а я проникал в замок, благо повод был достаточно законным. А дальше... дальше только могу догадываться. Разведую обстановку, посчитаю охрану... Нет, даже не буду гадать. Все по обстановке... Экспромтом.

Мул размеренно потрусил по дороге, а я, натянув капюшон поглубже, принялся изучать окрестности.

Страх не было. Вообще. Почему, сам не знаю. Не хочу даже задумываться над этим. После переноса я очень изменился... Даже не так. Попробую сформулировать по-другому. Я очень сильно вжился в свой новый образ. До такой степени, что остаточная эмоциональная связь с прежним обитателем нового тела практически меня в него и превратила. Да, я мыслил как Александр Лемешев, но уже был бастардом д'Арманьяком. Пусть так... жаловаться не собираюсь, да и некому. Еще раз повторюсь – меня все устраивает.

По дороге прошли несколько крестьян, как будто сошедших с картин средневековых художников, несущие на спинах вязанки хвороста. Встретилась довольно симпатичная девушка, погонявшая осла с притороченными корзинами. Все они низко мне кланялись, а я важно их благословлял. Из образа вроде не выпячивался, крестьяне на первый взгляд воспринимали благословения как положено. Девушка даже руку поцеловала. Эх, разложить бы ее прямо на травке и принять обстоятельно, по расширенной программе исповедь... Да нет времени... Ничего. В первом же борделе наверстаю.

Ничего трудного. Подумаешь, святой отец Фома... Надо будет – самого папу римского сыграю. Есть, правда, одно достаточно серьезное несоответствие образу. Тонзура. Выбрасывать ее я наотрез отказался, рассчитывая спрятать шевелюру под капюшоном. Не будут же меня обыскивать и раздевать... Кроме того, Тук пояснил, что это достаточно обычное явление – отсутствие рукотворной лысины у монашей. Должно прокатить...

Жанна де Фуа, я еду за тобой...

Еще раз прислушался к себе – и вдруг, как по мановению волшебной палочки, окружающий пейзаж сменился фруктовым садом... Что за хрень...

Вцепился в луку седла от неожиданности... а оказалось, что я сжимаю подлокотник резного кресла. В недоумении посмотрел вокруг и обнаружил, что нахожусь в цветущем фруктовом саду и сижу в кресле напротив очаровательной девушки со светло-русыми, дивно красивого золотистого оттенка волосами. В кремовом, расшитом жемчугом платье, затянутом золотистым пояском под самой грудью. Треугольный вырез был задрапирован прозрачной тканью, не столько скрывавшей, сколько подчеркивающей очаровательную выемку на груди.

– Магда, я не вижу Фике. Эта несносная собачонка опять куда-то запропастилась. Найди ее, она где-то в саду, – обращалась девушка к пышнотелой женщине в глухом черном платье.

Дождалась, пока женщина с поклоном удалится, и повернула ко мне свою красивую головку.

– Жан, вы необычно молчаливы сегодня. Я требую, чтобы вы начали улыбаться.

– Ваше желание, контесс, для меня закон, – склонил я голову в поклоне.

Каким-то странным образом я говорил и одновременно наблюдал за сценой со стороны. К примеру, видел, что маленькая левретка⁹⁰, которую якобы ищет камеристка Магда, преспокойненько сидит позади моего кресла и никуда сбегать не собирается.

Девушка довольно улыбнулась и кокетливо поправила локоны, выбивающиеся из-под прозрачного покрывала, стянутого на лбу золотой диадемой.

– Мне скучно, Жан: ваш отец постоянно в разъездах и некому даже почитать мне перед сном. Вы же умеете переводить с итальянского на человеческий?

– Да, моя госпожа. – Я опять склонил голову.

– Прекрасно. – Девушка весело и звонко, как колокольчик, рассмеялась. – Вы будете сегодня вечером переводить. Намедни мне прислали из Рима очень интересную книгу, некого Боккаччо...

– Всегда к вашим услугам, контесс...

– Прекрати, Жан. – Девушка притворно рассердилась и топнула ножкой в парчовой туфельке. – Называй меня просто Жанна. Не забывай: я твоя мачеха и ты должен мне повиноваться во всем...

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Я ошеломленно обнаружил, что опять сижу верхом на муле. Даже ущипнул себя... Не сплю; значит, не сон. Что за черт... Открыл флагу, смочил ладонь и протер лицо... Твою же мать, опять проделки бастарда.

Видение поражало своей правдоподобностью и четкостью образов. Я даже разглядел тоненькую пульсирующую голубую венку на высокой грациозной шее девушки...

Стоп! Это же Жанна де Фуа... Три тысячи чертей, она же меня соблазняла! Очень непосредственно и невинно, но соблазняла, и ее усилия нашли отклик. Возбуждение осталось и после видения. Даже вернувшись в реальность, я все еще ее хотел: в паху все скрутило тянущей сладкой болью...

– Да не может же быть... – опять плеснул водой в лицо.

Клятый бастард меня скоро с ума сведет. Сны, видения... прямой путь в дурку... не знаю, есть «желтые дома» в Средневековье или нет. Надо постараться взять себя в руки...

Вдруг впереди на дороге показались клубы пыли, и скоро я различил нескольких всадников, усиленно погонявших лошадей. Немного насторожился, но особого значения не придал. Мало ли кто едет... Я монах, божий человек, что с меня взять?..

Через несколько минут четыре латника осадили разгоряченных коней возле меня и, подняв тучу пыли, загородили мне дорогу. Здоровенный усач в хауберке рыкнул с седла:

– Монах?

– Отец Фома, из общины братьев проповедников, – скромно представился я, стараясь отвечать спокойно и благостно, – следуя в замок Бюзе, к капеллану отцу Варсонофию с письмом от приора Иакова.

– Тебя-то нам и надо, – обрадовался усач. – Следуй за нами, фра Фома, да не отставай, а то прищпорю твоего мула копьём.

– Куда? – выдавил я из себя вопрос.

На такое развитие событий я совсем не рассчитывал. Похоже, экспромты начинаются с самого начала. Ну, хоть голову не рубят и руки не вяжут, уже хорошо...

⁹⁰ Левретка – собака декоративной породы (другие названия – малая итальянская борзая, итальянский грейхаунд). Породы, уходящая корнями в глубокую древность.

– Туда, куда ты и направлялся, монах. В замок. Там тебе все объяснят. Вперед, отче, и поспедай, иначе поедешь кверху задницей, поперек моего седла, – гаркнул усач и, не вдаваясь в долгие объяснения, развернул и пришпорил коня.

М-да... Даже не знаю, что сказать... Воспримем случившееся как данность. Все равно в замок и направляюсь. Вообще-то меня особо никто и не спрашивает...

Четверть часа усиленно погонял мула, стараясь сильно не отставать от латников. Нагло-тался пыли, полностью отбил себе задницу – мул скакал ужасно тряско, – но успел.

Замок вблизи оказался еще величественнее, но, к моему удивлению, не таким большим, как показался сначала. Не очень разбираюсь в фортификации, но это, скорее всего, изначально был бастион, уже впоследствии перестроенный в замок. Четырехугольной формы, по углам башни. Стены высоченные, с большими машикулями⁹¹. Перед подъемным мостом – пара башенок барбакана⁹². Такой замок непросто взять даже правильной осадой, не то что с налету.

Подвесной мост оказался опущен, а крепостные ворота открыты. Герсу⁹³ как раз начали поднимать.

– Шевелись, монах, шевелись... – погонял меня усатый и неожиданно огрел моего мула плетью.

Иоф (я успел назвать своего мула, по примеру Тиля Уленшпигеля, Иофом) жалобно заржал, рванул с места и внес меня в замковый двор, чуть не скинув с седла. Я с трудом остановил бедное животное и спрыгнул на землю, собираясь попросту набить морду наглому латнику, но меня остановил зычный голос:

– Святой отец, не горячитесь. Подойдите ко мне.

Я обернулся и чуть не столкнулся со средних лет рослым кабальеро в золоченой кирасе и щегольском малиновом берете.

– Не тратьте свои усилия попусту, падре. Солдаты грубы по сути своей и недостойны вашего внимания. – Кабальеро слегка поклонился. – Я виконт Гастон дю Леон.

– Отец Фома, из братства отцов проповедников ордена Святого Доминика. – Я сдержанно кивнул, хотя злость продолжала сдавливать горло, и мне все еще очень хотелось прирезать усатого латника. – Потрудитесь объяснить мне, виконт, с какой стати ваши солдаты захватили меня столь бессовестным образом.

– Подождите, святой отец, я вам скоро дам ответы на все ваши вопросы. – И кабальеро отошел к подбежавшему низенькому толстяку в коричневой одежде горожанина.

Я, пользуясь возможностью, прислушался.

– ...ничего не могу... ваша милость... – Толстяк разводил руками и тряс головой так, что его массивный красный нос колыхался, как курдюк овцы на бегу. – Кровотечение... часы сочтены...

– Я прикажу тебя повесить на крепостных воротах, собака... – Виконт в ярости вырвал кинжал из ножен. – Ты же клялся...

– ...плод... нельзя предусмотреть... – Я улавливал только обрывки фраз, но ясно видел, как толстяк в отчаянии бухнулся на колени и попытался обхватить ботфорты виконта.

Аптекарь одним своим видом вызывал омерзение: остроконечная голова, покрытая редким рыжеватым пушком, тоненькие кривые ножки и как противовес выпирающему брюху – обширный рыхлый бабский зад.

Вдруг очень захотелось, чтобы кабальеро с размаха двинул его сапогом в морду...

– Оставьте его, Гастон... – Во дворе появился новый персонаж.

⁹¹ Машикули – навесные бойницы, расположенные в верхней части крепостных стен и башен, предназначенные главным образом для вертикального обстрела штурмующего стены противника, забрасывания его камнями и т. п.

⁹² Барбакан – фортификационное сооружение, предназначенное для дополнительной защиты входа в крепость.

⁹³ Герса – опускаемая решетка в крепостных воротах. Подъем и спуск герсы производятся канатной системой с помощью противовесов.

Еще один кабальеро, только в алой корацине. Худой, с наглым презрительным выражением на лице. Он был уже здорово навеселе и продолжал вливать в себя вино из глиняной бутылки. Кабальеро рыгнул, покачнулся и выдал глумливым тоном:

– Этому ублюдку и подстилке Арманьяков самое место в аду... Так что аптекарь сотворил благое дело, отправив их туда разом.

– Еще одно ваше слово, барон Гийом де Монфокон, и мы скрестим клинки! – Лицо дю Леона исказилось от ярости. – Потрудитесь уйти, я приказываю вам как сенешаль⁹⁴ округа.

Барон! Де Монфокон! Рядом! Стоит сделать всего несколько шагов и всадить клинок чуть выше горжета...

Рука сама потянулась под сутану за мизерикордом, и только диким усилием воли я смог ее остановить.

– Ладно, ладно, Гастон... уже ухожу... – миролюбиво забормотал барон, но я заметил, как блеснули ненавистью его глаза. – Право слово, не стоит нам ссориться... одно же дело делаем...

Де Монфокон развернулся и, пошатываясь, скрылся в пристройке к донжону.

– Итак, фра Фома, – кабальеро обернулся ко мне, – насколько я понял из объяснения сержанта, вы сами следовали в замок. С какой целью?

– У меня письмо к отцу Варсонофию, вашему капеллану. – Я достал письмо и показал его дю Леону. – Письмо от приора нашего ордена.

– М-да... Воистину удачайшее и одновременно нелепейшее совпадение... – Кабальеро озадаченно повел головой.

– Я жду ваших объяснений, виконт, и если их не последует, о случившемся будет извещен генерал нашего ордена, – едва сдерживая себя, сквозь зубы процедил я.

На самом деле по обрывкам разговора я уже примерно понял, что случилось, но все равно гнал свои догадки прочь, боясь, что случилось непоправимое.

– Отец Варсонофий в результате нелепейшего случая умер, – досадливо кривясь, объяснил виконт. – Он, будучи под воздействием горячительных напитков, упал со стены замка. Так что вы не сможете выполнить свою миссию. Однако нам необходимы ваши услуги, святой отец.

– Что вы от меня хотите?

– Вы просто исполните свой долг. Примете исповедь от одной особы и отпустите ей грехи... Увы, к моему величайшему сожалению и не по моей воле, эта особа сейчас при смерти. Если Господь не явит чудо, то вам еще придется совершить погребальный ритуал.

– Ведите... – не стал я тратить время на лишние разговоры.

Не было больше никаких сомнений... Эти твари меня опередили... Видит бог, я отомщу, отомщу так, что содрогнутся небеса...

Поднялись по винтовой лестнице на самый верх башни. Виконт открыл маленькую дверцу и жестом руки приказал удалиться аптекарю, успевшему забежать в комнатку впереди нас и теперь демонстрирующему показное усердие, сидя на скамеечке и щупая пульс у смертельно бледной женщины, лежащей на кровати.

– Контесс, – виконт поклонился, – я выполнил ваше желание и свой долг христианина. Священник со мной.

Женщина... скорее, девушка лежала без движения с закрытыми глазами, разметав по подушке веером золотистые волосы. Она попыталась что-то сказать, едва пошевелив начавшими синеть губами, но не смогла и только чуть кивнула головой.

У меня все поплыло перед глазами...

⁹⁴ Сенешаль – судебный чиновник, исполнявший в Южной Франции обязанности, которые на Севере возлагали на бальи: вершить суд и возглавлять администрацию, ведать военными вопросами и управлять финансами определенного региона, носившего название сенешальства.

– Жан... Жан... Жан... – Девушка крепко сжала бедра и, ускоряясь, принялась скакать, как дикая амазонка на необъезженном жеребце, размахивая головой и хлеща меня по лицу спутанной гривой волос. Разогнавшись до невероятного темпа, она вдруг хрипло вскрикнула и, содрогнувшись, упала мне на грудь.

На несколько секунд замерла и откатилась в сторону. Я убрал прядь волос с ее покрытого испариной лба и поцеловал в губы.

– Я тебя люблю, Жанна... и всегда любил...

– Я знаю... – Девушка торжествующе улыбнулась и укусила меня за губу. – Ты гораздо лучше, чем твой отец...

– Не говори так...

– Но это правда... – Жанна опять вскарабкалась на меня. – Надо повторить, милый. Я хочу быть уверена, что зачала...

– Жанна! Не усугубляй наш грех...

– Молчи. – Девушка прижала пальчик к моим губам. – Я все делаю правильно. Роду Арманьяк нужен наследник. Мое предназначение – родить Арманьяка, и я его рожу в положенный срок, наперекор всему. А если один Арманьяк должен в этом деле помочь другому Арманьяку, то так решил Господь. Я молилась, и мне было откровение. Но... Жан... я делаю это с удовольствием, так как тоже полюбила тебя...

Сознание внезапно вернулось, и я опять увидел комнатку с ободранными стенами, едва прикрытыми ветхими гобеленами, грубую кровать и Жанну...

Мою Жанну...

– Выйдите все, – взвыл я, стараясь не потерять сознание от всего произошедшего.

– Я не могу их оставить наедине. – В комнатку ввалился де Монфокон. – У меня на этот счет есть совершенно ясные приказы.

– Вы мне мешаете совершать церковное таинство. Вы же прекрасно знаете, что я должен остаться наедине с этой женщиной, и свидетелем исповеди может быть только Господь Бог! – Я чуть не вцепился барону в глотку, наяву почувствовав, как поддаются под моими пальцами его шейные позвонки.

– Хватит блеять, монашек, приступай к делу, иначе эта сука помрет без причастия. Меня вынесут из этой комнаты только мертвым. – Монфокон гнусно рассмеялся и влил в себя еще вина из бутылки.

– Барон, вы недостойны носить золотые шпоры. – Гастон дю Леон сделал шаг вперед и швырнул свою перчатку к ногам де Монфокона. – Имею честь сегодня в час пополудни скрестить с вами клинки.

– Ну что же. Я с удовольствием снесу вам голову, виконт... Нет, скорее всего, я пожалею вас. Голову вам снесет палач за измену. – Лицо барона исказила злобная гримаса, и он зловеще расхохотался. – Но это будет чуть позже. Пока эту суку не исповедуют, я не выйду из этой комнаты.

Я остановил дю Леона, потянувшего из ножен рапиру.

– Да будет так, виконт. Я совершу должное, даже в присутствии этого кабальера. Вы же с аптекарем должны покинуть нас.

– Не забудь, барон! Ровно в час пополудни, возле замковой часовни! – Виконт круто развернулся и, таща за шиворот аптекаря, скрылся за дверью.

Я подошел к двери и задвинул тяжелый засов, затем вернулся и присел рядом с постелью. Барон как раз отвернулся, собираясь подвинуть стул поближе к нам, и мне без помех удалось достать мизерикорд и спрятать его в широком рукаве сутаны.

Собой в этот момент я не руководил, разумом и телом полностью завладел бастард д'Арманьяк. Почему так произошло? Не знаю... хотя догадываюсь. Да и плевать. Плевать на все. Я сейчас хочу только одного. Вырвать жизнь из этого ублюдка.

Встал и, сделав быстрый шаг к барону, всадил ему клинок туда, куда и намеревался во дворе. Чуть повыше горжета, под самый подбородок.

Легкий хруст...

Выпяченные в недоумении глаза де Монфокона...

Горячая струя крови, ударившая мне в руку...

Удар оказался верным, мизерикорд пробил сонную артерию и трахею. Барон пытался закричать, но синеющие губы извергли только легкое сипение. У него подогнулись ноги, и я, подхватив тело, мягко опустил его на ковер.

Присел возле него и откинул капюшон:

– Знай, собака, тебя убил Божьей милостью конт Жан Шестой д'Арманьяк, отомстив за всю свою семью...

Барон стекленеющими глазами уставился на меня, попытался протянуть руку, что-то прохрипел, но в тот же момент его тело дернулось в страшной конвульсии, и через несколько секунд де Монфокон испустил дух.

– Тварь... – Я плюнул на тело.

– Ты отомстил за меня и за своего сына, Жан... – раздался позади меня зловеющий шепот.

Обернулся и увидел, как Жанна де Фуа приподнялась на постели...

– Жанна! – бросился я к ней.

Смысл сказанного молнией пронзил мое сознание.

– Ты пришел за нами, Жан, я верила... – Девушка обмякла в моих руках. – Они убили нашего мальчика. Заставили меня выпить зелье, и случился выкидыш. Это он, он заставил меня выпить... – Жанна указала тонким пальчиком на тело Монфокона.

– Он уже в аду... – постарался я ее успокоить.

– Мальчик... был мальчик, совсем уже большой... Я должна была родить тебе сына... Я ухожу к нему, Жан... – Лицо Жанны исказилось в предсмертных судорогах. – Я ни о чем не жалею, любимый... Прости...

Девушка сильно дернулась и обмякла.

– Отпускаю тебе все грехи, сестра моя, покойся с миром... – Я перекрестил ее тело и закрыл покрывалом лицо.

Потом прочитал молитву, которую откуда-то знал. Чувствовал себя полностью опустошенным, по лицу лились слезы, но мысли были четкими и ясными.

Как же так?

Почему меня заполняет щемящая тоска, а из глаз сами по себе катятся слезы?..

Я же не имею к этой несчастной женщине и ее ребенку никакого отношения...

И зачем я обрек себя на смерть? Из замка живым мне уже не выбераться...

– Да потому, что я и бастард – теперь одно целое и его горе автоматически становится моим... – прошептал я сам себе и решительно встал.

От кого-то я слышал отличное выражение. Умирая – убивай...

Оттащил тело барона в угол, затем на деревянных ногах подошел к двери и отодвинул засов.

– Мне нужен аптекарь. Заходите, мэтр, она умирает, и я могу не успеть, – сказал я толстяку и втащил его в комнату, захлопнув дверь перед носом дю Леона.

Очень хотелось вырвать у него признание о том, кто приказал отравить Жанну, но вместо этого молча вонзил ему клинок под лопатку.

Аптекарь приглушенно вскрикнул и ничком повалился на пол.

Все... Пока все...

Рывком распахнул дверь.

– Заходите, виконт, я сделал свое дело...

Дю Леон шагнул в комнату и, увидев валяющиеся на полу тела, выхватил рапиру.

– Именем его величества Луи Одиннадцатого, ты арестован, монах... – Виконт вдруг запнулся и тряхнул головой. – Это ты, бастард?

– Да, это я. И я счел своим долгом отправить в ад этих мерзавцев. Я в своем праве, виконт, не так ли? А теперь делай, что должен, – сказал и скрестил руки на груди.

Убить виконта вполне реально, но из башни я не выйду в любом случае. В ней десятка два латников в полном вооружении и еще человек пятьдесят, если не больше, – во дворе и на стенах, и что-то мне подсказывает, что сейчас я поступаю правильно.

– Ты действительно в своем праве, бастард. Этим ублюдкам давно приготовили место в аду... – Дю Леон задумался, на его лице отразились какие-то внутренние сомнения, и наконец, тяжело вздохнув, с видом человека, принимающего тяжелое, но верное решение, он произнес: – Уходи. Я не поступлюсь своей честью кабальеро, отпустив тебя... Я лишь немного нарушу клятву верности своему сеньору. Он вассал Паука. Но Паук – не мой сеньор. Сам знаешь, бастард: вассал моего вассала – не мой вассал. Так что в данном случае я могу поступить по совести, потому что сеньор моего сеньора – не мой сеньор. Но знай, бастард, через половину часа после твоего отъезда я подниму тревогу и вышлю погоню. Большого времени я тебе дать не могу. Идем, я проведу тебя, только сначала оботри от крови свои руки...

Не веря в случившееся, я покорно пошел за виконтом. Воистину чудеса чудесатые. Ни на что большее, чем кандалы и свидание с палачом, я не рассчитывал.

Спустились вниз. На молчаливый вопрошающий взгляд того самого усатого сержанта, стоявшего на посту возле выхода из донжона, дю Леон со смешком сказал:

– Монах свое дело сделал. Там сейчас аптекарь и де Монфокон. Аптекарь оживляет контессу, а барон опять вгоняет ее в гроб...

– Ха... – хохотнул сержант, обдав нас густым чесночным перегаром, зачем-то подмигнул мне, и мы беспрепятственно прошли во двор.

– Виконт, вы только что приобрели себе друга и брата. – Я внимательно посмотрел в глаза дю Леону.

Честный взгляд... Вот даже не знаю, как пояснить, по каким признакам я его охарактеризовал как честный, но это так. Резкие волевые черты лица... Чем-то дю Леон напоминал мне Шарля Ожье де Батца, де Кастельмора, графа д'Артаньяна, генерал-лейтенанта Франции, прообраза знаменитого героя романов Дюма, с его средневековой гравюры.

– Оставьте, бастард. Я поступил по велению своего сердца и ни о чем не жалею. Но вы мой должник. Барона де Монфокон должен был убить именно я. И я вам этот долг еще вспомню, – рассмеялся виконт.

– Как барон оказался здесь?

– Приехал вчера, рассказал, что убил вас в честном сражении. Меня немного насторожило то, что он прибыл один, без свиты и своего отряда. Но, к сожалению, я не обратил особого внимания на это. Как раз прибыли сеньор де Кастельно де Бретену с аптекарем мэтром Гернадомом и предъявили мне приказ руа допустить их к контессе. Барон присоединился к ним, и... В общем, вы уже знаете, чем это закончилось. Я протестовал, но они уверили меня, что не нанесут ей вреда.

– Я действительно сражался с отрядом барона. Я и мой эскудеро уничтожили его полностью.

– Как? Весь? – изумился виконт.

– Да, около двадцати человек. Но не стоит удивляться. С нами был Бог, так как мы сражались за правое дело. Де Монфокон перед этим вырезал приют для паломников ордена доминиканцев и лично подвергнул пыткам их приора, отца Иакова. Так что Господь вложил меч мщения в мои руки. Но... после того как погиб весь его отряд, даже его пажи, которых он заставил сражаться, де Монфокон не принял бой, а позорно сбежал...

– Святая дароносица!.. – воскликнул виконт. – Как он мог... Эта собака недостойна носить золотые шпоры.

– Именно так, но уже не стоит об этом разговаривать. Он получил свое. Виконт, у меня есть время задать вам еще один вопрос?

– Задавайте. Я подниму тревогу именно в тот момент, когда обнаружу, что барон и аптекарь закололи друг друга. Вас же буду искать только как свидетеля, способного пролить свет на это загадочное событие, – ухмыльнулся виконт.

– Как Жанна попала сюда и какую роль вы в этом сыграли?

– Я сумел во время резни в Лектуре спасти контессу и ее свиту. Солдатню уже никто не контролировал. Вы уже знаете, что случилось с вашим батюшкой?

– Да, виконт. Не будем на этом останавливаться.

– Хорошо... Хотя он и был номинально моим врагом, я все равно преклоняюсь пред его смелостью и доблестью. Упокой Господь душу этого мудрого и храброго человека... – Виконт перекрестился. – Так вот. Его преосвященство кардинал Жоффруа приказал мне сопроводить контессу в этот замок и содержать ее тут до распоряжений Луи. Остальное вы уже знаете... Но, Жан... вам пора.

– Еще раз, виконт: вы мне теперь друг и брат, – я снял с пальца перстень, доставшийся мне от де Граммона, который я, к счастью, забыл снять перед отправкой в замок. – Примите этот перстень в дар как залог нашей дружбы.

– Воистину щедрый подарок... – Виконт рассмотрел перстень и сразу надел его на палец. – Я принимаю вашу дружбу, Жан. Не переживайте, контесса будет погребена достойно своего положения и по христианскому обычаю. А теперь – вперед. Помните, у вас всего половина часа...

Как только я пересек крепостной ров, спало наваждение, которое и руководило всеми моими поступками в замке. Я опять стал Александром Лемешевым и одновременно с этим на меня напал холодящий кровь ужас.

Твою же мать... Как? Как я умудрился совершить столько глупостей? Воистину совсем ума лишился. Такое только в страшном сне может присниться. Заколот двух человек в замке, полным солдат, и благополучно свалил... положительно у меня с мозгами не в порядке.

Бастард... Бастард! Это не я. Черт... Я даже не говорил во время этого ужаса своим языком. Одна возвышенная благородно-куртуазная хрень. Фу... Мама дорогая... Пронесло...

Вместе с постэффектами от совершенных поневоле безумств, пришла тихая грусть. Как ни крути, в этой эпохе я все-таки бастард д'Арманьяк. Живу его жизнью, ношу его имя, вынужден продолжать его дело... черт возьми, я уже и в мыслях называю себя его именем!

И... и переживаю его потери как свои. Да... Как ни крути, именно я потерял сейчас свою любимую женщину и своего еще не родившегося сына. И именно мои слезы сейчас льются от бессильной злости...

Ну, Паук... Не знаю, как случилось в исторической действительности, вряд ли благоприятно для бастарда, но в моем варианте будет совсем по-другому. Я перепису старую шлюху-историю на новый лад. Присягаю своей жизнью.

А теперь надо как можно быстрее добраться до Тука...

Погонял несчастного мула так, что он пал без сил примерно за пару сотен метров до того места, где меня ждал шотландец с лошадьми.

Оставшееся расстояние преодолел бегом, по пути крикнув смазливой пастушке, гнавшей коз, что дарю ей мула, лежащего на дороге впереди нее.

Влетел в лесок и стал быстро срывать с себя монашеское одеяние.

– Ну как, монсьор? – Тук подскочил и стал помогать мне.

– Всё сделал. Гореть в аду портному, придумавшему эти дурацкие шоссы... – Споткнулся в спешке и рухнул в кусты.

– Как – всё? – восхищенно ахнул шотландец и помог мне встать.

– Так... Неси кольчугу... де Монфокон уже в аду...

– Господи, чудесны произволения твои! – воскликнул Тук. – Надеюсь, что эта скотина познала муки перед смертью.

– Не знаю... Плевать... Но он сдох... Доспех давай, орясина, через пять минут за нами вышлют погоню...

– Плевать, монсьор! – Тук затянул ремни на кирасе. – Мне уже ничего не страшно. С вами Бог, ваша милость, иначе нельзя сказать. Только по его воле можно совершить такой подвиг. Куда мы сейчас?

– В Арагон! Я подниму весь мир против ублюдка Паука...

– Поднимете, никуда от вас мир не денется, а вот верного эскудеро, при благородном кабальеро, орясиной обзывать негоже. – Тук строптиво фыркнул и поправил наплечник. – Я тут, можно сказать, весь измаялся, вас поджидая, уже штурмом замок брать собрался, а вы – орясина...

– Тук... Ты мне больше, чем эскудеро. Понял? – Хлопнул оруженосца по плечу. – Понимаю, что негоже тебя хаять, но это я любя.

– Это как? – отшатнулся шотландец.

– Да не бойся ты. Братской любовью... – Застегнул пряжку на поясе и попрыгал. – Ну вроде все. По коням, мой брат, мой друг, верный эскудеро и вечная орясина. Да не кривись, не кривись, не буду больше...

Глава 10

– Контессе нездоровится, и она не может вас принять. – Камеристка Магда склонилась предо мной в глубоком реверансе.

– Что с ней, Магда? Возможно, стоит вызвать мэтра Пелегрини и он ее осмотрит?

– Не извольте беспокоиться, ваша милость...

– Я передумала, Магда; вы можете войти, Жан. – Дверь покоев Жанны де Фуа приоткрылась, она нетерпеливо поманила меня пальчиком и приказала камеристке: – А вам, Магда, следует остаться здесь и проследить, чтобы нас никто не побеспокоил.

Я прошел в будуар. Основное место в нем занимала громадная кровать с шелковым балдахином, ноги утопали по щиколотку в ковре, привезенном из Леванта. Стены покрывали драпировки из парчи и бархата, оттеняя гобелены с искусно вышитыми шелком идилическими картинками. Но более всего привлекали к себе внимание усыпанные жемчугом четыре трехсвечных шандала из чистого золота. А в них стояли большие восковые свечи полуметровой высоты...

Я припомнил, как скуповатый по жизни отец потратил на эти покои целое состояние по первому требованию Жанны.

Ранее в них проживала моя матушка Изабелла, но, после того как она ушла в монастырь и отец женился, молодая жена ни секунды не захотела мириться со старой обстановкой.

– Жан, нам надо поговорить, – немного нервно заявила девушка и прогнала с кровати левретку.

– Я всегда к твоим услугам, Жанна, и не далее как вчера сам просил тебя об этом, но ты сослалась на головную боль. А позавчера ты заявила, что плохо спала и у тебя нет настроения. А еще раньше...

– Не надо продолжать. – Жанна со злостью зашвырнула в угол большую венецианскую куклу. – Я тебе все объясню.

– Тебе недолго придется объяснять... Я примерно уже все понял. Ты больше меня не любишь. Так ведь?

– Это жестоко, Жан: видит бог, все совсем наоборот... – Жанна встала, собираясь подойти ко мне, но потом сдержалась и опять села на кровать. – Ты ничего не можешь понимать... Я... я... я, слава Присно девице Марии, понесла!

– Как это?

– Как обычно это происходит с женщинами. – Девушка скорчила недовольную гримаску. – Разве можно быть таким недогадливым? И теперь мы... Мы не сможем больше любить друг друга.

Жанна говорила решительным тоном и сейчас была совсем не похожа на веселую взбалмошную девочку, какой она, по сути, и являлась в свои девятнадцать лет.

Жанна на секунду задумалась и продолжила:

– Я люблю тебя, Жан, но прежде всего я контесса д'Арманьяк. И не могу ставить любовь превыше долга.

– Но как это может нам помешать?

– Все очень просто. Я должна благополучно родить наследника. Родить сына твоему отцу. Сына, который унаследует все. И никто никогда не должен узнать, что на самом деле – это твой сын. Следовательно...

Солнце мазнуло лучиком по глазам, сразу прогнав сон. Жанна исчезла, и вместо нее я увидел рядом с собой на кровати целую копну русских выющихся волос и выглядывающие из нее пухлую щечку и вздернутый носик...

– Во как... – озадаченно произнес я вслух.

Рядом со мной лежала, повернув головку набок и оттопырив аппетитный задок, очень миловидная девчонка. Совсем юная.

– Сон... Долбаный сон...

Эти сны и видения скоро мне мозги взорвут. Почти каждую ночь, да и нередко днем, я проживаю прошлое бастарда. Кусочками, отрывками... вот как сейчас. Когда вижу отца – еще ничего, а вот Жанна убивает настроение на целый день. Не помогают убеждения самого себя, что я не имею никакого отношения к ней и ребенку – мало того, откровенно подставлял голову под палаческий топор, пытаюсь их спасти... Бесполезно.

– Ладно, переживу. Так... А девка эта откуда взялась?

Головная боль, легкая тошнота и пересохший рот помогли вспомнить...

После того как я сбежал из замка, мы отправились в Арагон. Справедливо полагая, что в Гаскони нам делать нечего, я повернул в Лангедок. По пути ничего особого не произошло, передвигались в стороне от дорог, в основном лесами.

Достаточно комфортное путешествие получилось, только один раз пришлось засылать Тука в деревеньку: прикупить зерна для лошадей и провизии. Охотились: я прилично освоил арбалет и даже подстрелил большого оленя с сотни шагов.

Конечно, мы пообтрепались и пропахли костром, несмотря на то что я периодически устраивал помывки и постирушки.

Но в общем я остался доволен, главное – не пришлось опять убивать. Дело не в моей исключительной моральности, я тут успел уже отправить в ад кучу людей, просто... даже не знаю, что сказать... в общем, каждый отправленный на тот свет человек ложится лишней тяжестью на сердце... как-то так.

Через несколько дней мы добрались до Тулузы. Большой по средневековым меркам город и хорошо укрепленная крепость. Несколько впечатляющих соборов. А замок графа Тулузского так вообще шедевр фортификационного искусства.

Остановились в гостинице «Медведь и бык», расположенной в промежутке между первым и вторым кольцом стен. Подальше от толкотни. Оказались единственными постояльцами и фактически спасли хозяина от разорения, у него как раз приходило время оплаты аренды и еще каких-то закладных. Дело в том, что в гостинице постоянно останавливались торговцы красками, но война в Арманьяке как-то нарушила этот бизнес, и теперь гостиница простаивала. Так что хозяин заведения с нас пылинки сдувал и окружил максимальным комфортом. Ну... в его средневековом понятии.

И тут нас понесло... В городе оказалось невероятное количество проституток. Причем представительницы этой древнейшей профессии были объединены в цех! Такой своеобразный профсоюз: отстегивали городу мзду на совершенно законных основаниях и строго им, то есть городом, контролировались. В части медицины – в первую очередь. Что не может не радовать, согласитесь. Проститутки – истинное спасение в некоторых случаях. С этим тоже невозможно не согласиться.

Так вот. По первому требованию наш хозяин мэтр Эммануил вызвал дюжину девчонок разной степени привлекательности и возраста. Скажу прямо – откровенно негодного товара не было...

Короче, в себя я пришел... да сегодня и пришел, не минуло и трех дней от приезда.

Пили, ели... Нет, скорее всего, хлебали захлеб и жрали, и предавались любовным утехам напропалую. Короче, устраивали оргии. Благо кровать в моей комнате оказалась широкая. Правда, с матрасом, набитым сеном, но это ерунда. Сено-то свежее.

Проститутки... Короче, я был лучшего мнения о средневековых представительницах этой профессии, начитавшись всяких «Анжелик» и иже с ними... Хотя полное невежество девки компенсировали неподдельным энтузиазмом. Пришлось немного обучить контингент, и все наладилось. В общем, оторвались с Туком за все дни воздержания с лихвой...

Опустил руку с кровати и нащупал кувшин. Сидр пролился в глотку божественным нектаром. Воистину царский напиток – никакого пива не надо. Хотя и всевозможные сорта пива мы тоже продегустировали. Так себе... Одним словом – Франция. Возможно, в Германии пиво и получше, но здесь – отвратное.

Так, а что мы сегодня собирались делать, помимо бражничанья и удовлетворения похоти? Ага, завтра собирались отбыть... значит, собираем припасы и готовимся к походу...

Нащупал висевший в изголовье шнур и пару раз дернул. Средневековый телефон, однако: веревка через блоки идет к колокольчику у хозяина. Мэтр Эммануил, расхваливая и демонстрируя свою гостиницу, выдал эту систему как невиданное новшество, придуманное им лично. Врет, конечно... да какая нам разница.

Встал и оправился в ночную вазу. Затем толкнул девушку.

– Вставай, как там тебя...

Дева мгновенно проснулась и, мурча, потянулась, выпячивая выдающуюся грудь с крупными сосками...

– Хотя нет. Бегом подмыть свою лохматку – и назад в постель.

Да, так правильной будет, мое естество требовало еще одного совокупления... или двух...

– Луиза я... – Девушка хихикнула, мигом умчалась к большому тазу на кованой подставке и через пару минут опять оказалась на постели.

– А мне все равно... – Развернул ее ноги к себе, закинул на плечи и рывком вошел. – Подмахивай давай... Луиза. Как я тебя вчера учил... Ум-м-мница...

Мог бы и не напоминать: девушка отрабатывала свои деньги старательно и, кажется, даже не притворялась. Хотя кто ее знает? Древнейшая профессия все-таки, со своими древнейшими же уловками.

– Вызывали, ваша милость? – Дверь открылась, и в проеме возник хозяин.

Мэтр Эммануил, абсолютно не впечатлившись происходящим действием, застыл в подбострастной позе. Рожа красная, лысый череп блестит, морда круглая, усы торчат как у Чапаева, передник всегда чистый, да и сам опрятный. В меру тороватый, в меру хитроватый, в меру умный и понятливый. Образцовый хозяин.

– Завтракать... Нет, сначала мыться... Две бочки горячей воды и на обмывку бочку...

– Уже приготовили... Согласно вашим приказаниям. Вчера вечером вы изволили...

– Молодец... Что у тебя на завтрак?... – Я даже не подумал сбавлять ритм... Средневековье, ёптыть. И я в нем. Сам я стеснительностью и в прошлой личине особенно не страдал, а деве так вообще все пополам. – Сделай омлет с трюфелями из десяти яиц... Нет, из пятнадцати, и паштеты свежие подай... Что там еще у тебя есть?

– Могу предложить большого запеченного угря под чесночно-луковым соусом. Улов утренний.

– Во... Давай угря, сидра ледяного... пару кувшинов; и буди моего эскудеро... пусть сюда идет... – Я проголодался как волк и был готов сожрать не то что угря, а целого кабана.

– Как прикажете, ваша милость... – Хозяин испарился, аккуратно прикрыв дверь за собой.

– Давай, Lizka, поддай... – Я ускорился.

– Da, da, da... Porwi menya... Razorwi menya popolam... А-а-а... О-о-о... – завопила проститутка, смешно ломая русские слова.

Надо же... Запомнила все. Я вчера ее по пьяни научил, прикола ради...

Мозги взорвались наслаждением, и я бурно извергся в девушку.

– Фу-у-ух... – откинулся на кровать.

– Ну как, ты доволен? – Рассмеялась девушка и чмокнула меня в грудь. – Я все выучила, только, правда, не понимаю, что говорю.

– Тебе и не надо... Заслужила... премию... – Я рывком встал. – А теперь – свободна. Скажи моему эскудеро, чтобы добавил тебе су к положенной плате.

Дева заверещала от радости и стала натягивать платье.

– Да слышал я, монсьор, слышал, – буркнул Тук, оказывается уже появившийся в комнате. – Баловство это. Денег на всех не напасешься.

– Дай, я сказал... – пришлось рыкнуть.

Тук в своем амплуа, но я, честно говоря, очень доволен его прижимистостью, даже перепоручил ему все расчеты и передал расходные деньги. Ну никак я не въеду в местную денежную систему...

– Как скажете...

– Вот именно. А остальных рассчитай строго в рамках. А теперь пошли мыться и завтракать, дел сегодня неуворот. Да... скажи хозяину, чтобы распорядился прибраться в моей комнате и завтрак нам накрыл здесь.

– Пора бы и пажа нанять... – опять заворчал шотландец, но все-таки отправился выполнять поручение.

М-да... Средневековые иерархичные заморочки. Эскудеро быть на побегушках – не по рангу. Правда, шотландец ворчит больше из вредности, но все равно надо этот момент исправлять. Ранги и иерархия в этом времени превыше всего.

– Не ной. Сегодня, если что, и найдем, а сам в помывочную возвращайся. Утренний туалет будешь совершать, неряха...

Хозяин приготовил для нас в специальном помещении два больших деревянных корыта, полных горячей воды. Такие... ххм... ванны, одна радость: дерево чистое, отскобленное, и корыта простынями застелены. Это, значит, чтобы в задницу заноз не загнать. Комфорт, ёптыть... Даже мыло присутствует. Сильно пахучее и совсем не похожее на привычное для меня кусковое мыло – жидкое и комковатое, но тем не менее – это мыло. Я, после вынужденной партизанщины по лесам, откровенно наслаждался этим весьма сомнительным, но все-таки комфортом.

– Рассчитал, монсьор, – вернулся Тук, притащил кувшин грушевого сидра и тоже полез в свою лохань.

– Чего ты ворчишь, как старик? Денег вроде хватает. – Я отпил из стакана. – Мм... благодать. Надо с собой бочонок прикупить.

– Прикупим, монсьор. А денежек много не бывает. – Тук с наслаждением плескал горячую воду на красный, едва затянувшийся шрам, пересекающий грудь. – Нам еще с хозяином гостиницы рассчитываться и припас в дорогу закупать. Вы вон еще и наряд парадный покупать собрались. Да кузнеца оплатить, да оружейника, стирку белья и одежды, опять же куафера вашего. Сдался он... Я сам смогу вам волосы подрезать. Опять же кисти и краски надо прикупить. Вляпаемся с этим гербом-то... к гадалке не ходи...

– Не бурчи. Давай прикинем, что нам у оружейника надо.

– Известно что... вашу эспаду, дагу и доспех отполировать, кольчуги в чистку отдать да болтов к арбалетам прикупить. Ну и... если разрешите, я свой фальчион и палаш тоже переточить отдам, да еще кое-что по мелочам.

– За мой счет? Ладно, разрешаю.

Вымылись и вернулись в комнату.

Хозяин уже расстарался, и едой, собранной на столе, можно было накормить отделение голодных солдатиков... Или нас двоих.

Готовил он сам. Не очень притязательно, но вкусно, и самое главное – на кухне была если не идеальная чистота, то где-то около того. А это громадный плюс. Дизентерии мне еще не хватало...

Угорь оказался божественным. Запеченный целиком на подушке из трав, он таял во рту, а с соусом можно было и гвозди съесть, настолько он мне показался вкусным. А вот с гарнирами у средневековых поваров оказалось бедновато. Готов полжизни отдать за картошечку, но где же ее возьмешь?.. Хрен знает, когда ее привезут из Америков. Пришлось довольствоваться крупным горохом.

Вина не употребляли, ограничились ледяным сидром. Он вообще, как я заметил, здесь за воду идет.

Только поели – пришел куафер, то есть парикмахер, с подмастерьем. Ловко обрехал мне волосы по плечи. Оказалось, так благородные кабальеро нынче носят. Справившись со стрижкой, парикмахер собирался накрутить мои волосы на плойку зловещего вида, разогретую в жаровне с углями... Брр... Только не это. Еле отбил, зато прикупил у парикмахера несколько флакончиков довольно хорошо пахнущих эссенций. Вместо одеколона сойдут. Брил он меня моей бритвой, тщательно вымытой и мной же продезинфицированной остатками арманьяка. Побрил мастерски.

После приведения себя в надлежащий порядок отправились к оружейнику. Я не пылал желанием гулять по городу, впечатлений хватило за время путешествия от городских ворот до гостиницы.

Вонь... страшная вонь и грязь. Народец помои прямо на улицу выливает, особо не разбирая, кто по улице едет или идет. Улочки узкие, грязь посередине улиц по колено. Некоторые бюргеры даже устройства, похожие на ходули, используют, чтобы не замазаться. Знатные же особы на лошадях, в каретах и портшезах⁹⁵ перемещаются. В общем, сплошной средневековый парадиз.

Тьфу, зараза... все ожидаемые впечатления – коту под хвост.

Но ехать надо. Оружие содержать в порядке просто жизненно необходимо, да и любопытство разбирало на арсеналы средневековые поглазеть.

Тук же, в отличие от меня, был в полнейшем восторге от города. В Тулузе, оказывается, был похоронен в резиденции доминиканцев сам Фома Аквинский, кумир шотландца. Кстати, я с удивлением узнал, что доминиканцев еще называют якобинцами. В честь очередного святого Иакова.

Хозяин рекомендовал оружейника-итальянца. Некого Джузеппе Бернулли из Милана. По словам мэтра Эммануила, итальянец поставляет оружие и доспех на весь Лангедок, и благородные кабальеро, бывает, даже рубятся за право у него их заказать вне очереди.

Ну что же... поглядим. Я вроде пока свою покупательную способность не потерял. Есть во мне одно качество, и оно, кажется, сохранилось в новом теле. Очень люблю разные кунштюки, особенно относящиеся к холодному оружию. Дома... ну, в общем, вы меня поняли. Дома, в прошлой жизни, я собрал впечатляющую коллекцию, справедливо считаясь одним из самых серьезных коллекционеров в городе. А сколько из меня крови выпила жена, догадываясь об истинной стоимости некоторых экземпляров... Жуть...

Лавка оружейника располагалась на рыночной площади в самом центре города, куда мы добрались, не заплутав – нас провела служанка из гостиницы.

На вывеске ожидаемо изображен рыцарь в полном турнирном доспехе, на богатырском коне, безжалостно насаживающий на копье жуткого вида чудовище, и герб гильдии оружейников Тулузы: два скрещенных копья на фоне кирасы. Почтенный оружейник Джузеппе Бернулли был, по словам хозяина гостиницы, как раз главой этой самой гильдии... или цеха, что в общем-то одно и то же.

Возле входа два паренька приняли у нас коней, а в торговом зале встретил сам хозяин. Высокий, тощий, широкоплечий типичный смуглый итальянец возрастом далеко за пятьдесят.

⁹⁵ Портшез – небольшие носилки в виде ящика с сиденьем внутри; род паланкина.

– Рад видеть благородных кабальеро в своей скромной лавке.

Хозяин был достаточно любезен, но особого подобострастия я не заметил. Знает себе цену. Принял он нас в небольшом кабинете возле торгового зала, сразу предложил мне присесть в кресло, безошибочно угадав в Туке эскудеро и оставив его стоять.

Хотя ошибиться было трудно. Я, как мог, вырядился, повесил на шею цепь, выигранную в поединке у де Граммона, а на палец надел перстень от ювелира Исаака. Добавим бархатный жакет, берет с перьями, эспаду-фламберг – и вот она, картина благородного и, главное, состоятельного кабальеро.

– В первую очередь мне хотелось привести в порядок свое оружие и некоторые части доспеха. А далее ознакомиться с вашим ассортиментом; кстати, о нем ходит молва не только в Лангедоке и Гиени. С лучшими его образцами. – Я сделал акцент на последней фразе.

– Я не заслуживаю вашей столь щедрой похвалы. – Итальянец вежливо склонил голову в бархатной шапочке, тряхнув седыми кудрями. – Но у нас, конечно, есть несколько достойных вещей, которые могут удовлетворить самые взыскательные требования. Как мне вас называть, благородный кабальеро?

– Шевалье де Сегюр. Ограничимся этим, – подпустил я в голос загадочности. Пусть думает, что к нему наведался какой-нибудь герцог инкогнито.

– Прекрасно, ваша милость, – кивнул оружейник в ответ, изображая лицом полное понимание моих причин скрывать свой основной титул. – Я сейчас распоряжусь, и ваше оружие осмотрят. А пока, ваша милость, мы попробуем очень достойное вино с моего личного виноградника.

Итальянец два раза хлопнул в ладоши, и возле нас мгновенно оказался рослый молодец, как две капли похожий на хозяина. Парень притащил графин с вином, бокалы, блюдо с фруктами, затем отправился с шотландцем за оружием и доспехами.

– Мой сын Джованни, – гордо представил его итальянец, разливая вино в бокалы. – Со временем, надеюсь, превзойдет меня в ремесле. Однако поговорим немного о деле. Что бы вы хотели посмотреть, ваша милость? Хотя подождите, не отвечайте... Я уже вижу, что вас может заинтересовать. Я покину вас всего на несколько минут.

Итальянец встал и скрылся за дверью. Я воспользовался моментом и осмотрелся. Все в комнате говорило о состоятельности хозяина. Дубовые резные панели, искусно вышитые гобелены со сценами битв и головы зверей на стенах. Резная палисандровая мебель. Даже посуда на столике оказалась серебряной, с золотой инкрустацией. Прибыльное, однако, дело – торговать оружием. С умом торговать, конечно.

Мэтр Эммануил говорил, что итальянец прибыл в Тулузу десять лет назад совсем бедным и за это время сумел развернуться...

– Вот, ваша милость... – прервал мои размышления итальянец и бережно положил на стол дагу в черных, окованных червлёным серебром ножнах. – Я вижу, у вас эспада работы почтенного Амбруаза Ройтенберга из Золингена, так вот эта дага как раз будет ей в пару. Она его же работы и вполне подходит по стилю.

Оружейник снял ножны с даги и показал клинок, выкованный также под фламберг, только с более выраженной гранью и волной.

Я осмотрел оружие. Дага явно не делалась в пару моей эспаде, хотя эфес и смахивал переплетением витых дужек, образующих растительный орнамент. Но клинок все равно поражал своей красотой и тщательностью отделки. Больше всего мне понравилось, что, несмотря на красоту и пышность отделки, это было несомненно боевое оружие.

Итальянец взял дагу в руки и, загадочно улыбаясь, сказал:

– Вы видели еще не все достоинства этого клинка, смотрите...

Оружейник повернул кольцо под навершием и прижал большим пальцем кнопку у основания рукоятки. Неожиданно раздался звонкий щелчок – и из навершия выскочил десятисантиметровый трехгранный шип.

– Неожиданно. С такой конструкцией я еще не встречался... – Я с интересом осмотрел смертоносное навершие.

В прошлой жизни я видел много разных конструкций даг: от трехлезвийной, когда от основного клинка отходят веером в стороны еще два, до даги, совмещенной с кремневым пистолетом. Но такой – нет. Хотя средневековые мастера умудрялись изготавливать куда более причудливое оружие, так что нечего и удивляться.

Оружейник, увидев некоторые сомнения на моем лице, рассыпался в комплиментах:

– Насколько я понимаю, вы, ваша милость, владеете стилем «Эспада и дага», и, судя по вашему боевому оружию, владеете прекрасно. Царапины и щербины свидетельствуют об этом. Так вот – этот прекрасный клинок предназначен именно для вас и будет хорошим сюрпризом для ваших врагов.

– Не знаю, мэтр, этот сюрприз, конечно, очень интересен, правда, пока практического применения ему я не вижу. Но оружие достойное. Сколько вы за него хотите?

Я решил приобрести дагу. На повседневную носку у меня была моя старая, а эта достойно будет смотреться в парадном варианте. На хороший понт. А здесь, я смотрю, у кабальеро все на нем держится, так что можно и потратиться.

По своей сути, моя парадная эспада и вот эта дага являются оружием боевым, но у меня никогда не поднимется рука, разве что в самых исключительных случаях, пользоваться ими по назначению. Красивые же... А каждая рубка оставляет порой неизгладимые отметины на клинке, и мне просто жалко уродовать такую красоту. Для этих целей есть рабочее оружие, вот им как раз и будем справляться.

– Скажу сразу, ваша милость, она недешева, но цена до последнего обола справедливая. – Итальянец хитровато прищурился. – Но предлагаю о цене поговорить позже, после того как вы осмотрите остальные образцы.

– Не возражаю. – Я отпил вина и изобразил на лице легкую заинтересованность.

Пришел сын оружейника и произнес несколько фраз на итальянском языке.

– Джованни говорит, что ничего страшного с вашим оружием нет. Мы все поправим за пару дней, – перевел итальянец.

– К сожалению, у меня нет столько времени, я завтра с утра отбываю.

– Никак не возможно, ваша милость. Предстоит достаточно трудоемкая работа. – Джузеппе, враз обретший знание окситана, развел руками. – Со шлема надо снимать подклад, зашлифовывать царапины, воронить и опять приклепывать подстежку. С оружием еще сложнее, на нем особое воронение. К тому же мы до предела загружены работой. У меня все три мастера даже ночуют на работе.

– Мэтр Бернулли, снаряжение необходимо мне завтра с утра. Я думаю, если вы успеете, то мы оба останемся довольны. Я – работой, вы – вознаграждением, – пришлось мне толсто намекнуть итальянцу на дополнительную оплату.

– Мы постараемся, ваша милость... – Оружейник попытался скрыть довольное выражение лица.

Ладно, один-ноль в твою пользу, но тут не повозмущаешься. Я не собираюсь оставаться в этом городе ни единого лишнего дня. И так задержались, плоть свою удовлетворяя.

– Пришлете снаряжение в гостиницу «Медведь и бык» завтра с рассветом. А сейчас, мэтр, показывайте остальные ваши сокровища. Кстати, у вас есть вещи вашей работы?

– Кое-что есть, но сам я уже почти не работаю, разве что для души. Слава Господу нашему, в этом уже нет необходимости. – Оружейник самодовольно улыбнулся. – На меня работают три отличных кузнеца, чеканщики и доспешники, да и сын уже перенял все фамиль-

ные секреты мастерства. Но иногда все-таки тянет, и я вожусь со сталью. У нас с ней давняя привязанность, перешедшая во взаимную любовь... Но что-то я разболтался. Простите, ваша милость, старику его слабости. Сейчас вам все покажут.

Оружейник опять хлопнул в ладоши, и из-за двери появились двое работников. Они принесли на бархатных подушках образцы оружия и снаряжения.

– Вот на первый взгляд обычная перевязь для шпаги. – Джузеппе взял в руки богато расшитую перевязь. – Красивое тиснение на коже, не правда ли? А вышивка? Достойна высших мира сего. Парадный вид; однако в ней есть маленький секрет. Между слоями кожи вшито кольчужное полотно особого плетения, очень тонкое и практически невесомое, но вполне способное остановить прямой удар рапирой, и как раз перевязь закрывает грудь. Посмотрите, она осталась очень гибкой...

Провел ладонью по перевязи. Работа впечатляющая, не перестаю удивляться искусству средневековых мастеров. Вышивка серебром... как раз для меня, люблю его холодный блеск гораздо больше, чем золотой. Для «высших мира сего», говоришь... Ну-ну... Так это именно для меня. Я им стану: если не в ближайшем будущем, то в обозримой перспективе – точно...

– Я оценил эту вещь, мэтр, – солидно кивнул головой, – но, как вы и советовали, вернемся к обсуждению ее цены в конце моего визита.

– Вы истинный ценитель... – Итальянец удовлетворенно улыбнулся, отложил перевязь в сторону и взял в руки другую вещь. – Это обычный пояс. Им очень удобно опоясываться поверх колета при повседневной носке и даже при дворе. Но опять же в нем есть маленький секрет...

– И я попробую его сам угадать... – Я взял пояс в руки.

На первый взгляд секреты и негде прятать. Кольчужное полотно смысла нет вшивать, пояс узкий, шириной всего в пол-ладони. Застежка тоже серебряная, стилизованная под львиные лапы, цепляющиеся друг за друга когтями. Бляшки в виде львиных голов. Вдруг под рукой в задней части пояса стало прощупываться небольшое утолщение... так... потянул за львиную голову – и в руке оказался небольшой кинжал. Всего сантиметров десять длиной... бляха как раз и образовывала ручку. Лезвие было обоюдоострое, чуть пружинило и как раз за счет этого и было незаметно. Черт... прообраз самого настоящего тычкового кинжала. Очень эффектно... Но как-то не вяжется с оружием благородного кабальеро, встречающего опасность лицом к лицу. Более похоже на оружие шпиона и тайного убийцы... Нравится очень, возьму обязательно, но надо как-то свои желания обыграть. Возмутиться, что ли...

– Мэтр, работа блестящая. Но вы забываетесь, предлагая подобную вещь мне. Это оружие больше к лицу...

– Убийце, вы хотите сказать, ваша милость? – деликатно прервал меня оружейник. – Позвольте не согласиться. Это оружие самообороны. Для того чтобы воспользоваться им с дурными намерениями, надо эти намерения иметь. Жизнь подкидывает нам иногда такие неожиданности, которые очень сложно предусмотреть. И если бы мир состоял из одних благородных сеньоров, то и подобному оружию не было в нем места.

– Вы мудры, мэтр. – Я с показным сомнением отложил пояс в сторону. – Я подумаю, вернемся позже к этой вещи. Что у вас есть еще?

– У нас есть все. Даже можем подобрать на вас уже готовый доспех...

– Нет, латы меня не интересуют. У меня есть несколько комплектов, и они вполне меня устраивают. Хотя... У меня есть отличный полный кольчато-пластинчатый доспех левантийской работы, и мне надо под него гамбизон.

– Есть, ваша милость. – Торговец радостно всплеснул руками. – Только вчера доставили из Нарбона. Отличные поддоспешники работы богомерзких сарацин. Но справедливости ради могу сказать – они отличной работы и очень подходят для носки в жаркое время. Их пошили из ткани, изготовленной из шелка-сырца. Очень подходят под бехтерцы и юшманы. Отлично

амортизируют и защищают. Уже вижу, один из комплектов будет как раз вам впору. Отдельные его части даже усилены кольчужным полотном. Пройдемте, ваша милость, надо примерить...

Пробыл я в оружейной лавке не меньше двух часов, и это того стоило.

Во-первых, договорился о ремонте нашего оружия.

Во-вторых, приобрел немало действительно нужных вещей. И самое главное – многое узнал о расстановке политических сил на Пиренейском полуострове.

Оказалось, что рей Хуан Арагонский действительно спит и видит, как отберет у Всемирного Паука Руссильон, совершенно беспредельно отжатый у него ранее руа Франции. Значит, мне туда дорога.

Конечно, пребывание у итальянского оружейника обошлось мне недешево. За дагу он запросил ни много ни мало аж четыре турецких ливра. Совершенно беспредельная цена. Торговался я как цыган, но сбил цену до двух ливров и пятнадцати солей. Зато все остальные покупки, включая ремонт снаряжения, обошлись мне в ту же сумму.

Приобрел еще шелковые гамбизоны, себе и Туку. Три десятка болтов для арбалетов и боевое копьё для себя, ни разу даже в руках такое не держал, но какой кабальеро без копья? Дал себя уговорить приобрести перевязь и пояс с секретом.

В свою очередь продал шнеппер, доставшийся мне с трофеями от неизвестного рыцаря. Кстати, его стоимость покрыла больше половины наших покупок. Итальянец оценил его в три с половиной ливра и явно надеется еще наварить на перепродаже.

Уже собираясь уходить, осторожненько поинтересовался огнестрельным оружием.

– Мэтр, вы же знаете, сейчас все больше в моду входят эти грохочущие штуки...

– Ваша милость интересуется пистолями и аркебузами? – оживился итальянец, и так пребывающий в отличном настроении. Видимо, все-таки ободрал меня, зараза.

– Ну да... Хотелось бы посмотреть... ради чистого интереса.

– О... ваша милость. Я точно так же поначалу сомневался, а сейчас провожу с ними практически все время. Знаете, за этим оружием будущее! – убежденно заявил итальянец.

О-о-о! Если бы ты знал, насколько ты прав, итальянец... Очень скоро эти грохочущие трубки сведут на нет практически все защитное железо... Кстати, они же его и возродят – уже в виде бронежилетов. Но сказал оружейнику обратное, не хочу выходить из образа:

– Это вряд ли, мэтр. Оружие для черни. Благородный кабальеро никогда не унижится до такого надругательства над мечом и копьем. Однако если у вас есть образцы, то я с удовольствием полюбопытствую. Так, ради интереса...

– Конечно, есть. Прошу вас пройти в мой личный кабинет.

В результате я стал собственником короткой аркебузы с колесцовым замком⁹⁶, усовершенствованным самим мэтром Бернулли, который приспособил к нему складное неотъемное ушко, как на заводных игрушках, вместо громоздкого ключа для завода замка.

По сути, аркебуза подходила под прообраз кавалерийского карабина, калибром примерно миллиметров двадцать. Ствол короткий – почти полметра, так что вполне удобно и с седла стрелять.

Сразу же и попробовал ружье на заднем дворе. Когда в ушах перестало звенеть, а дым рассеялся, что произошло примерно в одно время, оказалось, что мягкая свинцовая пуля на пятнадцати шагах проломила старую кирасу, приспособленную под мишень. Конечно, разброс был ужасный: целился в грудь, а попал в самый низ. Но все же...

⁹⁶ Колесцовый замок – механическое приспособление на оружии, предназначенное для воспламенения пороховой затравки. В колесцовом замке искра возникает вследствие трения зубчатого колесика о пирит. Завод пружины, вращающей колесо, производится специальным ключом.

Если сравнивать с современными образцами, эта аркебуза – совершеннейшее зло и анахронизм в чистом виде. Ни приклада, ни мушки, заряжаешь минут пять, не меньше. Но! Но по нынешним временам она же и настоящая вундервафля. Если правильно ее применять.

А я знаю, как ее приспособить. Сразу заказал у оружейника три мара⁹⁷ свинцовой картечи, предварительно объяснив, что это такое, и забрал весь порох, что у него был, а это два мара, не меньше, то есть примерно полкило. Да... Еще заметил кусок толстого войлока и, нарисовав пробойник по калибру ствола, вытребовал все это в придачу. Пробойник мне тоже должны были доставить утром. Не знаю, понял ли мастер, зачем мне все это надо, скорее всего – нет, но я рассчитываю, что с помощью калиброванных пыжей и кожаных прокладок сделаю бой аркебузы резче и точнее. Сам же мастер в этом направлении даже не думал, а в качестве пыжей использовал обычные тряпки.

Седельная кобура и комплект для зарядки, вместе с набором пирита⁹⁸, тоже перешли в мое пользование.

Я, конечно, мог навскидку дать десяток рецептов мастеру, как усовершенствовать это оружие, перескочив через целую эпоху, но не стал этого делать.

Глупость с моей стороны? Нет. Убежден, что нет, и буду пользоваться своими знаниями очень осторожно впредь... Или даже вообще не применять.

Во-первых, не место и не время.

Во-вторых, совершеннейше убежден, что человечество развивается по строго утвержденному Господом Богом плану, и не мое дело вмешиваться в Божье произволение. Разве что очень осторожно и строго дозированными порциями, и желательно не форсировать создание новых образцов оружия. Не созрели люди пока. А для себя, строго для личного употребления, я эту ружбайку немного усовершенствую. А выполнит работы надежный человек, которого я сразу после этого и упокою... может быть... или нет... Короче, видно будет.

Отвалил за аркебузу в комплекте всего ливр, что несказанно удивило. Шнеппер, плюющийся пулями, стоил три с половиной, а почти полноценное огнестрельное оружие – в треть этой цены, даже еще дешевле. Но особо голову не стал ломать над этим казусом. Какая разница, мне же выгоднее.

Совсем собрался уходить – и опять мастер подкинул интереса. Жеребец мой, по воле случая, остался совсем без защиты, и я для него приобрел легкие, не турнирные, доспехи. Стеганные, с кольчужным подкладом: нагрудник, кринет⁹⁹, накрупник¹⁰⁰, вальтрап и пристегивающуюся к нему защиту боков. Все достаточно легкое и вполне способное защитить от стрелы. Только наголовник был посерьезнее и собран из щитков. К моему счастью, вся лошадиная амуниция оказалась довольно темного цвета и без аляповатых вышивок. Лишь по углам серебряные вензеля и окантовка.

Тук получил вариант попроще, без кольчужного подклада и без вышивки, просто простеганные в несколько слоев, с наполнением из пакли. А что? Эскудеро должен соответствовать кабальеро, но ни в коем случае не быть равным по пышности. На том и стоим.

А вот на обновки для лошадей пришлось раскошелиться. Все вместе обошлось мне в пятнадцать ливров. Недешево, но необходимо. В общем, денежки, добытые по пути, испарились. Но это не страшно. Есть еще увесистый мешок с конскими франками, доставшийся в наследство от бастарда, и два десятка дукатов от рыцаря, зарубленного мной в битве с отрядом

⁹⁷ Мар – средневековая французская мера веса. От 250 до 280 г. 1 мар = 8 унциям = 1152 карата = 4608 гран.

⁹⁸ Пирит – минерал. Греческое название «камень, высекающий огонь» связано со свойством пирита давать искры при ударе. Благодаря этому свойству использовался в замках ружей и пистолетов до использования кремня.

⁹⁹ Кринет – часть конского доспеха, использующаяся для защиты шеи. Могла изготавливаться как в тяжелом варианте – из металлических пластин, так и в легком – из стеганой материи с подложкой из кольчужного полотна.

¹⁰⁰ Накрупник – часть конского доспеха, использующаяся для защиты крупа. Изготавливалась как в тяжелом варианте, так и в легком.

де Монфокона. Пускай этого уroda черти в аду жарят без передышки и с особой изобретательностью. Не рыцаря. Он как раз мне ничего плохого не сделал. А этого чертова барона. Так что деньги есть. Правда, надо еще сообразить, в каком соотношении эти дукаты ходят к франку. Но это несложно. Вряд ли сильно дешевле, золота в них вроде по весу столько же.

У Тука, когда я озвучил цену за покупки, чуть глаза из орбит не вылезли из-за моей расточительности, но с ценой шотландца немного примирило то, что он сам и его жеребец тоже получили обновки, к тому же я разрешил ему выбрать кинжал за мой счет. Но все равно он еще долго бурчал под нос, пока я не прикрикнул. Вот правду говорят в анекдотах, что шотландцы – народ прижимистый, если не жадноватый. Но я все равно доволен, все-таки он о моей мошне заботится. А то я могу мигом все спустить и не заметить.

Наконец выбрались от оружейника и прямым ходом направились к портному. Мэтр Бернулли был так любезен, читай – доволен барышами, что отправил с нами провожатым своего сына. Джованни показал путь и отрекомендовал нас соответствующим образом.

Много времени в этой лавке я не потерял. Готового платья не было... Скорее всего, в эту эпоху такого понятия вообще нет. Портной, тщательно обмерив меня и Тука, записал требования и пообещал к утру все доставить. На ткани я не поскупился: исключительно бархат, парча, шелк и батист. Так же исключительно темно-синего и черного цвета. Чем довольно сильно разочаровал портного: он-то собирался мне впаривать материал чисто попугайских расцветок. Но у меня просто созрели некоторые идеи по поводу моей внешности, и они как раз требовали скромных расцветок. Да и не терплю я все яркое.

Но от ми парти¹⁰¹ не отказался, боясь вывалиться из образа кабальеро, – все же это дворянская привилегия. Поэтому одну штанину на шосссах мне сделают темно-синей, а вторую черной. Чертова мода... Кабальеро разряжаются как попугаи, обозначая таким образом цвета своего рода.

По сравнению с потраченным у оружейника комплект парадной одежды и комплект повседневной одежды вместе с несколькими комплектами белья с полотенцами и салфетками обошлись в сущую безделицу, но все равно это не сильно обрадовало шотландца. Вот же прижимистый Тук. Порой не в меру.

После портного мы собирались к сапожнику заказать мне новые ботфорты и туфли, но попали как раз на любопытное зрелище, происходящее на главной площади перед собором.

Судя по стечению народа, ходить по лавкам смысла не было, все пришли полюбопытствовать... на казнь. Да, самую обыкновенную казнь. Изловили шайку разбойников, которых вместе с парой еще чем-то провинившихся несчастных и собирались изобретательно извести при полном стечении простого люда. И не только простого...

Над толпой возвышалась покрытая богатой драпировкой большая трибуна, на которой толпилось с десятков кавалеров и дам. В центре на троне восседал сам наместник Тулузы. Трибуну окружала цепь латников в коттах с окситанским крестом на груди. Ну и, конечно, везде реяли флаги с гербом, на котором лилии, два здания (не разобрал какие) и баран. Веселенький такой герб. А про лилии понял. Тулузское графство перешло под корону Франции сразу после Альбигойских войн¹⁰². Так что город сейчас под оммажем¹⁰³ у Паука. Информация к размышлению. Поберечься бы надо.

¹⁰¹ Ми парти (*фр.* *Mi parti*, букв. разделенный пополам) В XIV–XV вв. считалось модным, если левая и правая половины одежды были разного цвета. Комбинации цветов указывали на социальное положение, степень знатности, принадлежность к тому или иному роду.

¹⁰² Альбигойские войны – серия военных кампаний по искоренению ереси катаров в Лангедоке в XIII в., инициированных римско-католической церковью.

¹⁰³ Оммаж (*фр.* *hommage*), или гоминиум (*лат.* *homagium* или *hominium*), – в феодальную эпоху: одна из церемоний символического характера; присяга, оформлявшая заключение вассального договора в Западной Европе Средних веков.

Мало того, к трибуне прилепилось несколько портшезов, из которых жаждала кровавого зрелища публика родом пожиже.

Удивило большое количество женщин, как среди знати, так и среди простого народа. Хотя чему удивляться: женский пол ничем не уступает мужскому, а по части кровожадности порой и превосходит. Вот только маскировать свои чувства умеет не в пример лучше. Я не возмущаюсь, просто отдаю должное женщинам.

Мы остановились тоже посмотреть. В любом случае, пока толпа не разошлась, проехать куда-либо возможности не представлялось.

К эшафоту преступный народ доставили в двух возках под эскортом копейщиков. Выволокли одетых в серые хламиды несчастных – похоже, над ними уже успели поработать так, что половина из них уже сами ходить не могли, – и поставили на помосте в рядок, на колени.

Появился мужичок в черной мантии и зачитал длинный свиток, в котором перечислялись их преступления. Долгий список, однако. Было далековато, да и толпа бурлила и вопила, выражая свое негодование, но в основном то, что зачитывали, я разобрал.

Шайка некого Бернарда из Муасака – шел длинный список имен и прозвищ – обвинялась... В общем, обвинялась в обычных для разбойного люда делах, из которых самым невинным было поругание чести девиц и женщин. Кстати, упоминалась и содомия, что меня нешуточно удивило. Я всегда считал, что царящие в современных Европах нравы родом из глубокой древности. Хотя казалось, что нетрадиционные нравы вполне обычны, особенно среди знати, и на них закрывают глаза до поры до времени, пока не появляется необходимость поставить это в вину по политическим мотивам. Не знаю и судить не буду, пока я со средневековыми гегями не встречался. И дай бог, не встречусь.

Еще отметил, что, судя по речи судейского чиновника, было проведено тщательное следствие, с опросом свидетелей и даже некоторым медицинским освидетельствованием жертв. Некий медикус Жиром свидетельствовал что одна из жертв после того как ее поджарили на вертеле, еще жила двое суток его усилиями. Под каждое преступление была указана соответствующая статья разных эдиктов¹⁰⁴ и ордонансов¹⁰⁵. То есть закон, в его средневековом варианте, конечно, действовал, и нельзя было кого ни попадя просто так вздернуть на виселице или всяко-разно изничтожить.

По совокупности преступлений семерых разбойников приговорили к колесованию.

Соответствующее приспособление было на эшафоте возведено заранее. Этакие жуткие колеса с зубцами, одним своим видом наводящие мысли на законопослушность.

Далее разбойникам предоставили возможность обратиться за помилованием к наместнику. Осужденные по очереди излагали свои просьбы, толком я не слышал, что они там вопили, но вроде давили на жалость.

Конт благодушно одного из них и помиловал, заменив колесование виселицей.

Добрый правитель у жителей Тулузы.

Не знаю, насколько это обрадовало самого разбойника, но толпа бурно выразила ликование милостивостью своего правителя.

Счастливого помилованного первым и повесили.

Священник быстренько его исповедовал.

Два помощника палача подтянули разбойника к виселице, нахлобучили мешок на голову и надели петлю.

¹⁰⁴ Эдикт (*лат.* edictum – объявление, от edicere – объявлять) – нормативный акт. В русском языке аналогом эдикта как термина и правового акта является указ. Имеет сходство и с таким правовым актом, как декрет.

¹⁰⁵ Ордонанс (*фр.* ordonnance – приказ) – королевские указы во Франции и Англии, имевшие силу государственных законов. В Англии – без обязательного утверждения их парламентом. Во Франции ордонансы появились во 2-й половине XII в. В XV в. установлена практика, по которой ордонансы приобретали силу закона только после регистрации их парламентом.

Затрубили трубачи в нарядной одежде цветов графства, исторгая из длинных фанфар с флажками что-то заунывно-бравурное, после чего сам палач и дернул за рычаг. Как бы «минус один».

А вот остальные как минимум ему позавидовали. Сначала им переломали все кости на колесах, причем с великим искусством: ни один из них не потерял сознание во время пытки. Затем изломанные тела тащили на особый станок, где палач, ловко действуя жуткого вида топором, по очереди отсекал члены, заканчивая головой. Помощники ловили отрубленные руки и ноги, показывали толпе, которая бесновалась в экстазе, и складывали в корзину. Действовали экзекуторы сноровисто, ловко и быстро, но все равно действо затянулось на добрую пару часов.

Предпоследним оставили мясника, который нарушил правила своего цеха. Обсчитывал, обвешивал, нарушал ценовую политику и даже подменял говядину человечинной. Хотя этот пункт здоровенный краснорожий детина наотрез отказывался признавать, яростно вопя о своей невинности.

Не знаю, виноват он был или нет, но приговорили его к банальному лишению головы, без всяких надругательств над плотью. Взлетела секира, раздался глухой стук – и голова скатилась по специальному желобу в корзину. Все просто и без особых затей.

А вот последний акт палаческого действа достаточно сильно смутил. Не скажу, что меня особо шокировали предыдущие казни. Чувствовал я легкое отвращение, и не более того. Во-первых, я находился далеко и не мог рассмотреть все в подробностях, во-вторых, совершенные преступления заслуживали подобного наказания. Но с этой женщиной поступили даже не жестоко, а вообще за гранью добра и зла.

Некая Люсьена отравила своего мужа – добропорядочного бакалейщика Бономе, к тому же сержанта городского ополчения, следовательно, вдвойне уважаемого. Отравила она его в целях присвоения имущества, и вообще за время брака совершила массу преступлений. Помимо супружеских измен, она обвинялась в ненадлежащем почтении и уходе за своим мужем. Обвинение поддерживал ряд свидетелей, главными из которых, как я понял, были матушка несчастного мужа и его брат, наследующий лавку покойного со всем имуществом.

М-да... Если за такое казнить, треть современных женщин можно извести не напрягаясь. В некоторой степени средневековое общество попрогрессивней будет...

Любовник Люсьены тоже должен был предстать перед народом на эшафоте и предстал, но уже в мертвом виде. Судя по обвинению, благополучно помер во время дознания.

Приговорили Люсьену к погребению живьем вместе с отравленным мужем. Тут же приклепали ее цепями к трупу супруга в гробу, заколотили крышку и увезли на кладбище.

Женщина, вполне миловидная пухлая блондинка средних лет, не сопротивлялась совсем, казалась полностью безучастной и даже глуповато улыбалась. Парадокс, однако. Потом уже мне Тук объяснил, что палачу, скорее всего, сунули родственники преступницы мзду или она сама подсустилась, и он ее подпоил особым зельем, так что женщина совсем не осознавала, что с ней происходит.

Вот так... Очень удивляюсь, что в Средневековье еще есть преступность. При таких наказаниях мысль о противоправном должна исчезать еще в юном возрасте.

Любовника даже его собственная смерть не освободила от наказания. Труп оскостили, причем специальным инструментом в виде кривых ножниц, и потом ему срубили голову.

Все... Финита. Разгоряченная толпа, разочарованно ропща, стала расходиться. Бедный народец, возмущение его можно понять, развлечений-то никаких. Интересно, театры уже есть или нет?

Как я говорил, зрелище меня особо не впечатлило, но зато настроение испортилось. Скопление громадной толпы, жуткие рев и вонь, знаете ли, не способствуют хорошему настроению.

Но к обувщику мы все-таки попали, и я заказал то, что хотел. Правда, от туфель местного фасона отказался. Это какой-то кошмар, а не туфли. Длинные носы у некоторых особо дорогих экземпляров свидетельствовали о родовитости и богатстве носителя. Мне так мастер вообще предложил туфли с носами, привязывающимися к колену. Тихий ужас... у туфель подошва деревянная, и вдобавок они все на одну ногу. Среднюю... Таким понятием, как левая и правая нога, мастера пока не заморачиваются совсем.

Но пару ботфуртов из очень качественной кастильской замши я себе заказал. Туку тоже.

Опять же их должны были доставить поутру в отель. Темпы, однако, у местных ремесленников... но я верю, что все будет сделано в точности по заказу и вовремя. За клиента, особенно богатого клиента, ремесленники тут будут бороться до последнего. Собственно, в чем проблема? Будут работать до утра – и всех делов. Мои деньги – ваша работа. Хлеб за ртом не бегают.

Дальше мне надоело шастать по городской грязище и вдыхать ароматы средневекового города, да и интерес пропал. Несмотря на то что городские церкви, в частности базилика Сен-Сернен и кафедральный собор Сент-Этьен, поражали красотой и величием.

Оживился я только в той части рынка, где торговали пряностями. Опрятней и чище там было, и пахло не в пример лучше. Правда, когда узнал цены, то чуть с лошади не упал. За мар черного перца наглые барселонские торговцы просили аж пять лиардов¹⁰⁶!

Торговали пряностями исключительно купцы из Барселоны. Почему так? А бог его знает, опять, наверное, какие-то цеховые заморочки. Как я успел узнать, торговля в Средневековье подчинялась массе правил и законов, за нарушение которых головы урезали безжалостно. Да и внутрицеховые правила поражали своей суровостью. К примеру, число подмастерьев и учеников строго регламентировалось, считалось, что мастер большее число может обучать только с ущербом для своего производства, что недопустимо.

Или, к примеру, подмастерье, пока не станет мастером, не имел права жениться. А вот хрен его знает почему.

Пряности мы все-таки взяли. Две унции¹⁰⁷ черного перца. Тут чуть в обморок не упал, а мне плевать. Так я желаю – и все тут. Люблю я острое. Шотландец, правда, все равно торговался, как еретик за спасение души, и цену таки чуток сбавил.

Зато сухие смеси местных трав шли почти за бесценок, чем я и воспользовался, накупив их изрядно.

На этом мне окончательно все надоело, и я отправился в гостиницу, оставив Тука докупать фураж для лошадей. Знаю, что опять станет сбивать цену, затягивая процесс покупки до бесконечности. Оно мне надо? Да и не дело благородному кабальеро столь низменным делом заниматься.

Поесть захотелось, вина попить и поразмышлять. В своей комнате завалился на кровать, потребовав у хозяина досочку, покрытую воском, и стило, и стал придумывать себе герб и девиз, попутно прихлебывая молодое божанси и ожидая, пока мэтр Эммануил запечет для нас гуся и пару каплунов.

История с сеньорией Сегюр, которую я взял себе в титул, мне не нравилась все больше. Это была земля Арманьяков и в любом случае меня связывала с семейством. Без встреч с благородными сьорами не обойтись, не по пустыне едем, и кто-нибудь из них вполне может при упоминании моего титула связать меня с Арманьяками, поголовно находящимися в опале. Даже обязательно свяжет, так как знание геральдики и владетельных родов входит, чуть ли не в первую очередь, в обучение знати. Значит?

¹⁰⁶ Лиард (*фр.* Hard) – первоначально монета из Дофине = 3 дофинских денье. Монету чеканили из биллона. При Людовике XI стала общекатолической монетой = 3 турским денье. Вес монеты 1,2 г, проба серебра – 250.

¹⁰⁷ Унция – в средневековой Франции была равна в среднем от 32 до 38 г.

Значит, надо от сеньории Сегюр и всех опознавательных знаков, связанных с Арманьяками, избавиться безжалостно. Есть благовидный повод. Обет. Будет звучать примерно так.

– Я взял обет скрывать свой герб, цвета рода и основной титул и принять темные облачения до тех пор, пока собственной рукой не уничтожу сотню... нет, две сотни сарацин во исполнение торжества христианской веры, – торжественно и выпренно продекламировал я в потолок.

Слушай, а отлично звучит! Так, а теперь девиз на щит. Вернется Тук и тут же мне его намалюет.

Как там было у Вальтера Скотта... Рыцарь, лишенный наследства? Нет, мне это не подходит. Воспримут не так. Все, что связано с бастардством, долой однозначно.

Ага... Да что за хрень в голове вертится!

– Никто, кроме меня! – вдруг выпалил и понял, что попал в точку. – Так и напишем на черном фоне серебряными буквами по-латыни. А герб... А никакого. Черный фон с серебряной окантовкой – и все. Отлично будет смотреться. Доспех-то у меня исключительно вороненый.

Стоп... Я же заказал себе сине-черные шоссы... Надо будет и синенького в герб добавить. Значит... Значит, на синем фоне будет черный фигурный щит, на котором уже и будет надпись серебром. Полное рококо, до которого и не дожить мне.

– Да ты, батенька, просто монстр геральдических символов, – похвалил я себя, наградил бокалом вина и принялся придумывать имя.

А титла... Пусть так и будет – шевалье де... де... де... Знаний и воображения катастрофически не хватает... Шевалье де Розмарин... де Барбарис, де Хмели-Сунели... Вот млять...

Опять набулькал вина в бокал.

Шевалье де Карабас? Ну нет... Может, лучше по писателям пройти? Шевалье де Голон, шевалье де Дюма? Шевалье де Мопассан. Полный бред!

Насколько я понимаю, титла отождествляется с владением земелькой. Есть, к примеру, земелька Вик-Фезанзаге. Вот мой папаня и был в дополнение к основному титулу этим виконтом де Вик-Фезанзаге. А земелькой можно при желании и отдельно стоящий хутор обозвать. Как проверишь, есть ли такая? Правильно – никак. Значит, я буду шевалье де Дрюон. Где-то я читал, что предки данного сочинителя получили титул дворянскую от Наполеона Бонапарта... Или не они? Да какая разница. Хорошо звучит! Шевалье де Дрюон. Вполне по-французски. А имя оставим Жан.

Фу-у-ух... Придумал. Где там этот Эммануил хренов? Жрать хочу – не могу.

Вдруг внизу раздались оглушительный грохот, звон и пронзительные вопли хозяина. Мне даже на секунду показалось, что его проткнули вертелом, так истошно он вопил... Может, разбойники?

Втиснулся в ботфорты и, прихватив эспаду, слетел вниз, готовый спасти хозяина и расчленять злоумышленников...

Но увидел следующую картину.

Разбойников не было...

Хозяина никто вертелом не протыкал и вообще никаких увечий не наносил.

На полу в кухне валялся перевернутый шкаф и гора посуды.

Почтенный мэтр Эммануил, красный как рак, носился по кухне с присно упомянутым вертелом за щуплым чумазым пареньком. Мальчишка проявлял чудеса изворотливости и выскальзывал из рук мэтра как угорь. Хозяин же попыток не оставлял и, впуская полосу воздуха железякой, завывал как сирена.

Я пожалел, что со мной нет аркебузы. Бабахнул бы в потолок в лучших разбойничьих традициях – и конец суматохе. Правда, возможен инфаркт у хозяина, но это уже ерунда.

Легонько постукал кончиком эспады по медному котлу.

Ноль эффекта. Вопли и топот заглушали все звуки. Меня никто не собирался замечать.

Немного разозлился, спихнул котел со стола на пол и рывкнул громче медного звона:

– Achtung! Tudit naperekosyak!.. Мэтр Эммануил, объяснитесь, что здесь творится?

Паренек заметил меня первым и, мигом сориентировавшись, юркнул ко мне за спину.

Хозяин по инерции кинулся за ним и чуть не наткнулся на кончик эспады.

– Я еще раз спрашиваю: что здесь творится, мэтр? – пришлось повысить голос.

– Он... он... – Хозяин, пыхтя как паровоз и задыхаясь, не мог вымолвить ни словечка.

– Мэтр, успокойтесь, – пришлось смягчить тон. – В любом случае он от вас никуда не денется.

Паренек, услышав эти слова, испуганно пискнул и забился в угол.

Мэтр отдышался и выпалил:

– Это исчадие ада, ваша милость, опрокинуло мой шкаф с посудой, испортило баранью тушу, залило новую скатерть вином, уронило перечницу в суп и...

– Это не я... – пискнул паренек.

– А кто?! – взвыл хозяин. – Взял на свою голову, погубит меня когда-нибудь моя же доброта. Убью, не пожалею, возьму грех на душу...

– Тихо, тихо... Кто он такой?

– Работник мой. Пожалел на свою голову сироту. Мне нужен был слуга, а тут он из Арманьяка с беженцами пришел, говорит – сирота. Нешто я без сердца. Обогрел, приютил...

– ...обобрал... – продолжил я за хозяина.

– Что? – Мэтр в недоумении выпучил глаза.

– Не обращайтесь внимания, мэтр. Ну и что вы собрались с ним делать? Убить? – поинтересовался я. – Ваш вертел вполне для этого подойдет. Только надо бить в живот прямым уколом. Тогда вы проткнете желудок, и мальчишка будет помирать долго и мучительно.

– Н-не надо! – Мальчишка попытался сбежать, но я его успел поймать за шиворот.

– Н-нет... – Мэтр испуганно уронил вертел на пол и в смущении спрятал руки за спину.

– Как тебя зовут, маленький негодник? – Я легонько встряхнул паренька.

– Франсуа... Франсуа, Франсуа меня зовут, в-ваша... м-милость. – У парнишки зуб на зуб не попадал от страха.

– Ну, и что с тобой делать?

– П-поймите... П-простите...

– Сколько тебе лет?

– Ч-четырнадцатый на Рождество п-пойдет...

– А не скажешь! – подивился я.

Мальчишка показался шупленьким и худющим. Вот что с ним делать? Выгонит его на улицу хозяин, как пить дать... Или пришибет. Много ли ему надо? В чем только душа держится...

– С лошадьми обращаться умеешь?

– Да, ваша милость... С малолетства...

– М-да... Мэтр Эммануил, что вы с ним собрались сделать, без шуток?

– Не знаю! – Кабатчик уже успокоился, но все равно пыхтел от злости. – Выгнать бы его, но я успел вложить в него деньги...

– Сколько?

– Опять же одежда... передник... колпак...

– Сколько?

– Пять... пятнадцать денье! – выпалил метр.

– Короче, получишь семь денье, и я его забираю себе в слуги.

– А ущерб? – взвыл хозяин.

– Тогда оставляй его себе, но мы закупимся провизией в дорогу на стороне, – равнодушно бросил я мэтру и подтолкнул мальчишку в его сторону.

– Договорились, – поспешно заявил хозяин гостиницы.

– Вот и ладно. Франсуа, будешь служить нам? – поинтересовался я у мальчика.

– Буду, ваша милость! – Парень изобразил что-то вроде поклона вместе с реверансом и, покачнувшись, чуть не упал.

Экое он все-таки несчастье... Чувствую, пожалею я о своем решении... Хотя без слуги уже никак не обойтись... Или пажом его сделать... Нет, пока – в слуги.

– Вот и хорошо. Нанимаю тебя в слуги. Жалованье положу достойное. Но есть одно условие!

– Какое, ваша милость? – Паренек настороженно на меня уставился.

– Вымыться! До скрипа! Переодеться в чистое. И быть таким всегда. Иначе я тебя повешу на первом же суку! – грозно зарычал я на паренька.

– Я его отдраю как медный таз. Блестеть будет, – поспешил меня заверить хозяин гостиницы, боясь, что сделка сорвется.

– Н-не надо! Я сам, – возмущенно пискнул мальчишка. – Обязуюсь.

– Вот и хорошо. Есть во что достойное у тебя переодеться?

– Есть, – живо заверил он меня. – Чай, не сервом был. Верхняя одежда есть и две смены белья.

– Хорошо. Сейчас вернется мой эскудеро. Пойдешь с ним на рынок, и выберете облачение моих цветов. Для тебя. Парадное. Все, свободен, бегом марш мыться, а вас, мэтр, попрошу ко мне. Поговорим о провизии.

В результате деловой беседы хозяин обязался поставить мне трех гусей копченых, два окорока оленьих и один свиной, все разного копчения, половину большого круга твердого овечьего сыра от горных басков (уверял, пройдоха, что хранится долго) и по маленькому кругу сыров одижье и бри, масла оливкового глиняную бутылку, топленого коровьего низкую крынку. Сушеного гороха, бобов, дробленой пшеничной крупы в насыпку и мешочек грубой муки. Конечно же вязанку полюбившихся мне копченых угрей и напоследок три больших каравая хлеба. Ах да... совсем забыл. Еще три примерно пятилитровых меха с вином из винограда Финь-Шампань и десятилитровый овальный бочонок с яблочным сидром. Бочонок у нас с собой был – подарок из доминиканского приюта, так что платить пришлось только за сидр.

Ударили по рукам, но я быстро сбил все довольство с хозяина, заявив, что окончательный расчет с ним проведет шотландец, предварительно согласовав цены. Уж этот цену собьет наполовину, если не меньше.

Когда мэтр Эммануил накрыл стол, вернулся Тук, красный и довольный, заявив, что весь фураж он прикупил по сходной цене.

Только сели обедать, как нарисовался Франсуа. Чистый, переодетый и с тощим узелком в руках.

С первого взгляда он мне показался страшненьким, что и зачлось в совокупность моей жалости к нему. Но сейчас он предстал в совсем другом виде. Так же, как и прежде, он казался довольно тщедушным, но стройным, с отличной осанкой. Теперь же проявились правильные черты лица, легкая скуластость и смуглость кожи, рот с пухлыми, но красивыми губами. И слегка выющиеся кудри до плеч цвета воронова крыла. М-да... Красавчег, однако. Такого в девчонку нарядить – никто и не заметит подмены. Щуплый вот только... Не знаю, как с конями будет справляться... Ладно! Откормлю! Все равно уже не выгонишь.

Парень переоделся в потертую короткую, но чистую курточку. И, к моему удивлению, в шоссy с пуфами. Где он их раздобыл, интересно, явно не по сословию одежка. Правда, все одноцветное и изрядно потрепанное. И на ногах были раздолбанные и расползшиеся сапожки...

– Это Франсуа, наш новый слуга, – представил я его Туку. – Просил – вот, получай.

– Чё-то он дохлый какой-то... – с сомнением буркнул шотландец.

– Я сильный! – гордо заявил парень и отчего-то покраснел.

– Это дамуазо¹⁰⁸ Уильям Логан, мой эскудеро. Поступаешь в его полное распоряжение, – проигнорировал я ворчание Тука и бахвальство пацана. – А тебе, дамуазо, придется после обеда сходить с ним на рынок и подобрать какую-никакую кольчужку с кинжалом и еще одежку темно-синего цвета, как парадную. Но в рамках, без роскошества. Ну, сам знаешь...

– Знаю, – на удивление покладисто согласился шотландец. – Только кольчужку ему больно жирно будет. Жак¹⁰⁹ сойдет, хотя видел я и кольчужки подержанные – дешевые. А кинжал я свой старый отдам. Он ему и как меч будет. Поддоспешник тоже мой перешьем. М-да... Без защиты никак. Заяц пукнет – и пришибет невзначай. Что ж ты, парень, дохлый-то такой? Это сколько же денег-то потратить придется, чтобы откормить тебя?

– Я мало ем... – смутился Франсуа.

– Это и плохо! – в один голос рявкнули мы с Туком, заставив вздрогнуть паренька.

– Давай, парень, возьми себе со стола еды, сколько осилишь, и иди вон в уголке поешь, – разрешил Тук и посмотрел в мою сторону, ожидая одобрения.

Увидел кивок и продолжил:

– И сидра налей, вон кружка деревянная стоит. А вот вина тебе не видеть еще лет пять. Пока жирок не наешь. Все, вперед. Выполнять не прекословя, иначе уши обдеру.

Вот таким нечаянным образом у меня появился слуга. Пока слуга... Проявит себя – станет пажом, а дальше посмотрим. И плевать мне, что он из третьего сословия¹¹⁰. Прав был Петька, который расейский первый и великий: близких надо подбирать и возвеличивать из черни, они тогда служат не за страх, а за совесть, а родовитых ненавидят и давят со всей классовой ненавистью. Вот так...

Сразу после еды мы с Туком, предварительно выгнав из комнаты Франсуа, обсудили мои идеи по смене имени. Тук полностью одобрил задумки и быстро оформил щит, начертав красивыми буквами девиз и добавив обрамление из переплетающихся завитушек.

К моему удивлению, оказалось, что ему в сборнике сословий встречался похожий по названию бретонский род. Только он звучал как Друон. А наплевать. Все равно буду де Дрюоном. Сразу после этого шотландец помчался в город заказывать новые котты и экипировать Франсуа.

Непотребных девок вызывать я не стал и на вино не налегал. Тук соответственно тоже. Парнишку он забрал ночевать в свою комнатку.

Заснул я мгновенно и проспал без сновидений до рассвета.

С рассветом стал принимать работу от ремесленников.

На первом этаже уже стояла целая делегация сразу от нескольких цехов города.

Первыми принял, естественно, оружейников во главе с сыном главы цеха. Оружие и доспех они подправили мастерски: даже всматриваясь, следов повреждений рассмотреть не удавалось.

Болты к арбалетам оказались высочайшего качества. Мэтр Бернулли в качестве подарка от фирмы прислал нам лишние две дюжины, в отличном, тисненой кожи колчане, и литров на десять бочонок вина, которое мы пробовали в его лавке. Вино, надо сказать, отменное, в меру

¹⁰⁸ Дамуазо (*фр.* damoiseau от *лат.* domicellus) – название сыновей феодальных сеньоров, пока они готовились в качестве пажей и оруженосцев к принятию рыцарского сана.

¹⁰⁹ Жак – одно из названий гамбизона, стеганный поддоспешник, мог служить самостоятельным видом доспеха у простых воинов, не имеющих средств на более дорогую защиту.

¹¹⁰ Третье сословие – население в католических странах в Средние века делилось на три сословия. Священники и клир были первым сословием. Второе сословие – дворяне. Третье – все остальные, но в основном под третьим сословием понимались купцы и горожане.

кисловатое, терпкое и хорошо выдержанное. Я его понимаю. Заработал он на мне не менее пятнадцати турецких ливров. А это гигантская сумма по нынешним временам. Городской бальи получает в год меньше.

Портняжки превзошли самих себя. Все оказалось готово строго по заказу, по мерке, и тоже без подарков не обошлось. Дюжина носовых платков из тончайшего батиста, правда, мерзкого голубоватого цвета. Да, собственно, какая мне разница, хоть розового.

Котты и костюмы получились представительные и богатые. Правда, и заплатил за весь заказ изрядно. За срочность. Транжира я, однако...

Ботфорты особо порадовали, по моему заказу к ним пришили два ремешка с пряжками, охватывающие ногу на щиколотке и под коленом, и теперь не было нужды привязывать их к поясу. Но все равно, как только найду сапожника попонятливее, так сразу объясню, чем отличается правый сапог от левого. А то эти разношивать... То еще удовольствие.

Пришло время собираться. Лошадок нагрузили с горой, и я очень пожалел, что так непредусмотрительно бросил мула. Сейчас бы он как раз пришелся к месту. Но в общем-то ничего страшного. Лошади крепкие, а груз хоть и громоздкий, но тяжел в меру.

Наконец, собравшись, мы подъехали к городским воротам и, как только они открылись, пропуская подводы с провиантом, покинули город.

Кстати, мэтр Эммануил, нас провожая, даже слезу пустил, но сверх оплаты никакой провизии не дал. Сволочь.

Глава 11

В нужном нам направлении протекала Гаронна, беря свое начало в отрогах Пиренеев, но она не проходила через страну Фуа. Туда можно было добраться по притоку Гаронны – Арьежу, протекающему через графство, но барку нанять оказалось проблематично и дорого.

Во-первых, плыть пришлось бы против течения, пользуясь услугами бурлаков, правда использующих для этого упряжки волов, а не ручной труд. А это дорого, да и не быстро.

Во-вторых, с судна при необходимости быстро не сбежишь, а я всегда предпочитаю свободу маневра.

Так что путь предстоял исключительно на лошадях, что у меня не вызывало в общем ощущения больших проблем. Как-то я уже свыкся с седлом.

Ехали не останавливаясь до вечера, пообедали на ходу хлебом и сыром. Населенных пунктов сторонились и держались реки, по берегам которой рос густой лес.

Франсуа посадили на нашу тягловую кобылку Розу. Она хоть и была порядочно нагружена, но воробыный вес парнишки даже не почувствовала. Так он и ехал с торчащими в стороны длинными ногами. Спина у кобылки уж больно широкая была, не по размерам паренька.

Тук приобрел для него старую, многократно латанную и потертую кольчугу старинного одинарного плетения и короткий стеганый жак. И сразу заставил все надеть для приучения тела к доспеху. Франсуа сразу потолстел и стал жутко неуклюжим.

Шотландец сразу как-то тепло воспринял Франсуа, но тем не менее не упускал ни малейшей возможности для его муштры. Но как-то по-отечески это у него получалось. Не ожидал я, честно говоря, такого от сурового скотта.

Сам парень не мог нарадоваться своему новому положению и проявленной нами доброте. Стараясь во всем услужить, хватался за все сразу, с вполне предсказуемым результатом. Примерно таким же, как на кухне мэтра Эммануила. Слава богу, пока без критических последствий.

К счастью, лошади приняли паренька доброжелательно. А Роден, который злобно фыркал и норовил укусить даже шотландца, стал выказывать к Франсуа явные признаки расположения.

Нашлась еще одна явная польза от мальчика. Он очень ловко обслуживал нас во время еды, оказалось, что даже умел готовить, и причем неплохо. Правда, приходилось сторониться его во время этого действия, слишком были велики шансы стать обваренным или заляпанным.

Как бы там ни было, на привале он состряпал для нас очень недурственный кулешик, умудрившись не пересолить и не переперчить.

Перекусив, я сразу стал выпрашивать его историю:

– Рассказывай.

– Что рассказывать, ваша милость?

– Все. Где родился, где крестился, как попал в Тулузу. Только не вздумай врать, – построил зверскую гримасу. – Тук, что мы с ним сделаем, если соврет?

– Как что, монсьор? Спустим штаны и выдерем нещадно. – Шотландец хохотнул. – А потом еще раз выдерем, так что зад поперек треснет.

– Не надо меня драть! Я родился в Саматане, это бастида¹¹¹ неподалеку от л'Иль Журдена. Отец был... кожевенником. – Франсуа запнулся. – Да, кожевенником. Потом пришли войска руа франков и взяли наше поселение приступом. Отца и мать убили. Так я остался один. – Франсуа зажмурился, отчаянно стараясь удержать слезу, не удержал, оттер кулаком и

¹¹¹ Бастида – небольшие укрепленные селения на юге Франции XII–XV вв., окруженные валом с башнями для защиты от внезапных нападений.

продолжил: – Пришлось бежать. Кое-какие деньги у меня были, так что выжил. С беженцами добрался до Тулузы. Остальное вы знаете.

– М-да... Не реви, парень. Экая ты плакса... Не реви, сказал, уши надеру. – Я шутливо дернул паренька за ухо. – Все плохое закончилось, началась совершенно другая жизнь. Полная...

– Вы очень добры ко мне, ваша милость... – Мальчик неожиданно дал волю слезам.

Я застыл в растерянности, но ситуацию поправил шотландец. Он мгновенно поймал паренька за чуб, приговаривая:

– Не реви, щенок, не реви, щенок, уши обдеру.

И потащил его учить расседлывать лошадей.

М-да... У парня глаза совсем на мокром месте. Даже не знаю, что сказать. В это время мальчишки четырнадцати лет считаются вполне самостоятельными, вовсю уже сражаются и по борделям шастают. А этот... Может, психическая травма у него какая? Какая психическая травма в Средние века! Эта болезнь от современной изнеженности появилась... А может, и нет. Вот же себе слугу подобрал: добродетель, едрит твою...

Прошелся по поляне и вышел к берегу Гаронны. Мы следовали как раз против ее течения. Река как река, довольно широкая и быстрая. Наш берег пологий, а противоположный вода подмыла, и образовался обрыв. Густые рощи по берегам. Через несколько километров русло сузится, и будет паромная переправа. И соответственно поселение при ней. Надо подумать, как его объехать.

– Ох, и рыбалка, наверное, здесь... – восхищенно заявил я, приметив, как здоровенная рыбина шлепнула хвостом по воде, подняв легкую волну.

Искупаться, что ли? Вечер, а солнышко еще припекает. Поискал глазами шотландца и мальчишку. Оказалось, что они, закончив с лошадьми, устроили тренировку с оружием. Тук показывал Франсуа приемы обращения с глефой, а мальчишка усердно и вполне сноровисто повторял за ним.

– Тук, Франсуа! Бегом ко мне! Купаться будем! – заорал я, принявшись стягивать ботфорты.

– О, это дело! – радостно заявил Тук, который стал гораздо чище под моим влиянием. И тоже стал раздеваться.

– А тебе что, особое приглашение надо? – спросил я мальчишку и, не дожидаясь ответа, приказал: – А ну, скидывай одежонку.

– Я попозже, – пояснил Франсуа. – Я тут добро посторожу. Негоже без присмотра оставлять. Да и посуду надо помыть.

– Ну, как знаешь. – Я попробовал ногой воду и с разбегу прыгнул в реку. Вынырнул и погрозил кулаком мальчишке: – Чтобы потом обязательно вымылся. Смотри мне!

– Обязательно... – Франсуа собрал посуду и ушел за камыши, напоследок пояснив свои действия: – Я подальше мыть буду, вы же здесь купаетесь, ваша милость, так что не буду воду поганить.

– Тук, тебе не кажется, что он немного странный? – поинтересовался я у шотландца, уже обсыхая на берегу.

– Не... монсьор. Я с ним поговорил. Просто мальчишкой отец не занимался. Одна матушка. В монастырь его готовили, вот он и неприспособленный. Ничё... Жилка, кажись, в нем есть, а дурь я из него быстро выбью. Шкура у него, чай, не железная. Хороший парень, монсьор, не сомневайтесь. Все на лету схватывает. А хилый, потому что наголодался. На моего покойного братишку похож... – неожиданно добавил Тук и смутился.

Ага... Вот и объясняется расположение шотландца к Франсуа. Хотя ничего плохого я в этом не вижу.

– Смотри сам. Осторожней с ним пока. Совсем же хиленький... Вот отожрется, тогда и бери в оборот.

– Ага... – Шотландец быстро плел из ивовых прутьев какую-то конструкцию.

– Это ты на рыбу?

– Ну да. Свеженькой побалуемся.

– Это дело.

Меня прямо подмывало порыбачить, но как-то я крючками и лесой позабыл запастись в Тулузе. И как назло, булавки подходящей нет. Ничего, как до первого кузнеца доберусь – закажу. Рыбалить я люблю, дворянское положение и Средние века вокруг совсем не повод забрасывать любимое занятие.

Из кустов вылез Франсуа. Он нес отдраенную до блеска посуду, а по влажной одежде и мокрым волосам было видно, что он действительно купался.

– Вымылся?

– Я это... когда мыл, в воду свалился, вот и пришлось заодно искупаться. – Паренек тряхнул мокрыми волосами и, глянув на меня, опять слегка покраснел.

– Да что ты постоянно краснеешь, парень? – Я голяком развалился на песке позагорать под вечерним солнышком, а бельишко вывесил на кусты подсушиться. – Пряма девчонка какая. Стой... А ты уже девок пробовал?

– Пробовал... и не одну! – важно заявил Франсуа и поспешил ретироваться.

Врет пацан... Однозначно врет. Ну ничего, это дело поправимое. В первом же городе станет паренек мужиком. Лично за уши в бордель оттащу. И куда стеснительность денется...

Тук, к моему большому удивлению, наловил по камышам своей примитивной плетенкой полтора десятка средних – сантиметров по сорок длиной – речных угрей.

Тут я не удержался и, хотя уже начинало смеркаться, принялся за готовку. Рыбу выпотрошил и вымыл под моим присмотром Франсуа. Затем я уже сам, присыпав тушки солью с перцем и сушеными травками, завернул их в лопухи и плотно обмазал глиной. Ну и в костер, конечно.

Тук, и особенно Франсуа, следили за мной со священным трепетом. Ничего себе! Сам господин решил их накормить.

Через полчаса, после того как я расколотил запекающуюся глину и раздался божественный аромат испеченной рыбы, нас уже не смог бы оторвать от еды сам Всеми́рный Паук со всем своим войском.

Сказать, что рыба получилась вкусная, – ничего не сказать.

А с вином... В общем, божья благодать и пища богов.

С набитыми желудками завалились спать. На этот раз я все же решил выставить посты. И так пока филонили безбожно. Когда-нибудь такая беспечность выйдет нам боком.

Первым дежурил Франсуа, его я обязал нести службу до полуночи. Все равно больше не высидит, парень на глазах засыпал. Вооружил его арбалетом, но главным оружием у пацанчика являлся голос. Он должен был вопить как резаный при малейшей опасности. После Франсуа бдит Тук, почти до рассвета. Сам вызвался. А затем уже я.

Часы отсутствовали, так что пришлось обойтись луной. Но, думаю, справимся.

Сон пришел, как всегда, незаметно...

– Почему вы уезжаете, мама? Неужели нельзя не подчиниться? – с отчаянием обращался я к очень красивой женщине, одетой в глухое черное платье и с такого же цвета покрывалом на голове. Женщина поражала своей красотой, хотя ей было уже далеко за сорок. Правильные тонкие черты лица и огромные синие глаза с длинными пушистыми ресницами делали ее похожей на сказочную фею.

– Так надо, сын... – Моя мать осторожно промокнула батистовым платочком набежавшую слезинку. – Я знала, что ты придешь меня проводить, мой мальчик.

– Я тебя увезу...

Мать прервала меня жестом руки и строго сказала:

– Я тебе уже сказала. Так надо. Ты уже не маленький и должен понимать. Нашему роду нужен наследник. Законный наследник. У твоего отца есть единственный путь заставить понтифика отозвать отлучение.

– Я понимаю, но очень хочется постоянно видеть тебя рядом, мама...

– В моих мыслях мы всегда рядом, сын... – Изабелла д'Арманьяк опять промокнула глаза и печально, ни к кому не обращаясь, сказала: – Мои дети – мой самый большой грех и одновременно самая большая любовь.

– Не говори так. Дети не могут быть грехом!

– К сожалению, могут. – Контесса встала. – Мне уже пора, Жан. Заботься о брате и сестре.

– Не упоминай при мне этих свиней. Они не удосужились даже прийти проводить тебя. Они... Они осудили отца и собрались просить милости у Паука. Ты представляешь!

– Ты их должен понять! Вы все в очень тяжелом положении, даже несмотря на то что отец признал вас. В любой момент это решение могут оспорить.

– Я должен только тебе и отцу за свою жизнь, мама! Не говори мне больше об этих отступниках.

– Жан! – Мать с мольбой воздела руки. – Вы должны быть вместе!

– Этому никогда не бывать. Идем, я помогу тебе спуститься по лестнице. И знай, матушка, я обязательно приеду к тебе в Барселону...

Сон прервался сам по себе, и я, почувствовав что-то мокрое на щеке, с удивлением понял, что плакал во сне.

Усилием воли прогнал накотившую грусть и, приподнявшись, осмотрелся.

Еще было совсем темно; Тук сидел возле тлеющего костра и что-то тихо напевал под нос, Франсуа, свернувшись комочком, спал у него под боком. Лошади, привязанные к деревьям, тревожно всхрапывали и беспокойно перебирали ногами.

– Тук, что с конями?

– Зверя, наверное, чувят, вот и пугаются. Чего вы так рано, монсьор, встали? Еще пару часиков спокойно можете поживать.

– Заснешь тут с вами. Раздувай костер. – Я встал и натянул ботфорты. – Тревожно мне что-то, шотландец. Шевелись, шевелись и мальчишку буди...

– Как скажете. – Тук подбросил веток в угли и стал махать щитом, раздувая огонь.

Я выбрал себе из кучи хвороста сук потолще и сунул его в костер. За факел сойдет... что же такое чувство пакостное...

Костер стал разгораться, темнота понемногу отступала, но вдруг сразу в нескольких местах вокруг нас раздался хриплый переливистый вой, между деревьями стали мелькать красные парные огоньки, а отблески разгорающегося костра начали выхватывать из темноты юркие приземистые тени.

– Волки, мать твою!.. – заорал я, выхватил эспад и побежал к лошадям. – Коней вяжи покрепче, живее...

– Слушаюсь, ваша милость! – Тук подскочил ко мне.

В одной руке он держал палаш, в другой – горящий смоляной сук. За спину он закинул сразу два взведенных арбалета.

– Держи другую сторону, – приказал я шотландцу и вдруг с ужасом осознал, что не вижу Франсуа. – Где парень, Тук?

– Да кто его знает? – Скотт напряженно всматривался в темноту. – Может, на дерево взобрался?

– Здесь я, ваша милость. – Из кустов появился Франсуа, таща за собой большую корягу.

Поднапрягся и закинул ее на костер. Затем выхватил кинжал и стал рядом с нами.

– Возьми лучше глефу. – Шотландец ногой подвинул к мальчику лежащее на земле оружие. – Только не руби, а коли, старайся близко не подпускать.

– Хорошо... – Франсуа поднял оружие.

Несмотря на подрагивающий голос, выглядел он решительно, да и глефу держал уверенно. Вот и хорошо. Правду Тук говорит: есть жилка в парне.

Лошади бесились, неистово ржали и лягались. Если бы мы не привязали коней, они давно бы вырвались и ускакали в лес, после чего о них можно было бы позабыть.

Волки шныряли вокруг нас, взвизгивали, подвывали, но не нападали. Зверей отпугивал разгоревшийся костер, да и маловато их было для нападения, всего с десятков.

Все это очень нервировало и утомляло. Каждую секунду ожидать нападения, не имея возможности даже присесть, и постоянно напрягать глаза, всматриваясь в темноту, – удовольствие не из приятных. К тому же периодически раздающийся волчий вой, леденящий кровь, настроения не улучшал. И пить, как назло, хочется...

– Прикрой меня, – бросил я Туку и подбежал к вещам.

Схватил бочонок сидра и кубок, затем спешно вернулся к лошадям. Отдал все шотландцу.

– Пей, потом дашь парню.

– Благодарю, монсьор. – Тук отдал мне факел, положил на землю палаш и, выбив пробку, налил полный кубок напитка. – Но сначала вы, ваша милость...

Восхитительно пахло яблоками, и сразу немножко поднялось настроение.

– Ну ладно... – Я взял кубок – и в этот самый момент из темноты, вытянувшись в прыжке, вылетела темная тень.

Выронив кубок, схватился за эспаду, но Франсуа опередил меня. Отчаянно закричав, мальчик сделал шаг вперед и поймал волка на лезвие глефы.

Удержать зверя на древке он не сумел, и тяжелая туша, выбив из его рук оружие, опрокинула мальчика на спину.

Мы с Туком одновременно всадили в волка клинки, зверь хрипло завыл, хватаясь зубами за сталь. Вот же живучий, зараза... Осторожно ткнул эспадой еще раз, пинком скинул тушу с мальчика и оторопел, увидев залитое кровью лицо.

Твою же мать, неужели цапнул?

– Прикрывай меня... – крикнул шотландцу и оттащил Франсуа за шиворот подальше от бывшего в конвульсиях зверя.

Оглянувшись в поисках фляги с водой и, не найдя, плеснул парнишке в лицо сидра. Жидкость смыла кровь, и я с облегчением перевел дух, увидев, что парень целый.

– Вот, засранец, перепугал-то как! – На радостях я влепил мальчишке подзатыльник.

Франсуа дернулся и, открыв глаза, еще отчаянней завопил, пытаясь отползти от меня.

– Тише, тише... – Я поймал его за ногу. – Куда ты?

Парнишка повел глазами и, увидев совсем рядом щелкающего клыками издыхающего волка, слабо вскрикнул и, нащупав древко глефы, стал яростно тыкать ей в зверя.

– Хватит! – пришлось остановить парня. – Ему уже хватит. Давай лучше вставай – и к лошадям. Попробуй их успокоить.

– Бегом, бегом, парень, Матильде на морду котту набрось, враз успокоится!.. – Тук, прокричав это, вскинул арбалет и, быстро прицелившись, нажал на спуск.

Щелкнула толстая тетива – и в кустах раздался пронзительный визг.

– За Брюса! О-го-го... – Шотландец бросил арбалет на землю и кинулся в темноту, размахивая факелом.

Вот ненормальный! Твою же мать...

– Ura-a-a! Za Rodinu! Za Stalina!.. – завопил я по примеру Тука и осекся.

«Тьфу, млять... пришло же в голову такое кричать...» – мелькнуло в голове, но деваться было некуда, и я, подхватив горящий сук, кинулся следом за шотландцем.

Не знаю, чьи вопли перепугали волков, но вблизи нашей стоянки, кроме единственного зверя, бешено грызущего торчащее в боку древко болта, мы больше никакой живности не обнаружили.

Скорей всего, я и спугнул. Это же надо было такую хрень орать!

Хотя, если разобраться, вовсе это и не хрень. С этим кличем погибали наши деды и прадеды, идя в бой. И попробуй им тогда сказать, что они кричат не то. Быстро перевели бы в неживое состояние. Так что будем считать, что во мне заговорила генная память. Дед мой три войны прошел и закончил воевать командиром кавалерийского эскадрона в Маньчжурии. Полным кавалером ордена Славы.

Светало. Я доколол подраненного Туком зверя и притащил его на стоянку. Оба волка оказались просто гигантских размеров. В длину, вместе с хвостом, одной со мной высоты. И весили килограмм по пятьдесят-шестьдесят. Какие-то волчьи великаны...

– На человечинке отожрались, – пояснил Тук. – В Арманьяке. Там еды сейчас хватает.

– А какого... тогда их сюда принесло?

– Не знаю, монсьор. Скорее всего, охотиться на них стали. Твари эти в наших местах редкие; говорят, чаще всего они в горах встречаются. На границе с Арагоном и Наваррой. – Тук перевернул за лапу зверя. – Дозвольте, монсьор, я себе хвосты возьму. Шкуры у них сейчас негодные, а вот хвосты употребить можно.

– На шлем себе прицепишь? – догадался я.

– Ну да. Предки мои вообще черепа медвежьи и волчьи на шлемы крепили. Давно это, правда, было.

– Два – не годится. Или один, или три, – растолковал я шотландцу. – Один Франсуа отдай. Его заслуга в этом трофее тоже есть.

– И то дело. Малец-то духовитый нам попался. Как я вам и говорил. И не такой хлипкий, как казалось: вон как зверя знатно пыранул. Ничё... я его еще поднатаскаю.

– Не помешает, – согласился я. У меня родилось некоторое намерение в отношении мальчика. – Кстати, где он?

Франсуа сидел на корточках перед вторым зверем и осторожно трогал тушу кинжалом. Он уже успел умыться и теперь выглядел вполне пристойно. Правда, лицо имел бледное, как у ожившего мертвеца.

– Иди сюда, – подозвал я его.

– Да, ваша милость, – быстро подскочил ко мне мальчик.

– Ты молодец. Хорошо держался, – похлопал его по плечу.

– Это мой долг перед вами, ваша милость. Я старался, – вежливо склонил голову Франсуа.

– Впредь так и действуй, и моя милость не обойдет тебя. – Я выудил из кошелька серебряную монету и отдал пареньку: – Держи, купишь себе что-нибудь.

– Благодарю вас...

– Не благодари. Живо камизу себе застирай, а то пятна крови останутся. – Я ткнул пальцем в пятна на рубашке паренька.

– Потом... – Франсуа отшатнулся.

– Сейчас! – На самом деле я неспроста решил заставить Франсуа заняться стиркой. Закралось у меня легкое подозрение...

В общем, я было совсем уверился, что мой слуга – девчонка. Конечно, я привык видеть в современности инфантильную молодежь с полным отсутствием определяющих половых признаков. Но я сейчас не в современности... То есть в современности, да не той. В пятнадцатом веке метросексуалов не бывает.

– Завтрак готовить надо, я попозже... – попробовал отговориться Франсуа.

Девка! Сто процентов – девка. Папан бы разоблачился без особого стеснения.

– Тук, иди сюда! – позвал я шотландца и, когда тот подошел, приказал: – Стяни с него камизу.

– Я сам! – Франсуа решительно вскочил и стал стягивать курточку. Затем вытащил из штанов камизу и тоже снял ее через голову.

Нет! Сисек нет. М-да... А я уже совсем утвердился в женской сути своего слуги. Худющий... кожа да кости... Но не беда. Кости есть, а мясо нарастет. Хотя что-то не мальчиковое в фигурке есть...

– Вы, ваша милость, думаете, что я девчонка! – с обидой выкрикнул Франсуа. И потянул завязку на штанах. – Могу и достоинство свое показать.

– Не надо. Достаточно. Я удовлетворен. Вперед, стираться!

Ограничимся уже увиденным: не девка! Однозначно. Конечно, отсутствие груди до конца ничего не проясняет. Бывали у меня в жизни случаи. Но! Парень разделся сам, а если бы он был девочкой, выполнить это – полный разрыв шаблона для целомудренного Средневековья.

Ладно... хватит экспериментов. Да и Тук совсем не одобряюще косится. Прикипел к парнишке. Хотя если он похож на его покойного брата, то и не удивительно.

– Монсьор... – укоризненно протянул шотландец, – да парень он. У меня глаз наметанный. Ни в жисть не спутаю. Просто он стыдливый. Говорил же – его в монастырь готовили...

– Все, не ной. Должен же был я как-то проверить. Закрыли тему. Завтракаем, собираемся – и в путь.

Позавтракали всухомятку хлебом и сыром, собрались и, не мешкая, выехали. Я намерился как можно быстрее попасть в Фуа. Там сейчас правила родная сестра Луи XI – Мадлен Французская. Вдова погибшего на турнире Гастона де Фуа. Конечно, формально правила не Мадлен, а ее шестилетний сын Франциск Феб, но именно при нем она и состояла регентшей. Или как тут говорили – региной.

Расчет у меня простой. Вряд ли меня будут искать в Фуа, где правит сестра Паука... Во всяком случае, я очень надеюсь на это. Да и миновать Фуа по пути в Арагон не удастся.

К тому же в Фуа я надеялся найти проводника через Пиренеи. Удобные перевалы, через которые двигались торговые караваны, все были плотно перекрыты войсками Луи. Напряжение с Арагоном у франков все возрастало. Нередки были пограничные стычки, а с учетом того, что меня активно разыскивали, путь мне через них был заказан. А без проводника искать переходы через Пиренеи – занятие для клинических идиотов. Эти горы и в двадцать первом веке остались в категории труднопроходимых и непредсказуемых, а в Средневековье – и подавно.

Я припомнил, как проезжал их вместе с командой по пути на соревнования в Испании. Мы тогда следовали в Памплону, через Ронсевальское ущелье. Просто оторопь брала при взгляде в жуткие провалы, на дне которых бурлили неистовые горные речушки. И погода менялась мгновенно. Безоблачное небо и солнышко в считанные секунды сменились свинцовыми тучами, шквальным ветром и градом. Я тогда очень боялся, что автобус сметет в пропасть порывом урагана. Снег там, кстати, на многих вершинах и перевалах лежит круглогодично. Представляю, что там сейчас творится... В общем, проводник нужен.

Еще до обеда добрались к притоку Гаронны. Река Арьеж по ширине не отличалась от своей более известной сестры, но была мельче, с изобилием отмелей и перекатов. В этом месте она была еще судоходной, но уже в предгорьях, где и расположен Фуа, таковой быть переставала, превращаясь в бурный горный поток.

Переправились на другой берег на пароме, обычной барке с экипажем из десятка паромщиков с шестами. Коренастые мужички бодренько переправили нас, содрав за переправу целых пять су. Немало, но в этом виноват я сам, надо было сразу начинать путешествие по левому берегу.

По берегам Арьежа раскинулись заливные луга с множеством пасшегося на них скота. Перемежались луга ореховыми и дубовыми рощами. Вид открывался красивейший, а с учетом того, что погода стояла великолепная, путешествие, несмотря на ночное происшествие, обещало быть приятным.

Франсуа немного дулся за устроенный мной досмотр, но явно этого не высказывал. Еще бы! Только попробовал бы... Из благих целей я. Не хватало еще девушку заиметь в компанию. Проблемы одни... бытовые. Слава богу, до такого отвратного слова, как «эмансипация», еще сотни и сотни лет.

Мне надоело отмалчиваться, и я попросил Тука спеть что-нибудь. Больно хорошо у него это получалось. Мой преемник в теле бастарда, оказалось, понимал английский. Знал и я его, но современный, который отличался от нынешнего, как небо от земли. Примерно так, как отличается церковно-славянский от современного русского языка.

Тук не стал чиниться и затянул балладу:

Расскажу я вам повесть
Давних времен
О принце великом,
Зовут его Джон...

Я сам не заметил, как стал подпевать шотландцу, а вскоре в наш хор вплелся и голос Франсуа. У парнишки оказался чистый, хрустальный, хотя и не сильный альт. Так мы и ехали, распевая во всю глотку и пугая пестрых соек:

Везут его в Тауэр
Ночью сырой.
За гордыню и славу
И дерзкую речь
Его голова
Покатится с плеч.

– Тук.

– Да, монсьор.

– Крамольная же песенка.

– Да есть немного. Но народу не запретишь.

– Запретишь при желании. Надо делать так, чтобы нечего было запрещать.

– Так не бывает. Народец-то всегда недовольный.

– Это ты точно подметил. Что там у нас впереди?

– Городок Памье при замке Ля Февр. К исходу дня доберемся. – Тук изучил карту назубок, причем обладал поистине энциклопедическими знаниями в географии средневековой Франции. По его словам, библиотеку аббатства Сен-Север он проглотил за год.

– А нам в этот Памье надо? – Образ средневекового города ассоциировался у меня только с грязью и вонью. Да еще клопами, которых я все-таки обнаружил в гостинице у мэтра Эммануила.

– Да нет в общем-то. Припаса хватает. Вот, конечно, мне хотелось хоть одним глазиком глянуть на собор Святого Антония. Говорят, воистину красив он. Да и монахи помогут душу на благочестивый лад настроить беседами богоугодными.

– Ты что, шутишь? – Я посмотрел на шотландца.

Так и есть. Зубы скалит.

– Я тебе сам душу настрою на любой лад.

– Это вы можете, монсьор, – хохотнул Тук.

– Могу, – согласился я. – Франсуа!

– Да, ваша милость, – ответил мальчик.

Он ехал позади нас и держал повод второй выючной лошади.

– Чего молчишь?

– Не след слуге вмешиваться в разговор господ.

В общем-то правильно отвечает парень, но какая-то ирония все-таки проскальзывает. Ох, непрост пацан. Голову под заклад даю – непрост.

– Правильно мыслишь. Как ты считаешь, следует нам в Памье заезжать или нет? Я вот думаю тебя в бордель отпустить. Естество побаловать. А?

– Как прикажете, ваша милость, – смиренно согласился Франсуа и подпустил в голос немного радости: – Можно и в бордель.

Опять правильно. Возможно, мне кажется, но после истории с волками и моим досмотром он стал немного раскованнее... или сделал правильные выводы.

– Ладно, я позже решу... – В город мне все-таки совсем не хотелось. – Выбирайте место для привала. Обедать пора.

Выбрали под привал красивую поляну на самом берегу реки. Костер не разводили, перекусили всухомятку ветчиной, сыром и хлебом. Запили все сидром, коего все еще оставался приличный запас. Сравнительно приличный. На вечерок... И все.

Отошел отлить – и спугнул здорового кабана, отлеживающегося в камышах. Зверюга, к счастью, нападать не собиралась и просто убежала, проломив просеку в кустах.

Рекордный экземпляр. С полтонны весом, не меньше...

– Ты видел? – в изумлении крикнул Туку.

– Подсвинок, – пренебрежительно махнул рукой шотландец. – Вот у меня дома вчетверо больше встречаются.

М-да... Опять я не делаю поправку на эпоху. Дичь-то не в пример больше современной будет. Я где-то читал, что здесь еще должны сохраниться реликтовые быки – туры, зубры и пещерные медведи. Вот бы поохотиться на таких... Только опять поправочку надо делать. Охотиться придется с рогатиной или даже с кинжалом. Высший знак проявления охотничьего мастерства у благородных охотников. Придется вспомнить ритуалы и термины. Не исключено, придется поучаствовать. Когда-то я много читывал про средневековую парфорсную охоту¹¹².

Как ни хотелось поваляться-понежиться на травке – все-таки ночное приключение сил и нервов забрало немало, да и не выспались мы, – пришлось ехать. Я решил в город не заезжать для ночлега, а остановиться на ночь, не доезжая лиги три. Все ж меньше хлопот с гостиницей, к тому же на свежем воздухе оно и полезнее будет.

Так и сделали. Проехали довольно большую деревеньку, и поля с яблоневыми садами при ней, и остановились в буковой роще на холме возле реки, спугнув небольшую стаю серн. Прыткие животные умчались так быстро, что я даже не успел руку к арбалету опустить.

Пока Тук и Франсуа обустроивали нашу стоянку, я понаблюдав с холма за окрестностями.

Удивительной прелести местность.

С юга уже были хорошо заметны отроги Пиренеев, а сами вершины гор терялись в облаках, поражая своей величественностью.

Вся долина реки покрыта дубовыми и буковыми рощами, в промежутках между которыми лежали великолепные пастбища с роскошной травой по пояс.

Я приметил тянувшийся по дороге караван из нескольких повозок, охраняемых парой десятков всадников и таким же числом пеших воинов. За ними, немного отстав, следовали

¹¹² Парфорсная охота – охота верхом на лошадях.

еще всадники и еще несколько повозок. Такой приличный караван. Из-за расстояния гербов на коттах почти не было видно, и я подозвал Тука.

– Кто это?

– Щас глянем. – Шотландец прикрылся ладонью от заходящего солнца. – Груз какой-то везут. Смотрите, монсьор. На коттах щит в красную и желтую полосы. Значит, это латники из Фуа... Не из Барселоны же?

– Что же они могут везти?

– Наверное, серебряную руду, монсьор. Тут копи есть неподалеку. Или железо... А за ними кабальеро с окружением пристроился: видать, спешит в Памье до захода солнца успеть. А вот он – из Беарна. Красных быков на гербе видите? А дальше непонятно. Торговцы, скорей всего. Или странствующие фигляры. Или жонглеры. Все на ярмарку в Фуа едут.

– В Фуа, говоришь? А скажи-ка мне, братец, что про Мадлен Французскую говорят?

– Вдова она. Муж, конт Гастон де Фуа, на турнире пал два года назад. Умом и красотой изрядна. Но больше про ее волосы даже ваганты¹¹³ поэмы складывают. С золотом сравнивают.

– Прямо так уж хороша? – У меня проснулось желание увидеть правительницу Фуа.

А возможно, и не только увидеть...

– Сам не видел, монсьор, но говорят – так. И двор ее считается самым изысканным и веселым на Юге, самому хочется побывать, фрейлин пощупать... – Шотландец мне заговорщически подмигнул.

– Нам сейчас не до тисканья, Уильям, – ответил я шотландцу, хотя подумал совсем о другом.

Молодой организм – что с него возьмешь. Но к моему молодому организму все же прилагались довольно старые и повидавшие всякого мозги. Это я так скромно – о своих. Поэтому удовлетворить инстинкты я еще успею. Дело надо делать.

– Что там за ситуация в Фуа?

– Сейчас все спокойно, монсьор. Крошка Феб, после своей бабки Элеоноры, – первый претендент на трон Наварры. И вполне может так случиться, что он его все-таки займет. Тогда будет совсем по-другому.

– Феб – сын Мадлен Французской? – уточнил я.

Все эти родовые хитросплетения следовало крепко запомнить.

– Да, – Тук кивнул, – Феб – кличка, потому как красавчик. А так зовут юного принца Франциском. Так вот. Почти наверняка трон достанется ему. Вот тогда и начнется. Принц-то, скорее всего, еще несовершеннолетний будет, и Мадлен станет региной еще и Наварры. Вот тогда и придется ей покрутиться. Надо будет срочно сына женить, да не просто так, а чтобы обрести сильных союзников. Вот ей и придется выбирать между франками и арагонцами. Почти наверняка она будет склоняться к франкам. Все-таки сестра Луи... Хотя даже не знаю, тут много вариантов. И родственные связи – не главное. Мадлен может попытаться сыграть и свою партию.

– Понятно. Если получится, нанесем визит Мадлен. Примут нас, как думаешь?

Я интересовался не просто так. Действительно не знаю, как в пятнадцатом веке визиты совершают. С предварительным уведомлением? По предварительной записи? Согласно родovitости? А вот хрен его знает!.. Погонят еще взашей...

– В каком смысле «примут»? – Тук озадачился. – В случае нашего визита мы будем представлены ко двору однозначно.

– Под какой личиной представляться будем?

¹¹³ Ваганты – в XI–XV вв.: бродячие певцы, способные к сочинительству и исполнению песен или сказаний. Часто были лицами духовного звания или студентами.

– М-да... – Тук задумался. – Под истинной, ваша милость. Это же Фуа. Не забывайте, монсьор, что ваша мачеха невинно убиенна по приказу Паука. А она тоже де Фуа. После этой истории дворяне графства не допустят, чтобы вам причинили вред. Мало того – вы зароните в их души гнев против Луи, а это тоже немаловажно.

– Я понял, Уильям. Ты же будешь представлен как мой эскудеро, дамуазо Уильям Логан. Тебе нечего стыдиться своего имени.

– Благодарю, монсьор. А Франсуа? – Тук пристально посмотрел на меня. – Вам по статусу своему необходим паж...

– Мне его пажом объявить? – Я прервал Тука. – Он же не нобль!

– А бог его знает, кто он... – задумчиво буркнул шотландец. – Мне кажется, парень скрывает свое истинное происхождение. Не из простолюдинов он. Как пить дать – не из простолюдинов.

– Тук, не мути воду, приучись говорить со мной прямо. Я понял: ты хочешь, чтобы я его приблизил. Так?

– Монсьор? – Шотландец немного смутился, но глаз прятать не стал. – На все ваша воля, монсьор.

– Пошли есть. Я подумаю. – Я не стал давать ответа шотландцу.

Проблемы большой не вижу в возведении паренька в новый для него ранг, но подумать стоит.

Поели и прикончили остатки сидра. Я особо по этому поводу не огорчился, вина хватает, да и в первом же поселении по пути можно запасы пополнить. Стемнело быстро, и я, распределив дежурства, завалился спать.

Как говорится, будет день, будет пища.

Вкусная пища...

Хочу шашлык...

Хорошо промаринованный...

Поджаристый...

С корочкой...

Из кабана...

Завтра и завалю...

Из аркебузы...

А что нам стоит!..

Глава 12

Такого сна в моем новом теле я еще не видел! И видеть больше не хочу. Все ночь носился по каким-то темным переулкам, удирая от убийц в черных масках с прорезями для глаз.

Оружия у злодеев я не видел, но точно знал, что они хотят меня убить.

Три раза просыпался и только закрывал опять глаза – сон начинался ровно с того момента, на котором кончился предыдущий.

А финал-то какой!

Забегал в чей-то домик и там, за приют и убежище, усердно сношал дебелую толстуху! Почему-то в русском кокошнике и бикини!

В особо извращенных позициях! После которых камасутра детской гимнастикой покажется.

Брр... Кошмар! Нет, ужас!

Проснулся задолго до утра весь разбитый и отправил Тука спать. С рассветом взял эспаду с дагой и загнал себя в мыло, с удовлетворением отметив, что постепенно мастерство возвращается. До истинной моей формы, конечно, далеко, да и не факт, что она вернется окончательно, но доволен остался. Потом взял баклер и заставил на себя нападать Тука с глефой, потом с палашом – все равно не спит. Три пота согнал с себя, да и с шотландца тоже, но от неприятного осадка после сна и следа не осталось. Вымылся в реке, потом мы плотно позавтракали и, собравшись, отправились в путь.

В Памье не заезжали, обогнули его стороной и к вечеру добрались до Фуа, главного города одноименного графства в живописной долине реки; через него, помимо Арьежа, протекала еще одна речка поменьше, под названием Лабуиш.

Так как город находился в предгорьях, отсюда хорошо просматривались и сами горы, теряющие свои заснеженные вершины в облаках, и глубокие долины с блестящими как серебро горными речушками и водопадами.

Замок Фуа показался задолго до самого города, так как расположился на высокой скале и казался полностью неприступной твердыней.

Тук, покопавшись в своей памяти, заявил, что его так и не смогли захватить во время Альбигойских войн, как предводитель крестоносцев Симон де Монфор со своим войском ни старался. В итоге последствия нашествия крестоносцев для графства Фуа оказались не столь фатальны, как для их соседей – графов Тулузы.

Я так и не смог понять, какого хрена именно крестоносцы штурмовали Фуа, вроде магометан и всяких остальных нехристей поблизости в описываемое время не водилось, но переспрашивать не стал.

А замок... замок воистину поражал своим величием и неприступностью.

Как ни старался, так и не получилось мне представить, как его вообще можно штурмовать. Совсем небольшой гарнизон играючи сдержит и сбросит со стен вдесятеро большее войско.

Узкая дорога вела серпантином по скале к главным воротам, на всем протяжении полностью открытая для обстрела со стен. А три главные башни – две в плане квадратные и одна круглая повыше, – даже если бы стены взяли, оставались бы еще неприступны.

Заметил, что большой круглый донжон был почти современной постройки. Камень еще не успел потемнеть, да и стиль строения очень отличался.

– Монсьор, не припоминаете, на какие денежки конт Гастон Третий Феб построил этот донжон? – Тук показал рукой на круглую башню.

Я изобразил мыслительный процесс (хотя припоминать было нечего, клятый бастард на этот счет не оставил абсолютно никаких воспоминаний) и посетовал:

– Нет, Тук. Я уже смирился с тем, что потерял большую часть своей памяти. Ну и на какие?

– На деньги вашей семьи, ваша милость. – Тук произнес эту фразу деликатно, даже с сожалением, очевидно опасаясь моего гнева.

– Как это получилось?

– Точно не припомню... Кажись, в тысяча триста шестьдесят втором году, если память мне не изменяет, война была между родом Фуа и родом Арманьяк. В том же году, в битве при Ломаке, вашего прадеда вместе со всеми его вельможами и взял в плен Гастон. Кстати, в этом замке и содержал, пока выкуп не выплатили. Вот на эти деньги он замок и достроил.

– Но ты откуда все это все знаешь? – удивился я. – Опять читал где-то?

– Да, монсьор, – довольно улыбнулся Тук. – Вот память у меня такая особенная. Что раз прочитал, уже даже булавой из башки не выбьешь.

– Силен. А может, попробуем все-таки выбить? Булавы, правда, нет, так я тебя камнем по башке трахну, – съехидничал я.

– Не-э-эт. Не надо, монсьор, – шутливо изобразил панику шотландец. – А вдруг получится? И вообще меня по голове бить вредно. Гадить буду где попало.

– Ты и так грязнуля, где ни попадая гадишь. Так что не бойся. Ну что же... Получается, они мне должны. Значит, имеем законное право перетоптать у них всех непотребных девок, всех добропорядочных девок и всю благородную свиту контессы, – рассмеялся я.

Такая перспектива меня очень привлекала.

– Ага, монсьор, – довольно заржал Тук. – Я только «за».

– И я... – пискнул позади Франсуа.

А когда я обернулся, парень густо покраснел.

– Слышали, монсьор?! – Шотландец от избытка чувств хлопнул парнишку по плечу, чуть не сбив его на землю. – Слова не мальчика, но мужа. Для тебя, Франсуа, все непотребные девки в этом городе – за мой счет.

– Не спеши, братец. А вдруг он окажется еще тот ходок и разорит тебя вчистую, а я за тебя платить не собираюсь. Франсуа, тебе какие девки нравятся: попышнее или поизящнее? – решил я немного подразнить мальчика.

– А все равно, – попытался изобразить солидный басок Франсуа, – абы все нужное на месте было.

От нашего дружного хохота чуть не упал с осла неспешно трусивший нам навстречу толстый монах. А потом он еще долго провожал нас взглядом и что-то бурчал под нос. И правильно, толстозадый. Только вякни что... И сан церковный не спасет от тумачей.

Франсуа с каждым днем нравился мне все больше: сразу видно – парнишка умом не обделен. Больше молчит, внимательно слушает, даже, кажется, расторопней и половчей стал. О девках заговорил. Вот что значит правильное окружение для мальчика. Чему его могла научить мать, даже при всей ее любви к нему? В жизни подростков есть определяющий момент: «мужское воспитание». Очень правильный обычай: приставлять мальчиков пажами к кабальеро. Если выживали, то однозначно воинами и настоящими мужиками становились...

Пажами? Пажом? А что! Все в моей воле...

– Всем стоять, – торжественно скомандовал я. – Быстро спешились.

Тук и Франсуа, недоуменно переглядываясь, исполнили команду.

Слез с коня и приказал мальчику:

– Подойди ко мне, Франсуа!

Мальчишка настороженно приблизился.

– Яви мне свое полное имя! – потребовал я. – И подумай, прежде чем говорить. Я догадываюсь, что ты укрыл от нас многое.

Как я уже говорил, было у меня чувство, да и у Тука тоже: парень что-то скрывает; и как выяснилось, в этом мы не ошиблись.

– Франсуа де Саматан, – запинаясь, пробормотал мальчик. – Законный и единственный сын шевалье Франциска де Саматана, баннерета конде Арманьяк, доблестно павшего при обороне Лектура.

Вот так даже...

– Франсуа де Саматан, я, шевалье де Сегюр, беру тебя в пажи для обучения с последующим производством в эскудеро и, если проявишь ты достаточные доблесть, благородство и ловкость в воинском деле, с возможностью посвящения в кабальеро. Стань на колено и произнеси клятву верности.

Как звучит формула принятия в пажи, я, естественно, не знал. Даже не представляю, существует ли вообще таковая. Но, кажется, впросак не попал и сказал все верно, торжественно и красиво. Во всяком случае, Тук расплылся в одобрительной улыбке и энергично закивал.

– Клянусь хранить верность вам, мой сеньор, ценой жизни своей, и Господь свидетель тому. – Франсуа, пунцовый как рак, преклонил колено и застыл словно изваяние.

– Я принимаю клятву твою. А теперь встань, паж, и приступай к службе своей...

Я немного поколебался в раздумьях: не надо ли что еще сказать или сделать, но так и не придумал. Сойдет и так. Шотландец бы уже подсказал...

Не удержался и поинтересовался:

– Чего скрывался, дурачок?

– Не ведал я, чей вы сторонник, господин. Из рода нашего я один остался и обязан сохранить жизнь свою для законной мести. – Франсуа нахмурился. – Знаю, что поступил бесчестно, но жажда мщения моей сильнее чести.

– Не вижу я в поступках твоих бесчестия. Но остерегись больше говорить нам неправду...

Вот таким образом я вдобавок к эскудеро обзавелся еще и пажом. Дело за малым осталось. Вернуть себе наследственные владения.

Ха... за малым... Хотя пока не вижу ничего невозможного...

Мы достигли города, находясь в приподнятом настроении, причем Франсуа и Тук – особенно; они светились как праздничные фонари.

Миновали парные барбаканы перед рвом, проехали по крепостному мосту и, назвавшись страже, оказались в городе Фуа.

Кстати, въездную пошлину за вход с нас по причине благородного происхождения не взяли. Мелочь, а приятно.

Дело шло к вечеру, поэтому пришлось озаботиться ночлегом. Да и перед визитом к контессе надо расфуфыриться, хотя бы вымыться и переодеться как минимум. Многодневные конные прогулки чистоте не способствуют. А едкий конский пот не перебивают никакие благовоения.

– Служивый, не подскажешь, где нам можно остановиться в вашем славном городе? – спросил я начальника караула у главных ворот и явил в руках монетку для быстроты его размышлений.

Вояка довольно крикнул, протянул ладонь размером с садовую лопату и, получив серебряный обол, солидно заговорил:

– Это значит, ваша милость, вам надо в «Лилию и Розу», заведение солидное, мэтр Гренадон содержит. Тама все как раз для благородных господ.

– А...

– Не извольте беспокоиться, ваша милость. – Служака угадал по моему выражению лица, о чем я хотел спросить. – У него прямой договор с мамашей Пишот, девки у нее – по высшему разряду. Прожженные лярвы, искусные! Даже иноземки есть!

Вояка ухмыльнулся и завистливо поцокал языком.

– Ха... Туда едем, монсьор? – Тук при упоминании о блудницах был готов ехать куда угодно.

– Ну, а куда же? Только, служивый, ты бы дал провожатого! – Я выудил вторую монету.

– А как же!

Десятник рывкнул – и около нас нарисовался чумазый парнишка в бургундском колпаке, штанах по колено и деревянных сабо.

Примечательно, что монетку получил сам вояка и, очевидно, уже потом выделит какие-нибудь крохи мальцу. Бизнес налажен, ёптыть...

Сам город, по первым впечатлениям, не особо отличался от Тулузы. Те же узкие улицы, та же запутанная планировка, но было и отличие. Улицы оказались мощенными камнем под уклон к центральной оси мостовой, и грязь скапливалась как раз посередине. По краям можно было вполне проехать и даже пройти, не изгваздавшись.

И воздух! Воздух был намного чище! Возможно, виной тому предгорья и постоянный ветерок, а возможно, просто чистотой в городе более продвинуто занимаются. Во всяком случае, мне уже в Фуа нравится.

Заведение «Лилия и Роза» – солидный каменный дом о двух этажах и с третьим, в виде мансарды. Мощенный камнем двор с конюшнями и добротными служебными постройками дополнял впечатление. Гостиница явно не из рядовых.

Я приготовился к явлению хозяина, как там его... мэтра Гренадона – и не ошибся в своих ожиданиях.

Через мгновение во двор выскочил могучий, но слегка тучный мужик лет пятидесяти в темном одеянии горожанина, на ходу надевающий кирпичного цвета фартук и сопровождаемый целой толпой челяди.

У нас мгновенно приняли коней, и хозяин рассыпался в приветствиях.

– Мэтр Гренадон, хозяин этого заведения, – басил хозяин. – Рады, очень рады приветствовать благородного кабальеро. Заведение окажет вам достойный прием. Мы в состоянии удовлетворить самые взыскательные требования. Как мне именовать благородных кабальеро?

– Виконт де Лавардан и де Рокебрэн, – небрежно представился я.

Бастардство и принадлежность к Арманьякам я решил пока не упоминать. Это уже позже. Во дворце, когда начну местную знать и контессу смущать злодеяниями Паука и донесу до них известие об обстоятельствах смерти Жанны. А хозяину и этих титулов с головой хватит.

– Со мной мой эскудеро дамуазо Уильям Логан и мой паж, дамуазо Франсуа де Саматан, – представил я спутников.

– Очень рад, очень, – глубоко кланялся хозяин. – Мы в состоянии разместить вас со всеми мыслимыми удобствами.

Хозяин произвел благоприятное впечатление. Опрятен, что самое главное; глаза умные, короткий ежик седых волос, рожа чисто бритая, добродушная. Разве что излишне любезен, но то от жажды наживы и желания не потерять клиента. Простительно.

– Показывай давай свое заведение. Мы посмотрим, – великодушно разрешил я.

Гостиница впечатлила, и в первую очередь – размерами кухни. В очаге вполне поместился бы на жарку средних размеров мамонт. Но сейчас слонятину заменяли два ягненка и несколько каплунов. Крутил вертела поваренок в белом колпаке и белой же холщовой курточке, а вот руководил процессом необъятный толстяк с закрученными кверху усами на красном как кумач лице. Поварской колпак элегантно сбит набок и похож из-за этого на Пизанскую башню.

– Ваша милость, дозволейте вам представить главного повара моих гостиниц мэтра Дюбуа. – Хозяин с почтением подвел нас к шеф-повару, который, похоже, как раз и являлся главной местной достопримечательностью.

– Буду рад услужить вашей милости, – дежурно буркнул Дюбуа и сразу отвлекся, наградив подзатыльником поваренка, замешкавшегося с вертелом.

– Мэтр Дюбуа владеет всеми секретами галантной кухни Прованса и Лангедока, и его частенько приглашает к себе на помощь сам главный повар губернаторского дворца, мэтр Томазо Бернарделли...

– Убедил, показывая комнаты, – прервал я хозяина, а то он, похоже, настроился петь оды своему повару еще долго.

Не спорю, кухня впечатлила: опрятненько, посуда блестит, опять же размеры... и мяско на вертеле шкварчит, запахи аппетитные распространяя.

Мэтр Гренадон выделил нам в проживание целый двухэтажный флигель, пристроенный к основному зданию с правой стороны. С двумя спальнями, одна побольше, а другая поменьше – на втором этаже, и столовой вместе с помывочной – на первом.

Мебель резная дубовая, gobелены и шпалеры на стенах не пыльные, шитые шелком. Кровати с новыми тюфяками, набитыми конским волосом, а не соломой. В моей спальне даже окошко слюдяное есть. По углам комнат травы разные для приятного запаха развешены.

В мыльне тоже сравнительно чисто, здоровенная бочка и тазы присутствуют. Весьма...

Что еще надо благородному кабальеро для отдыха? Правильно. Вымыться, пожрать – и девок. Правда, про «вымыться» – это моя отсебятина. Не очень популярное это дело по нынешним временам. Хотя и не в такой степени, как клеветают историки.

Именно в этой последовательности мы и поступили. После помывки проследовали в столовую, где уже был накрыт впечатляющий стол, по центру которого лежал на оловянном блюде цельнозапеченный ягненок, приготовленный совсем без костей и фаршированный, помимо орехов и трав, тушками перепелок и жаворонков.

Только разлили по первой и употребили по ломтю ягнятины, заявили гулящие девки в сопровождении упомянутой солдатиком мамаша Пишот. Этакой недурственной блондинки лет сорока с впечатляющей грудью. Яркий образец хорошо сохранившейся и выдержанной красоты. Прямо воплощение моей юношеской мечты.

Именно с такой женщины и начал я свой тернистый половой путь. Марья Юрьевна. Первая моя тренерша. Особо не чинясь, она совратила меня, тринадцатилетнего, наставила на путь истинный и укатила в Америки, ловко выцепив старенького миллионера из гостевой ложи на чемпионате мира. Ее даже выпустили из страны, что по советским временам было неслыханно. Сейчас уже подозреваю, что, скорее всего, миллионщика таким образом плотно посадил на крючок приснопамятный «комитет глубокого бурения». Но это уже совсем другая история.

Так вот. С собой мамаша Пишот приволокла пяток девочек, одна из них, к моему удивлению, оказалась очень смуглой, с явной примесью африканской крови, правда, здорово разбавленной. Волосы уже не курчавились мелкими колечками, а вполне свободно вились. Симпатичная девчонка...

– Всех берем! И тебя, мамаша! А эта смуглянка – только моя, – сделал я вывод, совершенно не колеблясь. Мамашу я уже придумал для чего употребить, мулаточку – в свое личное пользование, а остальных – Туку. Этому кобелю еще и мало будет. Сделал приглашающий жест: – За стол, девы. И не чинитесь.

Мысль привести себя в порядок и заявиться по вечеру с визитом к Мадлен Французской испарилась, как и не было ее. Завтра, все завтра. А сегодня есть чем заняться.

Ели изысканные яства – мэтр Дюбуа действительно оказался на высоте, хлебали весьма недурственное вино и устраивали всяческие безобразия.

Девы изображали нимф: для этого я обмотал их простынями и натывал в волосы пучки зелени.

А мы с шотландцем изображали сатиров. Ловили нимф по углам и употребляли со всем пылом. Правда, я естествовал исключительно смугленькую, которую звали Амирой. Хороша девка, а темперамент... у-ух. Огонь!

Одна из девушек притащила с собой арфу, на которой и тренькала, пьяно покачиваясь, разбавляя наш гвалт музыкой.

Мамаша, не без моего намека, положила глаз на Франсуа и всячески его обхаживала. Парень храбрился, но сидел за столом как на уроке у строгой учительницы. В общих безобразиях не участвовал, вид имел весьма страдальческий и лицо радикально алого цвета. Даже зажимивался при виде особо раскованных наших поз.

Я решил немного подстегнуть события и шепнул пару слов «мамке». Женщина тут же, что-то ласково шепча слабо упирающемуся парнишке на ушко, увела его наверх, в свободную комнату. Правильно. Парень, скорей всего, девственник, так что требует особого деликатного обращения, и не след таинство первого захода на всеобщее обозрение являть.

Некоторое время оттуда доносилась только тишина, а потом пошел процесс. Затрещала кровать, стала повизгивать и страстно причитать мамаша Пишот.

– Порядок! – гордо заявил Тук и опрокинул очередную девчонку прямо на стол. – Я ж говорил!

Вроде порядок. И это хорошо, а то меня постоянно сомнения грызли.

Внезапно мне надоел всеобщий бардак, и я, забрав Амиру с собой, отправился в господскую спальню. Предаваться любви с толком и расстановкой. Ибо я только телом кобель молодой, а мозгами – совсем наоборот.

Описывать, что мы вытворяли, нет нужды, могу только сказать, что Амира оказалась не в пример искуснее своих товарок, хотя по сравнению с современными путанами – сама невинность.

Умаял я ее вконец и выбился сам из сил. И далеко за полночь наконец вырубился. Завтра в замок, начинать работу по смущению умов дворянских.

А если не поведутся?

А вот завтра и посмотрим!

Глава 13

Ночь прошла спокойно, если не считать случившегося далеко за полночь великого ора и шума в основном здании гостиницы.

Мы пробудились и наведались туда по тревоге в сапогах и исподнем, но оказалось – ничего страшного не случилось. Просто не просыхавший уже третий день кабальеро, то ли из Венгрии, то ли из Чехии, а возможно, даже из Польши, я так и не понял, словил белку и в одной короткой камизе носился с мечом в руках по этажам, гоняя чертей.

Нам-то что, пусть его самого челядь ловит, хотя очень любопытно пообщаться со средневековым представителем Восточной Европы. Но потом, когда выйдет из запоя.

Позевывая, досмотрел, как дворянчика все же изловили, и отправился досыпать, сделав дополнительный заход на Амиру.

Рано утром, рассчитав блудных дев, отправили их домой. Я напоследок поинтересовался у мамыши Пишот, как вел себя Франсуа. Он зависал с ней всю ночь, так и не пустив Тука в комнату. Впрочем, шотландца это не огорчило, он кувыркался сразу с тремя девочками на шкурах, лежащих в столовой на полу, там же и заночевал.

Женщина, пряча монеты в лиф, довольно прищурилась и заявила:

– Молодой господин – суций кобель. Умаял меня до полусмерти. Никогда еще с таким рьяным не встречалась.

Вот так даже. Ну что я могу сказать. Красавчик.

– Всё, кобели, натрахались – теперь приводим себя в порядок, – отдал я команду. – Нас ждет губернаторский дворец. Франсуа, ко мне. Голову буду мыть...

Вымывшись и побрившись, я затребовал у хозяина большое зеркало, кое он не замедлил предоставить. Правда, не из стекла, а отполированный и посеребренный лист железа в богатой оправе. Весьма тяжелый, тащили его три дюжих работника.

Процедура одевания в парадные одежды оказалась довольно продолжительной и здорово утомила, но результат стоил того.

Зеркало отражало настоящего красавца-кабальеро. Меня то есть.

Темно-синяя, с серебряными узорами, бархатной ткани ливрея в талию с плиссированной юбкой и привязанными серебряным же витым шнуром распашными рукавами, из которых уже выглядывал черный дублет¹¹⁴. На груди золотая узорчатая цепь с внушительным камнем на подвеске. И шоссы сине-черной расцветки. Пуфов из-под юбки не видно. Я, правда, башмаков себе не купил, но их, как по мне, вполне заменяли ботфорты черной замши с золотыми шпорами и красивыми пряжками. Добавим черный бархатный берет с павлиньим пером, роскошную перевязь для эспады и представительный пояс с шитой жемчугом поясной сумочкой. Великолепная эспада с дагой в стиль, роскошный кинжал... и вот! Стильный, богатый и благородный кабальеро во всей красе. Да, совсем забыл, тончайшей замши перчатки, драгоценный перстень и расшитый серебром гульфик. Они как раз довершали образ окончательно. В общем, я сам себе понравился.

Франсуа, как я ни сопротивлялся, на время одевания накрутил мне кончики волос на деревяшки, и теперь они куртуазно завивались. Красавчег, да и только.

Есть, конечно, несоответствие в цветах одежды с истинными расцветками герба Арманьяков, но на этот случай приготовлена железная отмазка. Обет! Скрываю истинные цвета свои, до того как воздам отмщение за невинно убиенного отца своего. Или еще позаковыристей могу придумать. И точка.

¹¹⁴ Дублет – мужская верхняя одежда, распространенная в Западной Европе в период с 1330 по 1670 г. Также назывался и стеганный поддоспешник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.